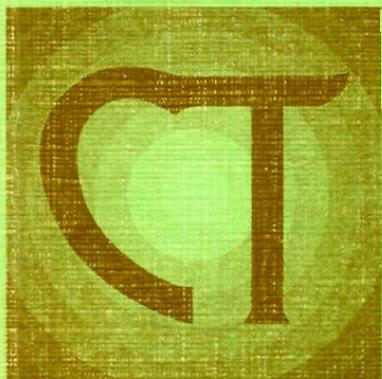

Библиотека Института славяноведения и балканистики

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики
Отдел типологии и сравнительного языкознания

Вяч. Вс. Иванов
Т. Н. Молошная
А. В. Головачева
Т. Н. Свешникова

Этюды по типологии
грамматических категорий
в славянских и балканских
языках

Издательство
«ИНДРИК»
Москва 1995

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Этюды по типологии
грамматических категорий
в славянских и балканских

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1995

Ответственные редакторы:
доктор филологических наук
Вяч. Вс. Иванов
кандидат филологических наук
Т. Н. Молошная

Рецензенты:
доктор филологических наук *Е. В. Чешко*
доктор филологических наук *Л. Н. Смирнов*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
грант № 95-06-18603*

В коллективной монографии рассматриваются категории лишительности, наклонения, времени, таксиса, результативности (актуализированности); глагольно-падежные конструкции с посессивной семантикой, глагольные конструкции с конъюнктивом в современных славянских языках. Для сопоставления привлекаются также данные балканских и многих других языков. Книга представляет интерес для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

ISBN 5-85759-017-5

© Коллектив авторов, 1995

Коллективная монография

ЭТЮДЫ ПО ТИПОЛОГИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательской группе
Института славяноведения и балканстики РАН

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.

Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
16,5 п. л. Тираж 1 000 экз. Заказ № 2554

Отпечатано с оригинал-макета
в Типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 6

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Типология лишительности (каритивности)	
(<i>Вяч. Вс. Иванов</i>)	.5
Синтаксические способы выражения косвенных наклонений	
в современных славянских языках	
(<i>Т. Н. Молошная</i>)	60
Грамматические категории времени и таксиса	
в современных славянских языках	
(<i>Т. Н. Молошная</i>)	151
Семантико-синтаксические посессивные структуры	
в западнославянских и русском языках	
(<i>А. В. Головачева</i>)	173
Балканский конъюнктив	
(на материале румынского и болгарского переводов	
Нового Завета) (<i>Т. Н. Свешникова</i>)	245

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сектор структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики РАН провел исследование двух категорий — определенности неопределенности и посессивности — в языках славянской семьи и балканского языкового союза. Эти исследования напечатаны в виде двух коллективных монографий (Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979; Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989). Хотя они по времени отделены друг от друга, в подходе к исследованию есть много общего. Концепция типологических исследований исходит из семантических критериев, соединяемых с формальными (например, определенный тип притяжательного местоимения, вводимый как критерий в книге о посессивности). Авторы считают, что типология может строиться эмпирически на основе сопоставления различных языков по единой схеме, априорные построения которой проверяются в ходе конкретной работы.

Типологическая и контрастивная модели в этом случае понимаются как частный случай построения (мета)языковой системы на основе сопоставления ряда отличных друг от друга (хотя изначально родственных или ареально сблизившихся друг с другом) систем. Иначе говоря, речь идет о внесении в общую модель всех тех черт, которые присущи каждой из систем, но обладают свойством переводимости на систему категорий других сопоставляемых языков. Принцип контраста существует там, где он позволяет очертить рамки каждого из языков в их противоположении другим.

В дальнейшей работе авторы продолжали изучение грамматических категорий, обращая внимание на морфологические и синтаксические способы их выражения. Так, в настоящей книге рассматриваются и сопоставляются категории лишительности (каритивности), наклонения, времени, таксиса, результативности (актуализированности); глагольно-падежные конструкции, функционирующие как посессивные; глагольные конструкции с конъюнктивом в современных славянских языках. Для сопоставления со славянскими привлекаются факты восточно-романских и многих других языков.

Вяч. Вс. Иванов

ТИПОЛОГИЯ ЛИШИТЕЛЬНОСТИ (КАРИТИВНОСТИ)

0. Типология отрицания и каритивность.

При значительном числе исследований, посвященных категории посессивности (притяжательности) в разных языках мира и ее типологии (КП, Панде 1990, Seiler 1993 с библиографией предшествующих работ), обращает на себя внимание относительно малая изученность обратной категории необладания или лишительности (каритивности). Эта последняя в некоторых языках и языковых зонах (союзах), например, сибирской, находит регулярное грамматическое выражение, в других же языках, как в праславянском и его диалектах, выражается словообразовательными средствами. С общелингвистической точки зрения интерес этих форм прежде всего состоит в том, что они могут выражать не глобальное отрицание, касающееся всего высказывания, а только отрицание обладания по отношению к предметам, обозначаемым отдельными локальными частями высказывания, не влияющими непосредственно на истинность или ложность всего утверждения в целом. Важнейшим для всей рассматриваемой проблемы представляется логический вывод, по которому языковое отрицание в отличие от логической связки относится обычно только к части всего предложения (Carnap 1958, 7). Уже в первых работах Венского кружка по логической семантике было обращено внимание на то, что отрицательное обозначение может не иметь особого выраженного "направления" – положительного или негативного, как в случае 'молчать = не говорить' (Schächter 1935, 151). В этой связи значительный интерес представляет обсуждение односторонней аффективной окрашенности отрицательных градуированных (Sapir 1985, 128–132; Nagórko 1989, там же дальнейшая литература) прилагательных с полярными значениями типа 'некоторый', 'недобрый' во многих языках при несколько типологически двусмысленной

ситуации в русском и других славянских языках, где в равной мере возможно ‘незлой’ и ‘недобрый’: Jhering 1923; Wundt 1886; Ginneken 1907, Noreen 1904; Jespersen 1917; 1942; Peter 1949; Zimmer 1964 (ср. также отчасти аналогичную ситуацию с производными типа ‘небольшой’ – ‘немалый’, детально изученными в исследованиях по лингвистической семантике: Мельчук 1969; Апресян 1974; Bierwisch 1967; 1987; 1987а; ср. Kleiber 1976; Seuren 1978; Seiler 1993, 178–179, там же о специфике славянских и балтийских производных типа лит. *ne-las* ‘некуда’). Прилагательные с каритивным значением, означающие негативную оценку или отсутствие (англ. *bad*, *evil*, *wicked*, *naughty*, *bare*, *naked*, *empty*, *silly*, *foolish*, Marchand 1960, 151–152; Zimmer 1964, 41–42, 58, ср. о немецком Paul 1956), в английском, немецком и некоторых других языках не могут иметь привативных производных. Для прояснения семантики привативных производных существенно логическое различие “сильного отрицания” в *triangles are unintelligent* ‘треугольники неразумны’ и слабого в *triangles are not intelligent* ‘треугольники не являются разумными’ (Wright 1959, 4; Russel 1956; Reichenbach 1947). При разбираемых ниже каритивных способах выражения значений типа ‘слепой’, ‘глухой’ (=‘безглазый’, ‘безухий’, т.е. ‘не имеющий зрения’, ‘не имеющий слуха’) лишительность обозначается по отношению к названиям предметов, типологически считающихся неотчуждаемой принадлежностью. Для общей семантики эти случаи интересны тем, что в самом способе выражения в расчлененном виде демонстрируется смысловая структура соответствующих слов. Особый интерес представляют возможные сочетания именных каритивных элементов с такими, которые по сути являются отрицанием предиката, ср., напр., известную фразу Гёте: *Ich bin kein Unchrist, kein Widerchrist, aber ein dezierter Nicht-Christ* (см. об этом сочетании: Wackernagel 1928, 266; Locker 1955, 561, ср. также о склонности позднего Гёте к тройственным языковым построениям: Lewy 1961, 99), ср. о подобных семантических различиях (нем. *un-* = англ. *un-*, нем. *nicht-* = англ. *non-*): Zimmer 1964, 54–55, 33 (“the contrast Christian vs. non-Christian appears to be primarily one between ‘related to, pertaining to, characteristic of certain religious doctrines’ and ‘not related to, etc. these doctrines’, while that between Christian and unchristian rather involves a scale of conformity or opposition to certain norms”, ср. о фин. *epäekristillinen* ‘unchristian’ там же, 69).

Вопрос об отличии предикативного отрицания от локального, рассматриваемый в ряде новых работ, позволяет понять специфику каритивных форм. Соотношение подобных отрицательных форм с глаголом составляет отдельную типологическую проблему, ср. к общей теории отрицания Fowler 1896; Jespersen 1917; Дондуа 1975; Joly 1967; 1972; 1981; Klíma 1964; Martin 1966; Lakoff 1969; Lindholm 1969; Horn 1987; Tournier 1988; Berthoud-Papandropoulou 1990; Payne 1992; также о диахронии: Schwedler 1983; 1988; Croft 1991. Применительно к американскому языку ючи (штат Оклахома) Бенвенист показал, что могут существовать два типа глагольного (предикативного или синтаксического) отрицания: глобальное или "абсолютное" (ючи *na*) отрижение касается всего предложения и главной его части, тогда как "обусловленное и модальное отрижение" (ючи *ha*) затрагивает утверждения, зависящие от других утверждений (Benveniste 1950, 100; Joly 1981, 134–135, там же сравнение с фактами индоевропейских языков). На подобную иерархию глагольных отрицаний накладывается разграничение глагольных и именных (адъективных и субстантивных) форм, которые по преимуществу во многих языках являются каритивными. Но в сходной функции могут выступать и отрицательные глаголы. В частности, для исследования выражения необладания как значения, обратного притяжательному, интересны глаголы со значением 'не иметь'. С формально морфологической точки зрения существенно различие отрицания словесного и аффиксального (ср. Zimmer 1964), которое в свою очередь делится на префиксальное и суффиксальное. Древние привативные сложения типа индоевропейских до их превращения в префиксальные образовывали промежуточную группу между словесным и аффиксальным типами. Ниже излагаются результаты начатого типологического изучения этих форм в синхронном и диахроническом аспектах.

1. Праславянские и индоевропейские формы с привативным префиксом. В праславянском индоевропейском типе привативных именных производных отражен в некоторых архаических сложениях типа **u-bogъ* – 'обездоленный, убогий, не имеющий доли, данной богом'. На основании типологического сравнения с греческим *a-theos* 'оставленный богами' можно думать, что славянское слово происходит из более древнего 'не наделенный божественной долей', ср. возрождение старой внутренней формы в таких сочетаниях как: *Он в убожество впал изволением Божиим*, Уложение 1649 г. X, 203. Лю-

богытно семантически сходное производное от другой основы с тем же префиксом в хет. *ašiwan-* ‘нищий’ в мифологических контекстах: Pecchioli Daddi 1987; Hoffner 1990, 13; о возведении слова к и.-е. **n̥-diu-went* – с тем же значением см. Laroche 1959, 174; Иванов, Топоров 1974, 132 с литературой вопроса; Гамкрелидзе, Иванов 1984, т. 2, 748; Puhvel 1984, 212; возражения у Starke 1990, 448–454, снимаются, если предположить заимствование хеттского слова в лувийский, где от него образовано *a-aš-ši-wa-an-ta-at-ta-na-aš-ši[-is]* ‘нищета’, KUB XXV 46 Rs. IV, 4’, Starke 1985, 159; повторяется в однотипных сочетаниях отрицательных понятий: KUB XXXV 49 Rs. I V 12’, Starke 1985, 151; [*a-aš-ši*]i-wa-an-ta-at-ta-na-aš-ši-in, KUB XXXV 45 Rs. III 19’, Starke 1985, 154; *a-aš-ši-wa-an-t[ə]-at-tar* KUB XXXII 8 (+)5 Rs. IV 26’, Starke 1985, 120, 168–169, 198; KUB IX 36 lk. Kol. 2’, KBo XXIX 19 6’ в сильно поврежденном контексте (Laroche 1959, 33, ср. Meriggi 1957, 65. n. 2, где уже содержится мысль о наличии в лувийском слове хеттской – “несийской” основы: “che sembre contenere il nesico *ašiwan-* “misero”.

Другое фонетическое развитие представлено в анлауте слов. **jeN-dux-/eN-dus-* ‘не имеющий нормального дыхания, страдающий удышьем’ (укр. *ядуха* ‘астма, узкогрудие’, *ядух* ‘подверженный астме’, ‘ядушилый’, в.-луж. *jaduxa, jadušiwy* ‘тяжело дышащий’, о первоначальном звуковом облике и преображении его в славянских диалектах см. Шахматов 1915, 13, 109). Этимологически славянское слово, восходящее к привативному производному от одного из индоевропейских обозначений дыхания и души (Гамкрелидзе, Иванов 1984, т. 2, 466, ср. как возможную типологическую параллель префиксальному образованию: лит. *ž-dusti* ‘задыхаться’), может быть отождествлено (согласно одной из возможных интерпретаций греч. *theos*, которое однако, может быть и северо-кавказским и/или хатским заимствованием, Иванов 1985а, 48) с греч. *a-theos*, хотя это последнее и приобрело другое значение, сближающее его со слав. **u-bogъ*. К той же семантической группе древних славянских привативных производных принадлежит **u-ro dəz-** ‘не имевший нормального рождения, урод’ (из **n̥-Hordhu-*, хет. *hardu-* ‘потомок, правнук(?)’, лув. *hardiuw-att-* ‘потомство в следующих поколениях’, KBo XXIX 49 Vs. 7’: *har-du-wa-at-ti-in-zı*, 4² : *har-d[u-wa-at-ti*, Starke 1985, 386; *har-tu-u-wa-har-tu-wa-ti* ‘внук и правнук(?)’, Tun.IV, 13, Götze 1938, 96;

Laroche 1959, 43; Meriggi 1980, 305; иерогл. лув. *ha + ra/i + tu-sa*, Hawkins, Morpurgo-Davies, Neumann 1974, 418; Meriggi 1962, 53; 1967, 130; 1980, 301; Tischler 1977, 189; Иванов 1981, 131).

В приведенных славянских словах отражается общеиндоевропейский тип сложений (позднее переосмысленных как приставочные производные слова) с нулевой ступенью огласовки первого (привативного) элемента. В параллельно засвидетельствованных славянских формах типа **ne-bog-* (сербо-хорв. *nebog*, польск. *niebogi*, общеславянское слово с производными типа ст.-чеш. *nebožatko* ‘несчастный’, Mastičkar, Drkolensky *zlomek*, 69 = 171, Veltrusky 1985, 368), **ne-dux* (словен. *neduxa*, *naduxa* ‘астма, узкогрудье’), **ne-rod-* этот первый элемент сложения представлен в полной ступени огласовки, что позволяет восстановить исходные сочетания с отрицанием **ne*, лежащие в основе этих сложных (позднее производных) слов. Последний тип представлен в древнеславянской ономастике, в частности, в именах, подобных недавно открытому др.-новгор. *Невидъ* (им. п. ед. ч. *Невиде*, новгородская берестяная грамота 663, Янин, Зализняк 1993, 53, 334), сопоставляемому со словен. *nevid* ‘инфузория’, серб. *невид* ‘мельчайшее летучее насекомое’, *невидом* ‘незаметно’, ц.-слав./др.-рус. *невидомъ* (**nevīdъmъ*) у Кирилла Туровского (**pe-wid-*, Зализняк 1991, 507, ср. *невидимка* в фольклорном языке, *невидим* у Блока в финале “Двенадцати”, *невидаль* и другие русские производные с отрицательной приставкой от этой глагольной основы с суффиксальными расширениями), к обсуждаемой в той же работе Зализняка традиционной этимологии греческого наименования Аида из и.-е. **n-wid-* ср. литературу о мифологической категории невидимости (Иванов 1971; 1973), лат. *invisus* ‘устрашающий’ и хет. *awiti* ‘чудище-лев’, по Пухвелью сопоставимое с лат. *invisus*, Puhvel 1984, 247; хет. *a-* как отражение индоевропейского слогового сонанта в ступени редукции в привативном префикссе представлено также в приведенном выше *āšiwan-* и в *attmiyan-* ‘маленький’ из ‘незрелый’, Puhvel 1984, 40. К древнерусским личным именам типа *Невидъ* ср. также известное из летописи личное имя *Нес-да* (Янин 1992, 46) из **ne-sə-da* (можно предположить индоевропейское сочетание отрицания с частицей **som* + **doH-*), которое лежит и в основе *Нес(ъ)д-иничъ* (там же, 44, 45, 47), притяжательная форма *Нес(ъ)дичевъ* (*Несодицевee*, берестяная грамота из Старой Руссы N 22, Янин, Зализняк 1993, 110–111, 334). Такие славянские

вянские привативные производные имеют точное структурное соответствие в иранском (новоперс. *na-bina* ‘слепой = невидящий’, *na-omid* ‘отчаявшийся = не имеющий надежды’ и т.п., ср. также отмеченные в ЭССЯ, 9, многочисленные новоперсидские соответствия с начальным *bi-* более позднему славянскому префиксальному типу привативных образований):

Для выяснения раннего значения славянских лишительных сложений с **u-*, **g-* представляет интерес сопоставление двух однотипных сложений: **u-bogъ* (с вариантом лишительного префикса из древнего отрицания **ne-*: *ne-bogъ*) ‘не имеющий Бога-покровителя и Божьей доли, им даруемой’ и **u-rodъ* ‘не имеющий рода (потомства и предков и божества Рода), который бы обеспечил обычное (нормальное) поведение и обычную внешность’.

Второе из этих слов представлено в древнерусском, старославянском и церковнославянском ОУРОДЬ ‘юродивый, урод’ (при параллельном йотированном алауте в церковнославянском и древнерусском, ср. Берында 1627, 272, 311; 1653, 181, 208; Соболевский 1894, 218; Ягич 1896, 439–440; Успенский 1987, 207–208, 225–226; Черных 1993, 2, 279 и 461; Иванов С. 1994), ср. в Пандектах Антиоха (л. 58) «Мы оуроды Ха ради» (цитирую материалы картотеки Древнерусского словаря по Иванов С. 1994), в Синайском Патерике (л. 79 об.; 145) «зъряще же бе акы оуродъ», в Апракосе Мстислава Великого (л. 202а, Жуковская 1983, 274): «оца нашего Сумеона оуродиваа Ха ради»; в Пандектах Никона Черногорца (л. 13): «оуродъ себе створитъ»; в "Иудейской войне" Иосифа Флавия (Мещерский 1958, 210, 217–218): «ходяще яко урод всяк», ср. также в Житии Василия Нового (1-ая русская редакция, ср. СДРЯ, 1, 323–324): «иже оуродствомъ мдраго злобу победиши», в "Житии Авраамия Смоленского" (Розанов 1912): «на оуродство ся преложъ», в "Житии Прокопия": «преемлет юродственное Христа ради жити», «сам же во юродство претворися», в "Житии Кирилла Белозерского": «оуродъ мняжеся быти», «пакы иное оуродство сътворяше», «притворяет оуродство» (Яблонский 1908, XI–XII).

Для определения исходного славянского значения **u-rodъ* необходимо определить первоначальный смысл **rodъ*; из западнославянских ранних свидетельств употребления слова, подтверждающих его связь с древними социальными структурами, ср. др.-чеш. *rod* ‘ происхождение, знатность’: *Mastičkar*, *Musejní zlomek*, 398, 400, 402, 412,

424; Drkelenzky zlomek, 101, 111, 115, Veltrusky 1985, 354–356, 370, в южнославянском ц.-слав. БЛАГО-РОДЬНЬ и т.п. Существенны мифологические языческие контексты, в которых употребляются др.-рус. *Родъ* и *роженицы*. Согласно В.Л. Комаровичу *Родъ* означал божество, покровительствовавшее родовому имению и обеспечивавшее его законность (Комарович 1960). В таком случае можно предположить параллелизм в соотношении значений: **todъ* ‘божество родового имения’: **u-todъ* ‘не имеющий покровительства рода’, **boгъ* ‘божество, дающее долю’: **u-boгъ* ‘не имеющий доли от бога’. Не имеющий покровительства Рода мог иметь вследствие этого телесный (урод) или психический (кродивый) недостаток; последнее значение было переосмыслено (как эквивалент греч. *salōs* ‘безумный, кродивый⁹’) под влиянием византийского христианства, ср. в рукописи середины XVII-го в.: “ОУРОДЬ есть, иже естеством уродится что каково; еже есть блгообразно или злообразно, или мало, или велико тълесно, ИРОДЬ наречется буй и несмысленъ” (Гос. Рос. б-ка, ф. 218, N 714, л. 185–186, Успенский 1987, 225).

• Помимо словосложений, ставших позднее префиксальными привативными производными указанного типа, праславянский обнаруживает также их комбинацию с архаическими суффиксами. Существительное **ne-plod-y-* (из **ne-plod-uH-*, субстантивированное прилагательное, Трубецкой 1987, 224) указывает на существование привативных (каритивных) прилагательных с архаической суффиксацией (на **u-H-*, где второй суффикс – примета древнего класса, объединявшего женский род и собираательные имена).

В старославянском языке можно отметить, например, следующие производные с начальным НЕ-, которые хотя бы частично могут восходить к древнему словообразовательному типу: НЕВОЛ⁹А, НЕВЪРИЕ, НЕДѢГЪ, НЕМОШТЬ, НЕНАВИСТЬ, НЕПОДОБЬНИКЪ ‘недостойный’, НЕПРАВЪДА, НЕПРИАЗНЬ (в значении ‘дьявол’ соответствующее церковнославянское слово передает внутреннюю форму лат. *inimicus*, Успенский 1987, 46), НЕРАЗОУМИЕ, НЕЧЬСТИЕ.

Для восстановления этого типа индоевропейских словосложений особый интерес может представить иероглифическое лувийское *ni-mi-wiza-* ‘ребенок, сын’ (INFANS *ni-mi-wa/i-i-za-sa*, Maraš 4,1). В этом слове можно видеть древнее притяжательное прилагательное или уменьшительное со значением ‘не имеющий силы’ (Melchert 1988, 218).

Несомненным и весьма ценным открытием представляется обнаружение привативно-каритивного *pi* (из и.-е. **ne*) в начале этого слова, что согласуется и с идеей Пухвеля (Puhvel 1984, 48), выделившего сходную морфу и в начале лув. клинописн. *ni-walli-* ‘невинный’ (лувийская форма с глоссовым клином в хеттском тексте KUB VIII, 48 I 13, Laroche, 1959, 75,ср. Starke 1990), хет. (из лув??) *ne-walant-*. Если принять семантическую интерпретацию лувийского иероглифического *ni-tiwi za* ‘не имеющий силы’ по Мелчерту, то ближайшее соответствие этому слову можно найти в ст.-слав. НЕ-МОШТЬ ‘недостаток силы, слабость, недуги старости’, ц.-слав./рус. *немошь*, *старческие немоши*, *немощный*, рус. *немочь* (в классической русской поэзии *немочь морская* ‘морская болезнь’, Баратынский), бледная *немочь*, черная *немочь*, *невмочь = невмоготу* (Ушаков 1938, 519, 520, 485; Словарь языка Пушкина 1957, 809). Как показали Мелчерт (Melchert 1987) и Штарке (Starke 1990), **g* в лувийском исчезало. Поэтому лув. *tiw-* в *ni-tiwi-za* может быть результатом развития корня **tog-* ‘мочь’ с суффиксом *-i-*, ср. лит. *mag-i-la-s* ‘многочисленный’, др.-перс. *mag-i-s* ‘маг’. Число подобных привативных словосложений в праславянском могло быть значительным. Таким образом для древних словосложений типа праслав. **nem-* ‘немой, не говорящий, не обладающий обычной речью’ восстанавливается исходное сочетание с отрицанием **ne tem-* ‘не говорить, не обладать речью’, что подтверждается сравнением с латышск. *tems* ‘глухой’ (*temie garī* ‘глухие духи = скот’, *tema* в обозначении обряда, совершающего молча: Mühlenbachs –Endzelīns 1923–1932, II, 615–616; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2, 471–473, примеч.4) и с хет. *UL (=natta) tem-a-* ‘не говорить’ (о скоте в обрядовом контексте; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 2, 469, из того же и.-е. **ne [te] tem-* ‘не говорить’, что и приведенные выше славянские и балтийские древние сложения, см. о балто-славянских формах этого глагола Иванов 1981, 172–173); из типологических параллелей употреблению отрицательной морфемы как префикса ср. о цоу (малайско-полинезийский язык на Тайване) *oə-* ‘не’: Невский 1935, 137. В других индоевропейских диалектах в близком значении используется привативное словосложение, специализированное применительно к мифopoэтическому (мета)языку: др.-инд. *an-uk-ta* ‘несказанное, беспесенный’ (из ‘бес-словесный’, ‘не-произнесенный’) =

др.-ирл. *an-o-sch-t* ‘ошибка, отступление от поэтической нормы’ (Watkins 1970; Иванов, 1976, 258).

Индоевропейский (преимущественно восточный, т.е. греческо-арийский) мифопоэтический язык (так называемый *Indogermanische Dichtersprache*) характеризуется, в частности, большим числом подобных привативных образований типа греч. *aphitton* ‘неувядающая, неиссякаемая’ (в качестве эпитета при *kléos* ‘слава’; *hydōr* ‘вода, источник вод’), исторически тождественного др.-инд. *aksitam* (в первом члене предполагается лишение, выраженное сочетанием отрицания с отвлеченным существительным, а не с прилагательным, в чем видна особая древность данного типа: Schulze 1968, 35 = 294; ср. о грамматическом типе аналогичных славянских форм. Taszycki 1968), соответственно эпитет *śrava-* ‘слава’, *utsam* ‘источник вод’; греч. *ageraton* ‘нестареющий’, др.-инд. *aīgutam* (в сочетании с теми же названиями славы из и.-е. **klewos*, Schmitt 1967, 69–70, Nagy 1974); греч. *ambrotos* ‘бессмертный’, др.-инд. *a-mr̥ta-*, авест. *ameša-* (Thieme 1952; 1968; Иванов 1981, 162).

Некоторые из архаических привативных форм этого типа имеют прежде всего значение лишительности. Самым характерным примером может быть др.-инд. вед. *a-rad-* ‘безногий, не имеющий ног’ (о драконе Бритре, ср. Иванов, Топоров 1974, 100, ср. Иванов, Топоров 1965, 143, дальнейшие подходы к той же теме в плане общеиндоевропейской реконструкции см. у Уоткинса: Watkins 1987), праформа которого **n-pe/od-* входит в ряд древних индоевропейских обозначений числа ног мифологических и других персонажей (Иванов, Топоров 1974, 79; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 473–474; Иванов 1985). В том же контексте засвидетельствовано др.-инд.вед. *a-hast-a-* ‘безрукий’, для которого восстановляется и.-е. **g̃-ghes-(j/n-t-*). Засвидетельствованный у Гесиода (*Erga*, 524) кенниг — греч. *an-osteos-* ‘бескостный’ (об осьминоге) тождествен др.-инд. *an-astha-* ‘не имеющий костей’ (Watkins 1978; Nagy 1990, 81; Bader 1989, 1990, 9–12) и может быть возведен к тому праиндоевропейскому каритивному обозначению, которое при всех конкретных лексических заменах отразилось в рус. бескост(и)ый, слав. **bez kostvъ***bez kostnъ***bez kostenъ* (ЭССЯ, 29); первоначальный смысл загадки, лежащей в основе кеннинга, сохранен в др.-чеш. *maso bez kosti provrtelo devku* ‘плоть без кости пронзила девицу’, Mastičkar, Drkolensky zlomek, 136 = 238, Veltrusky 1985, 372, 376, Jakobson 1958, 257–263.

Подавляющее число достоверных архаичных сложений этого типа засвидетельствовано в древнеиндийском, соответствующие формы есть и в иранском, ср., напр., в скифском *a-pary-a-* ‘гермафродит’ (*hoi enarees* = *hoi androgynoi*, Her. I, 105; IV, 67), иранск. **a-pary-a-* ‘не-мужской’ (Абаев 1949, 151, 174). Из достоверных армянских этимологий в данной связи можно отметить др.-арм. (грабар) *amuri* (**p-putriyo-* ‘не имеющий сына’) ‘холостой’, Godel 1975, 79, со ссылкой на работу Адонца.

Большая часть реконструированных форм этого типа (иногда с преобразованиями, указывающими на архаизм формы, как в греч. *a-skēp-to-s*: др.-инд. *a-raf-yat-* ‘не видящий’) относится исключительно к индо-иранскому и греческому. Тем не менее наличие производных этого типа в хеттском, лувийском и тохарском, как и некоторые другие приведенные этимологии (напр., кельто-древнеиндийское совпадение), позволяют возвести привативные сложения к общеиндоевропейскому, хотя в нем они еще могли быть синтаксическими конструкциями, а не цельнооформленными словами. Поэтому древнейшие из восстановляемых индоевропейских форм можно считать изначальными сочетаниями отрицания с глаголом или с отглагольными именами, напр., причастиями, ср. тох. A *a-knats*, Б *a-knab-sa* ‘невежественный, безумный’, лат. *ignōtus*, гот. *un-kunos*, др.-инд. *a-jna-ta-*, греч. *a-gnō-to-s* из и.-е. **p-gnoH-(t)-* (ср. о фонетической форме этого и других привативных образований Семерены 1980, 61–62).

К числу гумбольдтовско-сэпировско-урковских вопросов относительно возможной связи языковых категорий с философскими может быть отнесен и несомненный факт совпадения значения древнегреческой приставки *alpha privativa* (восходящей к более ранним – восточно-индоевропейским формам сложения с отрицательным первым элементом) и аристотелевской теории "лишения" (греч. *steresis*). Это последнее понимается как состояние, при котором у субъекта отсутствует предикат (форма или отношение), по природе ему принадлежащий (или могущий принадлежать, как, напр., зрение Гомеру, ср. ниже о недостаче в мифологическом смысле), Funkenstein 1968, 351–2, 37; Wolfson 1947. Согласно "Метафизике" Аристотеля (A.21069 б 32–34), лишение, наряду с материей и формой, представляет собой одну из существенных логических и онтологических моделей или схем.

Если аристотелевское понимание лишения имело значение для последующей европейской традиции (в том числе и лингвистической), то – в развитие шпитцеровских идей о культурно-историческом единстве всего европейского ареала, начиная с античности – кажется возможным увидеть след некоторых типов древнегреческих (и предшествовавших им восточно-индоевропейских) привативных прилагательных у европейских писателей вплоть до нашего века. В книге Сёrena Кьеркегора "Страх и трепет", содержащей многочисленные следы его занятий греческими авторами (в том числе и в самом заглавии, имеющем не только библейские, но и гомеровские мифологические параллели), встречаются сочетания однотипных датских привативных прилагательных, построенных по греческим образцам: "Det er ikke identisk med det Usadsynlige, det Uventedte, det Uformodelde" «Он (абсурд) вовсе нетождествен неправдоподобному, неожиданному, нечаянному» (Кьеркегор 1993, 46), "It is not identical with the improbable, the unexpected, the unforeseen" (Kierkegaard 1983, 46; из 3 прилагательных в английском переводе 2 построены по германскому отрицательному типу на *ип*, а третья представляет собой заимствование латинского слова, исторически по своему типу родственного германским формам; к анализу скандинавских производных с отрицательным префиксом типа исл. *б-*, дат. *и-*, швед. *о-* ср. Noreen 1904, там же о преимущественно негативной окраске большинства производных с этим шведским суффиксом). В современном поэтическом языке европейского авангарда греческие (отражающие исторические индоевропейские) привативные прилагательные с начальным *а-* продолжаются иногда в заимствованных формах, ср., напр., итал. *acefala* в сочетании *Venera acefala* ‘безглавая Венера’ (Villa 1992, 264), ср. о соотношении привативной (каритивной) и отрицательной (противопоставительной) функции у этого суффикса, заимствованного из греческого в английский: Zimmer 1964, 26–27. Другой возможностью передачи того же значения в европейских языках типа итальянского является романское продолжение латинских отражений того же индоевропейского привативного префикса **η-* (чаще всего в производных от глагольных корней): *cotri insomni* ‘бессонные тела’ (Tomazo Ottonieri, Fantasmi).

С этой точки зрения очень интересны наблюдения Шпитцера о стиле Марселя Пруста (замечу, что сам Шпитцер никаких историче-

ских выводов из этих наблюдений не делал). По мысли Шпитцера, для Пруста характерны афоризмы в духе Ларошфуко типа “*l’acte de la possession physique – ou d’ailleurs l’on ne posséde rien*” (“акт физического обладания, во время которого впрочем, никто ничем не обладает”, Spitzer 1961, 2, 393). В этом конкретном случае речь идет о каритивности в чистом виде. В других, отчасти лишь сходных частях эпопеи Пруста волнует неосуществимость воплощения, но выражается она иногда с помощью того же каритивного отрицательного сочетания *ne posséder* ‘не обладать’, что и в выше приведенном афоризме: “*Welcher Schmerz des Nicht-Erreichens von Realität in Stellen wie: (2,59) “elle parlait; il ne l’interrompait pas, il recueillait avec une pitié avide et dououreuse ces mots qu’elle lui disait et qu’il sentait... garder vaguement, comme le voile sacré, l’empreinte, dessiner l’incertain modèle, de cette réalité infiniment précieuse et hélas introuvable: – ce qu’elle faisait tantôt à trois heures, quant il était venu, – de laquelle il ne posséderait que des mensonges, illisibles et divins vestiges, et qui n’existait plus que dans le souvenir receleur de cet être qui la contemplait sans savoir l’apprécier, mais ne la lui livrerait pas”* (там же, 403–404). Возвращаясь в другом месте своего исследования к словам, связанным с глаголом *réaliser* у Пруста, Шпитцер замечает: “wie sollten nicht die Wörter, die Unerreichbarkeit der “Realisierung” bezeichnen, die Wörter für das jeder Präzision sich Entziehende besonders häufig, d.h. affektbetont sein? *iréal, immatériel, impalpable, inconnu, inaccessible, indéfini, ineffable* – auf Schritt und Tritt! Und wohlgemerkt: mehr in als des-Bildungen: nach dem seelisch Unerreichten strebt Proust (*à la recherche...*; recomposer ce qui est senti par nous de la vie), nicht nach Desorganisation des Organischen: Swann ist zwar “dilettante de sensations immatérielles”, aber keine destruktive Natur” (там же, 443). Шпитцер приводит контексты, где в этом смысле употреблены у Пруста привативные прилагательные (и образованные от них наречия): *impalpable, immatérielles, immense, inéducable, ineffable, inépuisablement, impénétrables, infléchissable, inaccessible, indéfiniment, inépuisable, inconnu, inéluctable, invisibles, incolore, inexstante, impréscriptible, infiniment, introuvable, illisible, incommensurable, inexplorees, impénétrée, inexistant* (там же, 443–445). Он заключает: “Man spürt, mit welch tragischem Unsterblichkeitswillen die Seele

Prousts in die Nacht der Leere und des Nichts verstössst gleich seinem Musiker Vinteuil “*expérimentant, decouvrant les lois secrètes d'une force inconnue, menant à travers l'inexploré vers le seul but possible, l'attelage auquel il se fie et qu'il n'apercevra jamais*” und mit dem stolzen Non omnis moriar des Künstlers dem grossen Verneiner Tod Trotz bietet” (там же, 445). Цитируя характеристику Пруста, ранее данную в одной из первых работ о нем – “*Die Unendlichkeit des inneren Lebensprozesses und die Unendlichkeit der registrierten Details*” (Curtius 1925, 116), Шпирцер подходит к интерпретации строения этих привативных прилагательных. Говоря о прустовской бесконечности, он высказывает догадку, что “*sie spiegelt sich in jenen in-Bildungen, denen die in... able-Bildungen noch die Ohnmacht des Menschen, in diese Unendlichkeiten vorzudringen, zugesellen*” (Spitzer 1961, 2, 445).

Эта семантическая и стилистическая черта объединяет Пруста со многими из его предшественников (ср., напр., подбор аналогичных прилагательных в функции субстантивированных обозначений типа *l'inconnu* у Гюго, приводимый в другой связи тем же Шпирцером, там же, 1, 217; напомним значение Гюго для Пруста, подробно описанное им самим) и современников, примыкавшими к европейскому символизму, об англ. *in-* в том числе и в сочетаниях с *-able* (ср. Zimmer 1964, 28–32 (английские отрицательные прилагательные с суффиксом *-able* сходны с французскими еще и наличием потенциальной производящей основы: Нугор 1908, Dierickx 1991)). В русской символистической и авангардистской постсимволистской традиции в функции подобных привативных прилагательных обычно выступают производные с отрицательной приставкой *не-* (и суффиксом, по значению сходным с фр. *-able* в приведенных примерах), ср. роль слова *невозможно* в лирике Анненского (Анненский 1992, 23–24, 243) и Блока, сочетания форм, однотипных с *невозвратимо*, в поздних романсообразных стихах Блока, чья эстафета (подчеркнутая блоковской рифмовкой с *мимо*) подхвачена Цветаевой:

Невозвратно, неостановимо,

Невосстановимо хлещет стих (Цветаева 1990, 436, N 553).

Хотя в привативных производных этого типа есть идея отсутствия (надежды на возврат, остановку, восстановление), тем не менее на первом плане в них отрижение. Если восточно-индоевропейский

тип привативных прилагательных, еще продолжающийся в греческой и испытавших ее влияние европейских традициях, частично включает и формы с каритивным значением, то постепенно в этом последнем смысле все чаще используются другие формы.

2. Предложно-послеложный способ выражения каритивности в славянских и других индоевропейских языках и основанные на нем позднейшие префиксальные производные.

Если не рассматривать становящихся в исторический период все более редкими следов самого архаического общеиндоевропейского типа выражения лишительности посредством привативных сложений с отрицанием **n-* / **n(e)-*, основанных на отрицательных синтаксических конструкциях, славянские языки принадлежат к числу тех многочисленных индоевропейских диалектов, которые эту категорию выражают с помощью предлога или послелога; позднее на основе послеложных сложений формируется новый префиксальный тип, заменяющий древние привативные производные. В праславянском и в отдельных славянских говорах исторического времени главным словом или морфемой, выражающей каритивность, становится **bez-* / **bes* (о реконструкции исходного праслав. **bez*, предложенной Бодуэном де Куртенэ и принятой многими славистами, см. Endzelīns 1971, 311–312 = 1–2, ЭССЯ, 7–10). Для древнего периода реконструируется **bez* в качестве предлога (проклитики) в приименной функции (ЭССЯ, 10, заметим, что привативное **n-* в нулевой ступени также выступает в древних приименных сочетаниях). В новгородских берестяных грамотах предлог *безъ/бесъ/бе* представлен в именных конструкциях с родительным падежом (*бес коунф*, грамота 526, *бес твъего повеления*, грамота 651, Янин, Зализняк 1993, 46–47, 213) или в вычитательных конструкциях с числительными (напр., в грамоте 686: *без довоу тридесѧтє "–2 + 30 = 28"*, там же, 70–71, к типологии обозначений вычитательного характера: этр. *esl-em cial-xus'* *–2 + 30 = 28*" ср. Lejeune 1981; для древненовгородского не исключен финно-угорский субстрат, сказавшийся в вычитательных формах).

В древнечешской смеховой карнавальной мистерии встретились следующие каритивные обороты с предлогом *bez*: *bez peněž* ‘без денег’ (Mastičkar, Musejní zlomek, 183, Veltruský 1985, 342), *bez mistra svého* ‘без своего господина’ (там же, строка 259, Veltruský 1985,

346), *bez pomeskani e* ‘без промедления’ (там же, строка 273, Veltruský 1985, 348), ср. *bezmal neosrach* ‘чуть не наложил в штаны’ (там же, строка 312, Veltruský 1985, 350), *bez kosti* ‘без костей’ (Mastickar, Drkolenský zlomek, 136 = 238, Veltruský 1985, 372, ср. выше о более архаичных индоевропейских соответствиях).

Широкое употребление этой морфемы в качестве словообразовательной приставки относится к ранней поре истории славянских диалектов. Во всех случаях древние производные с этим суффиксом имеют привативное значение (ЭССЯ, 13). Отметим группу возможных праславянских основ с приставкой **bez-*, означающих отсутствие части тела: **bezborð(jv)*/**bezborðv nð(jv)* (вторая основа признается более поздней) ‘не имеющий бороды’ (там же, 14), **bez-golov(jv)* ‘безголовый’ (там же, 27; Taszycki 1968, 287), **bez-pogð(jv)* ‘безногий’ (ЭССЯ, 33–34, ср. выше о синонимичном индоевропейском **n-pod-*, обе части которого заменены в праславянском при сохранении самого типа приставочного привативного образования), **beznosð(jv)* ‘безносый’ (ЭССЯ, 34), **bezokz(jv)* ‘не имеющий глаз, слепой’ (ЭССЯ, 36), **bezroNkz(jv)* ‘не имеющий рук(и)’ (ЭССЯ, 43; Taszycki 1968, 287–288), **bezuxv(jv)* ‘безухий’ (ЭССЯ, 48), **bezzoNb* ‘не имеющий зубов’ (ЭССЯ, 53), ср. **bezkridlðj(v)* ‘не имеющий крыльев’ (там же, 29).

Диалектными северно-славянскими (представленными хотя бы в части западно-славянских языков и в восточно-славянских) формами можно признать из обозначений отсутствия частей тела: **bez-bokz(jv)* ‘не имеющий бока’ (ЭССЯ, 14), **bezbr'uzx(jv)* ‘не имеющий жи-вота’ (ЭССЯ, 15), **bezbr'uzvz(jv)* ‘не имеющий бровей’ (там же; Taszycki 1968, 287–288). Приведем некоторые из обозначений отсутствия родственников, засвидетельствованных преимущественно в архаической ономастике, главным образом лехитской: **bez dødø* (Milewski 1969, 119, 223; ЭССЯ, 16–17), **bezstryj* (Milewski 1969, 119, 223, ЭССЯ, 45–46), **bezu(jv)* (Milewski 1969, 119, 223; ЭССЯ, 48; ср. древнерусское имя *Безу́й* в надписи-граффито XI в. в Киевской Софии, Высоцкий 1976, 25, и женское имя *Безу́ева* в берестяной грамоте 22 из Старой Руссы, Янин, Зализняк 1993, 110–111, 325). Некоторые старославянские слова этого типа, обозначающие отсутствие родственников, хотя они и имеют соответствия в других южно- и восточно-славянских привативных основах, могут быть хотя бы частично кальками с греческого: ст.-слав. БЕШТАДЬНЬ ‘бездетный’, слав. **bezceNdvnð(jv)* ‘не имеющий детей’ (ЭССЯ, 15), ср. синони-

мичное славян. **bəzde̯t-* с тем же значением (есть разные производные с вероятно различной пространственно-временной приуроченностью: ЭССЯ, 17). Греческие кальки предположены и в случае некоторых старославянских слов других семантических полей, имеющих соответствия в большинстве славянских языков: ст.-слав. БЕЩЬСТЬНЬ, слав. **bəzč̆estnъ(j)* ‘бесчестный’ (Schumann 1958, 13, 22; ЭССЯ, 16), ст.-слав. БЕЗДОУШНЬ, слав. **bəzdus̆tъnъ(j)* ‘бездушный’ (Schumann 1958, 24; ЭССЯ, 20–21), ст.-слав. БЕЗДЬНА, слав. **bəzdəbna* ‘бездна’ (Schumann 1958, 24, иначе ЭССЯ, 22), ст.-слав. БЕЗДЪЖДЕ, слав. **bəzdəzdgъje* ‘засуха, отсутствие дождей’ (Schumann 1958, 13, 24; ЭССЯ, 24). В старославянском можно отметить еще следующие производные формы с приставкой БЕЗ-/БЕС-, образовавшейся из соответствующего предлога и вытеснившей в достаточно ранний период привативные префиксальные сложения, унаследованные славянским от индоевропейского: БЕЗБОЖСТВО (ср., с одной стороны, более древний тип приведенного выше синонимичного **u-bogъ*, с другой стороны, более поздние комбинации предлога и приставки *без-* с именем Бога вплоть до современных языков, в кашубск. *bəzbɔžnik* и в словинц. *bəzbɔžni* усматривают моравизм позднего времени: Popowska-Taborska 1987, 23), БЕЗБОГСТИЕ, БЕЗГОДИЕ ‘неблагоприятное время года’, БЕЗМЛЪВИЕ, БЕЗОУМЬНИКъ, БЕСПРАВЬДИЕ, БЕСХАМЬНИКъ, БЕШТИНЦА ‘распущенность’, БЕСЪНИЕ ‘бессонница’. Часть старославянских и позднейших церковнославянских форм с этой приставкой объясняется калькированием греческих привативных образований (Истрин 1920–1930, Успенский 1987, 37): ср. в Хронике Георгия Амартола: БЕЗБРАЧСТВИЕ – греч. *agatia*, БЕЗМУЖЬЦЬ – греч. *anandros*, БЕЗНАЧАЛЬСТВИЕ – греч. *anarkia*, ПРОИЗОБРАЗИТИ – греч. *prodzogarein*.

Из народных северорусских производных с приставкой *бес-* представляет интерес ‘бесчисленица’ – название косы, которую плетут в четыре и более прядей (Зеленин 1991, 277). Среди просторечных форм с приставкой *без-* заслуживает внимания ‘без-алаберный’, сопоставляемый с соответствующей латинской или германской основами, ср. Черных 1993, 1, 82.

В стихотворении И. Анненского “Моя тоска”, помеченном 12 ноября 1909 г., в контексте поэтического монолога о любви, продолжавшего разговор на эту тему с М. Кузминым (Лавров, Тимен-

чик 1983), используется прилагательное *безлюбая*, вслед за которым (применительно к тому же существительному *тоска*, названному в первой строфе) следует *бесполая*:

«Любовь ведь светлая, она кристалл, эфир...

Моя ж *безлюбая* — дрожит, как лошадь в мыле!

...Она *бесполая*; у ней для всех улыбки...» (Анненский 1992, 329–330).

Прилагательное *без-любый* означает ‘не имеющий любви’, ‘обделенный любовью’ так же как *бес-полый* означает ‘не имеющий пола’.

Пастернак, которому поэзия Анненского была хорошо известна, публикует в конце ноября 1918 г. датированный 20 ноября того же года прозаический фрагмент, озаглавленный “Безлюбье” (Пастернак 1991, 493–499). Вероятно следование Пастернака за неологизмом Анненского в этом новообразовании, точно передаваемом английским *love-less-ness* (число таких отвлеченных каритивных существительных в русском значительно меньше, чем в английском, где они весьма продуктивны). Но при интересе Пастернака к народному языку вполне может быть, что он прежде всего имел в виду модель *без-рыб-ье*, *бес-птич-ье*, *без-люд-ье*.

Из других индоевропейских форм ближе всего к славянским иранские. Сходство славянских производных с иранскими формами настолько велико, что кажется возможным допущение раннего иранского влияния (ср. ЭССЯ, 7–9, Иванов 1989, 42). Уже отмечалось сходство типа славянских лишительных форм с **bez-* и новоперс. *bi* ‘без’ (ср. в особенности совпадение этимологии частей слов и принципа их сложения: слав. **be zim e pъz(j)* ‘безымянный’: новоперс. *binat*, слав. **be zso tъz(j)* ‘бесстыдный’: новоперс. *bi-saerm*; слав. **be zvipnъz(j)* ‘невинный’: новоперс. *beginah/bigonah* ‘невинный’, ЭССЯ, 28–29, 45, 52). Из других иранских форм со славянскими сопоставимы парф. *be* ‘снаружи’, будд. согд. *b'у* (из **bait-*) ‘наружу’, мугск. согд. *byk'* ‘помимо, кроме’ (*bg' byk'* ‘кроме бога’, Лившиц 1962, 163, документ В 15, стр. 7; при обратном порядке элементов здесь можно видеть след иранского источника славянского оборота типа рус. *без бога*, ср. приводимое старославянское соответствие, связанное с церковнославянским *без божества* у Пушкина, *церковь без Бога* в афоризмах Ключевского, *Безбожный* в микротопонимике старой Москвы и т.п.), будд. согд., маних.

согд. *byk*, христ. согд. *bykpṛt* [*wikpar*] ‘снаружи’, *bikpr̥m* [*wikparan*] ‘снаружи’, *byksṛt* ‘прочь’ ([*beksar*] из **baiyaka-sara*, ср. в мугск. согд.: Лившиц 1962, 152, 198), *by:k*, *bq* [*bek*] ‘наружный, снаружи, вне’, ягнобск. *ver* (из **bait-ka*), *veski* ‘наружу, в сторону’, хорезм. **nbyzk* ‘внешний, пригородный’ (из **ham-hai-t-ca-ka*), шугн. *uaj*, яз-гулямск. *vig*², вахан. *vic* (из **bait-c-ka*) ‘внешний, снаружи’.

Давно предложенное восстановление индо-иранской и индоевропейской праформы на основе др.-инд. *bahih* ‘вне’ (предлог в последовед. *bahir vedeh* ‘за пределами жертвенника’, преверб в *bahir bhu-* ‘выходить’, *bahis kar-* ‘исключать, изгонять’). предполагает сочетание **bhe-* **ghei* (Brugmann 1911, 811, 735). По происхождению оно могло быть комбинацией двух слов с грамматической функцией, но в хеттских и лувийских комплексах энклитик (ср. Carruba 1969; Josephson 1972) не удалось найти точного соответствия, хотя одна из частиц, передающих как -ра в клинописи, и могла бы оказаться возводимой к **bhe*, а второй элемент напоминает **ghe/o*, реконструируемое в последних работах Бадер.

Кроме индо-иранского и.-е. **bhe* отражено в балтийском: прус. *bhe* (*bhe nouson madlan* = ‘on unser Gebet’ ‘без нашей молитвы’, *on* = *ohne*), сочетающееся с винительным падежом (Топоров 1975, 217–218 с библиографией), лит. *be* ‘без’, соединяющееся с родительным или изредка дательным падежом и в качестве префикса в формах типа лит. *be-galvis* ‘безголовый’ функционально сходное со славянской приставкой **bez-*, лтш. диал. *be*, лтш. литературн. *b ez-* (Endzelīns 1971).

Вслед за Шпитцерром полагают, что греч. *be-belos* ‘непосвященный, общедоступный’ содержит тот же начальный элемент (хотя его фонетическая форма и индоевропейское диалектное приурочение оставались бы загадочными). Если не принимать этой необязательной гипотезы и не настаивать на проблематичных хеттских и лувийских связях, то остается достоверным только наличие этого грамматически значимого слова в индоиранском и балто-славянском (возможно, в качестве относительно позднего ареального явления).

Германские языки, во многих случаях диалектологически близкие к балтийским и славянским, расходятся с ними в характере древнего грамматического слова, выражающего лишительность: связь с исконным индоевропейским отрицанием и привативным элементом возможно еще сохраняется (Brugmann 1911, 837) у гор. *inu-*,

др.-евр. *oп*, *ap*, др.-в.-нем. *апи*, *апо*, *апа*; кроме германского форма отражена в восточно-индоевропейском: греч. *apeи*, ср. осетинск. *апа* ‘без’, явно представляющее собой архаизм по сравнению с другими иранскими формами, вероятно воздействовавшими и на славянский (к восстановлению индо-иранского прототипа ср. др.-инд. *апо* ‘не’, засвидетельствованное у грамматиков).

Напрашивающееся уже на основании этих соответствий предположение о древности диалектного членения всей индоевропейской области по способам предложно-последложного выражения каритивности подтверждается и обнаружением еще одного элемента с этим значением, который представлял собой либо рифмующееся парное образование (Brugmann 1911, 894), либо древнюю параллельную форму с начальным *s*-mobile по отношению к только что рассмотренному германо-греческо-скифскому (осетинскому) слову. Авест. *ha-* *nare* ‘без’ содержит древний суффиксальный *-r*, соотносимый с др.-инд. *-ar* в *sanu-tar* ‘вне’, ср. в.-нем. *sunder*, др.-сакс. *sundir* ‘без’, ср. также греч. *ater* ‘без, от’ (если это последнее не связано с основой выше рассмотренного греч. *apeи*, Brugmann 1911, 894). Последняя группа форм находит соответствие в тохарском. В тох. Б *snai*, А *sne* (**snai*) ‘без’ (возможна связь с прилагательным: тох. Б *snaitse* ‘бедный’) можно предполагать суффикс, соответствующий окончанию **seni-*: лат. *sine* ‘без’ (откуда фр. *sans* и другие романские формы, Voretzsch 1951, 215), др.-ирл. *sain* ‘отдельный, обособленный’; чередование суффиксов *-r* (в авестийском): *-i* заставляет восстановить диалектную индоевропейскую гетероклитическую именную основу среднего рода. В исторический период развития тех диалектов, где она сохранилась, форма сочетается с родительным-отложительным падежом (лат. *sine omni malitia*, *sine liberis decedere*; авест. *hanare thwahmat zaosat* ‘без твоего желания, против твоей воли’, др.-инд. *ksetrad apasyam sanutas carantam* ‘я увидел, как он шел прочь оттуда = с этого места’, греч. *ater laon* ‘без людей’ = ‘без войска’), хотя в германском представлен (видимо, в результате вторичных изменений падежной системы) и винитительный падеж: ср. в.-нем. *sunder swert* ‘без меча’ (предполагается воздействие конструкций с синонимичным *ape*).

В тохарских языках, многие тексты которых представляют собой переводы или переложения санскритских, тох. А *sne*, Б *snai*

имеет кроме своей предложной функции также и значение переводного эквивалента санскритского привативного *a-* =:тох. Б *snai-re-*
lēmpa = *a-dharma* ‘неправота’ (“*Udanastotra*”, 31, 1-2), *snai-yarwe* =
a-purva ‘невиданно’ (*Buddhastotra* 228-9, 10), *snai-yarweccce* = *an-*
adi ‘безначальный’, *snai-ykōmessa* (тох. А *sne-ykōmē*) = *a-pramada*
‘без невнимательности’, тох. А *sne-miyaslune* = *a-vihimsa* ‘без на-
сильственных воздействий, без повреждений’ (соответствие приведено
в санскритско-тохарском словарике буддийских терминов “*Ab-*
hidharma”, 30), *sne-lyutar* = *an-uttara* ‘не превосходящий’. Особенно
интересно использование тох. Б *snai* в качестве эквивалента сан-
скритского и предшествовавшего ему индоевропейского привативно-
го элемента сложения в каритивном *snai-rewam* ‘безногий’, где вто-
рая часть сложения унаследована от индоевропейского (Иванов
1985). Типологически в подобных случаях тох. Б *snai* можно сопо-
ставить со слав. **bez-* (рус. бес-костный и т.п.). Употребление же
этого тохарского префикса более позднего происхождения в каче-
стве переводного эквивалента санскритского привативного префикса
(соответствия которому еще сохранялись в тохарском в качестве
архаизмов) напоминает аналогичную роль старославянского БЕЗ-
как эквивалента греческого привативного префикса (которому еще
соответствовали исторически архаичные формы типа ОУРОДЬ). Син-
хронное соотношение в санскритско-тохарских переводных текстах
между санскритскими сложениями с привативным *a-* и тохарскими
сочетаниями с А *sne*, Б *snai* можно сопоставить с диахронической
связью славянских архаических сложений с начальным *(*j*)eN- и бо-
лее поздних синтаксических конструкций с предлогом (позднее при-
ставкой) **bez-*. Тохарское синтаксическое противопоставление двух
предлогов (тох. А *sla* ‘с’, возможно родственного рус. для, и *sne*
без), обозначающих соответственно комитативность – сопутствие
и каритивность – лишительность, сходно типологически с аналогич-
ными морфологическими противопоставлениями падежей с двумя по-
добными значениями в енисейских языках.

Характерной особенностью языков, входивших в центрально-
азиатскую зону евразийского языкового союза, было использова-
ние лишительных конструкций как ключевых в пределах одного тек-
ста, ср. в тохарском А *sne wawlesu sne psal* ‘без наработанного,
без шелухи’, повторяющееся в “*Punyavantajataka*”, 2а 3-5.

Для типологии употребления каритивных конструкций любопытно сопоставление сходных повторов однотипных родственных предлогов в тохарских и романских языках. В тохарских буддийских поэтических текстах точное соответствие находит регулярное повторение фр. *sans* в аналогичных контекстах. Повторение ст.-франц. *senz* ‘без’ встречается уже в “Песне о Роланде”, 2038: *Senz l'arce-vesque et senz Gualtier del Hum.* Из позднейших текстов: *sans pain et sans foyer* (с опущением артикля ввиду того, что “*l'action privative s'exerce sur l'aspect objectif et concret du nom*”, Guillaume 1919/1975, Joly 1981, 107, см. также об артикле и отрицании: Гийом 1992, 126-127), *sans feu ni sans chandelle*,сонет Сент-Амана, приводимый Теофилом Готье в его эссе об этом полуза забытом поэте в “*Grotesques*”; *un homme sans yeux, sans nez et sans oreilles*, Apollinaire “*Calligrammes*”.

Совпадающие по смыслу, но имеющие другой способ предложного выражения каритивности лишительные обозначения в написанной в это же время трагедии Маяковского “Владимир Маяковский” – *человек без уха, человек без глаза и ноги, человек без головы* – согласно Н.И. Харджиеву имеют интертекстуальный прообраз в “Так говорил Заратустра” Ницше. В “Заметках о Маяковском” Н.И. Харджиев писал: “Первые критики трагедии особенно высмеивали эксцентрические образы действующих лиц: старик с черными сухими кошками; человек без уха; человек с растянутым лицом; человек без головы; человек без глаза и ноги; человек с двумя поцелуями. Эти чудовищные и гротескные маски не имеют прообразов ни в пьесах Андреева, ни у Хлебникова, ни у Блока. Источник этих образов – “символическая поэма” Ф. Ницше “Так говорил Заратустра”: “У одного нет глаза, у другого уха, у третьего ноги, иные потеряли язык, нос и голову, но это еще далеко не худшее, что я видел” (Харджиев, Тренин 1970, 207) Это сближение могло бы объяснить и совпадение с Аполлинером, для которого возможен тот же прообраз. Однотипные образы у немецкого, русского и французского авторов совпадают по смыслу, но используют разные способы предложного выражения каритивности, или лишительности. В связи с типологией этой категории уже приводились литературные, фольклорные и языковые параллели тому совпадению текстов Маяковского и Ницше, которое было открыто Н.И. Харджиевым (Иванов 1971, см. там же соответ-

ствующую цитату из немецкого оригинала Ницше; Иванов 1973, Иванов 1979, 7; Иванов и Топоров 1974, 126–130). Но именно на фоне других чисто типологических параллелей особенно заметно буквальное совпадение трех названных писателей, удостоверяющее обоснованность в данном случае интертекстуального подхода. Результаты этого последнего могут быть интересными не только для подтверждения несомненности воздействия Ницше на европейскую постсимволистскую авангардную поэзию начала века, но и для исследования общих принципов построения образов, объединявших таких поэтов, как Маяковский и Аполлинер, с их предшественниками.

По-видимому, сочетание однотипных лишильных обозначений этого рода представляет собой стилистическую особенность многих древних индоевропейских языков, взаимное влияние которых друг на друга способствовало упрочению этого стилистического приема и его продолжению в новых литературных языках. Рус. *без роду, без племени* может служить одним из славянских примеров подобного использования лишильности как сквозного приема построения текста (в качестве примеров авангардного использования этого приема в литературе начала нашего века можно обратить внимание на стихотворение об артиллеристе в начале "Поверх барьёров" у того же Пастернака).

Из древнерусских текстов фольклорного происхождения, в которых засвидетельствовано поэтическое употребление *без* наряду с производными прилагательными или причастиями с привативным *не-*, особое внимание на себя обращает древненовгородская берестяная грамота с выражением ряда отсутствующих или недостающих свойств и предметов: ‘*без пути*’, ‘*грамоту везет неписаную*’ и т.п. В архаическом контексте предложные сочетания с *без* заменяют древние привативные формы индоевропейской поэтической речи в славянских загадках: *без рук, без ног*, ср. выше о др.-чеш. *bez kosti* ‘*бездостный*’. Эту фольклорную традицию продолжает упомянутая берестяная грамота.

В таких эталонных для русского литературного языка сочетаниях, как пушкинское *без божества, без вдохновенья/Без слез, без жизни, без любви* (ср. заимствование первых двух сочетаний Блоком в качестве заголовка статьи, направленной против акмеистического *средо* Гумилева), можно думать о двояких историко-культурных ис-

tokах. С одной стороны, на Пушкина могла влиять французская риторическая традиция, в свою очередь сформировавшаяся под воздействием латинской. С другой же стороны, аналогичные повторения каритивной приставки (имеющей происхождение, отличное от близких по функции и родственных между собою латинской и романских, а также и тохарских) характерно и для русского литературного высокого штиля, продолжавшего церковнославянскую традицию, ср., напр., в этой последней: "хотяй бо бескврънънъ житиеемъ по-жити... беспльною мыслью и безопытнъмъ умъмъ" "(Торжественник", XII–XIII вв., к значению др.-рус./ц.-слав. бесплавъный 'неиспорченный житейским плаванием, т.е. не поддающийся треволнению греховного быта': Виноградов 1977, 279); бесквръному и бестельесному (Слова Гр. Богослова. 16 слов с толкованиями Никиты Ираклийского, Гос. Историч. Музей, Син. № 954, л. 73г).

3. Соотношение префиксального и суффиксального типов выражения каритивности в индоевропейских, других ностратических и остальных евразийских языках.

Внутри индоевропейского ареала противопоставляются диалекты с преимущественно префиксальным выражением каритивности и суффиксальный тип. Западно-германские языки широко используют привативные и каритивные формы с суффиксом: англ. *-less*, нем. *-los* (*namenlos* = *nameless*, ср. в стихах Рильке соединение старого греческого привативного типа с новым немецким: *Aber das Namenlose, Anonyme*, у Целана *blatlos Baum*, по составу основ частично сопоставимое со строчкой Мандельштама, где, однако, каритивность относится не к листьям, а к деревьям: *И в бездревесности кружились листы*, об эквивалентности англ. *-less* и рус. *без-* ср. Zimmer 1964, а также см. выше о *без-любъе* = *love-less-ness*). Из ранненовоанглийских поэтических примеров можно отметить у метафизических поэтов XVII-го в. производные на *-less* для обозначения отвлеченного свойства. У Эндрю Марвелла в диалоге Души и Тела о Теле сказано, что это – *needless Frame* 'остов, не имеющий желаний' (в современном языке *need-less* означает 'ненужный', ср. *need* 'потребность'). У того же поэта в его "The Nymph complaining for the Death of her Faun" встречается архаическое *brother-less* 'безбратьние', 'лишившиеся брата' – о дочерях Солнца, утративших своего брата Фаэтона; в "The Mower to the Glo-Worms" – *match-less*

‘не имеющие равных, несравненные’ (о соловьиных песнях). Из форм, соответствующих более позднему употреблению, ср. у того же Марвелла *Harm-less Loves* ‘безвредные любови’, *rest-less Lover’s Ghost* ‘не знающий покоя призрак любовника’ (“The Gallery”). Как отмечал Есперсен, в английском языке почти не было лексических ограничений на сочетаемость с этим суффиксом. В новейшей литературе ограничения могут носить стилистический характер, ср. о статистическом соотношении производных на *-less*: *-free* Slotkin 1990. В новой научно-популярной книге известного американского биолога формы с суффиксом *-less* засвидетельствованы преимущественно от абстрактных существительных, часто в агглютинативном сочетании с отвлеченным суффиксом *-ness (-less-ness)*: *useless, hopelessly, effortless, relentless, helpless, helplessness, seamlessly, aimlessness, powerless* (Alkon 1992, 11, 63, 85, 107, 164, 186, 220, 228, 234, 238, 249, 250, 252, 254). К продуктивности сочетания суффиксов *-less-ness* ср. *hat-less-ness* (“The Sunday Times”, 18 July 1993).

Представляет интерес соотношение синонимичных производных типа *job-less-ness: un-employ-ment* (напр., в двух разных заголовках одной и той же газетной статьи на разных страницах “New York Times”).

Из других ностратических языков использование суффикса для выражения каритивности отмечается в финском (*-ton: raha-ton* ‘без денег’, Zimmer 1964, 69–70), картвельском, ср. сванск. *-ur* (привативный суффикс), соответствующий груз. (ингил.) *-ur: kud-ur* ‘бесхвостый’ (о семантике ср. Климов 1992, 430), но одновременно в сванском представлены каритивные префиксальные формы: сван. *u-lc-una* ‘бездонный’, *u-gz-ela* ‘бездетный’ (*:lic* ‘вода’, *gezal* ‘ребенок’, *u-* является нулевой ступенью отрицания **we*). В кушитских и чадских языках каритивный суффикс *-l-* (сомали *-la* в *gad-la* ‘безбородый’, падокво *-la*) по происхождению связан с отрицательным глаголом и отрицательной частицей (Иллич-Свитыч 1971, 263, ср. об амхарском отрицательном глаголе Croft 1991, 9). В тюркских языках каритивный суффикс *-siz* встречается в древней литературе и фольклоре, ср. *Tat-siz Tyrik bol-mas, bas-siz bork bol-mas* ‘нет тата без общества тюрка, нет шапки без головы, на которую ее можно надеть’, al-Kasgari 1941, 176, строка 10; Pritsak 1981, 15. Древнетюркский суффикс *-syz* (*idi-siz* ‘без хозяина’, *biligsiz* ‘лишенный разума’), родственный чуваш. *-ser* и монгол. *-sar*, может восходить к самостоятельному слову в постпозиции (Рамстедт 1957). В мухад-

ском диалекте рутульского языка (лезгинская подгруппа дагестанских языков, северо-восточно-кавказская семья) этот тюркский суффикс заимствован из азербайджанского: рут. *рыйхъ*²-сыз ‘бесстыжий’ (:Рыйхъ ‘стыд’), *йалғъ*³-сыз ‘несмелый’ (:йалғъ ‘смелость, мужество’), *вахъва*-сыз ‘неверный’ (:вахъва ‘вера, преданность’), *чара*-сыз ‘безысходный’ (:чара ‘исход’), *аъдаъб*-сыз ‘бессовестный’, *инсаҳъе*-сыз ‘бесчеловечный, жестокий’ (Ибрагимов 1978, 65, 68). В сходном лишильном значении иногда употребляется рутульский суффикс *-ий* (*убыр*-ий ‘безухий’: *убыр* ‘ухо’, там же, 65), но этот последний обычно означает наличие (*хъехъ*-ий ‘носатый’: *хъехъ* ‘нос’, *супел*-ей ‘усач’: *супел* ‘ус’, там же).

Из других языков северо-восточно-кавказской группы, долго контактирующих с тюркскими, каритивное значение отрицательной морфемы в постпозиции в именных формах можно отметить в удинском: *кул-нум* ‘без руки’, *нана-нум* ‘без матери’, Панчвадзе, Джейранишвили 1967, 684, прим. 10; в отрицательных глагольных формах та же морфема находится в препозиции. В северо-западных кавказских языках каритивность выражается с помощью разных суффиксов: абхаз. *-да* privativum (*парә-да* ‘без руки’, Дондуа 1975, 157, прим. 23), абазин. *-да* (*быгъв-да* ‘без кости’), *-дъа* (*уыс-дъа* ‘без дела’), Ломтатидзе 1967, 132 (праабхазо-тапантский привативный суффикс *de-?a-, где по Старостину в *-?a-* можно видеть основу глагола ‘быть’, *de- сопоставляется с табасаранской отрицательной связкой *dar*, см. ниже, Старостин 1982, 218–219); адыг. *-ко* (*бзако* ‘немой = без языка’, *бэз* ‘язык, речь’, Кумахов 1967, 151). По отношению к баскскому *-gabe*, иногда описываемому как суффикс в формах типа *etchea-gabe* ‘без дома = бездомный’, происхождение из аналитического сочетания доказывается относительно свободным порядком элементов в предложении:ср. *nehondik neholere ez gintazken emazte bat etchean gabe bixi* ‘нигде и никак мы не могли бы без женщины прожить в доме’ (Lewy 1961, 561).

Наличие аффиксальных каритивных именных форм (при различном их происхождении и структуре) характеризует значительный ареал Центральной и Восточной Азии. По внутренней форме и отчасти по порядку элементов сходны хантыйск. (обско-угорск.) *rat-te* ‘глухой = без уха’, *sem-te* ‘слепой = без глаз’, *sam-te* ‘без сердца’, *kas-te* ‘без удовольствия’, кот. (енис.) *tes-pun*, кет. *des-fan* ‘слепой=

без глаз', юкагир. (вост. ностр. близкий к уральским) эл'морин-
д'эй 'глухой = безухий'. Юкагирский префикс эл'-/ал' в качествен-
ных глаголах необладания (эл'-ару-да 'немой', колым. диал. ал-ан-
д'эj) обозначает недостачу, ср. в тексте, изданным Е.А. Крейнови-
чем с русским переводом: эл-ан-дэ л'эjэ. Мэт кодэ ан-дээтэм?
«Без глаз (=слепой) живу я. Как глаза я приобрету?». Этот юкагир-
ский префикс, по-видимому, родствен урал. *ala/ela, нострат. *ala,
частица категорического отрицания (обычно препозитивная, ср. хет.
le, аккад. *ul*, монг. *ule*, ср. выше о *-l-* в афроазиатских языках). Но
префиксальные формы в юкагирском выполняют функцию, в других
языках той же зоны отводимую суффиксальным элементом.

В эскимосском (азиатском) языке есть суффикс *-ngiraq-* с ка-
ритивным значением *iungiraq* 'безногий' (*:iñu* 'нога'), *taliraq* 'без-
рукий' (*:taliq* 'рука'), *uwi-ŋgiraq* 'потерявшая мужа, вдова' (*:uwi*
'муж', *tarnix̥taq* 'женщина, оставшаяся без детей или потерявшая
детей' (Богораз 1949, 218).

В енисейских языках суффиксальный способ выражения лиши-
тельности целиком грамматикализован. Для общеенисейского вос-
становляется в качестве формы лишительного падежа (каритива)
сочетание со связанный морфемой **p(h)an*, **p(h)on* (ср. Вернер
1988, 93). Окончательное суждение о древности функции каритива
как падежа зависит от достоверности сближений с формально сход-
ными показателями в тибетском (или тибето-китайском). Кастрен,
в гениальности языковедческой интуиции которого не приходится
сомневаться, предполагал, что окончание каритива в кетском и юг-
ском, как и многие другие падежи за исключением местного и от-
ложительного, происходит из древней энклитической частицы (Castrén
1858, 25). Оно реконструируется на основании сравнения кот.
p(h)un/-fun, югск. *-fan/-pan*, кет. *-an/-han* (Вerner 1990, 83–84). На-
чальный элемент **p-/*f-/*h-* возможно объединяет этот падеж в кет-
ском и югском (где он являлся полностью парадигматическим и мог
быть образован от любого имени существительного: Castrén 1858,
Дульзон 1968, о сандхи при образовании этого падежа в кетском и
югском см. Вернер 1990а, там же примеры) с орудным и совмест-
ным падежами: кет. *-as/-has*, югск. *-fas/-faj* (тогда *-n* можно было
бы сравнивать с *ton* 'не'), ср. также коттский экватив (падеж; се-
мантически особенно близкий каритиву, Вернер 1988) на *-pas* (Вер-
нер 1990, 85).

К общеенисейскому могут быть возведены такие формы, как кет. *des-fan*, кот. *tes-fun* ‘слепой = безглазый’ (к общеенисейскому названию ‘глаза’ сп. Вернер 1990а, 236), кет. *sar-fan*, *sal-an*, кот. *sal-pun*, *sal-fun*, *cal-fun* ‘тупой, без остряя’, кот. *anangai-fun* ‘глупый’ (каритив от общеенисейского названия ‘ум’), кет. *at-fan* ‘без меня’, кот. *ai-fun*, енис. **adz* (Старостин 1982, 206) -**p(h)an*.

Общеенисейская категория лишительного падежа (каритива) отражена в коттском языке по данным XVIII-го (в частности, согласно недавним разысканиям Е.А. Хелимского, Хелимский 1986) и XIX-го вв. в формах с окончанием кот. *-fan*, *-fun* (о фонетическом соответствии кот. *f-/p-* : о.-енис. **p(h)*, сп. Вернер 1990а, 93): *ali:tpun*, *ali:tfun* ‘неженатый, холостой, без жены, жених’; ‘*unbeweibt, ledig*’ (Castrén 1858, 196, 245, 258; Вернер 1990, 61, 310, 337) при *ali:t* ‘жена, женщина’; ‘*Frau, Weib*’ (Castrén 1858, 15, 196, 239, 259; Вернер 1990, 310, арин. *alte*, енис. **alit*, Старостин 1982, 217), *hatki:tpun*, *hatki:tfun* ‘не замужем, без мужа, невеста’; ‘*mannlos*’ (Castrén 1858, 209, 246, Вернер 1990, 337) при *hatki:t*, *hatkit*, *xatkit* ‘муж, супруг’; ‘*Mann, Gatte*’ (Castrén, 1858, 209, 246, Вернер 1990, 334, 375), *alu:ppun*, *alu:pfun* ‘немой, безъязыкий, без языка’; ‘*stumm*’ (Castrén 1858, 196, 256, Вернер 1990, 337) при *alup*, *alu:p*, *alub* ‘язык’; ‘*Zunge*’ (Castrén 1858, 196, 261, Вернер 1990, 394; архаическое енисейско-северо-кавказское название части тела, имеющее соответствие в хаттском, Иванов 1985а, 40, сп. о тибето-китайском там же, а также: Lewy 1961, 599), *tespun*, *te:sfun*, *tesfun* ‘безглазый, слепой, без глаз’; ‘*blind*’ (Castrén 1858, 216, 234, Вернер 1990, 367, генетически соответствует кет. *desfan* ‘слепой’, Castrén 1858, 181, 216) при кот. *ti:s*, *tes* ‘глаз’, ‘*Auge*’ (Castrén 1858, 217, 232, Вернер 1990, 298, мн.ч. *tec-agan*, сп. также соответствующее семантической универсалии архаическое сложное слово *t'e:c-ur* ‘слеза = вода глаза’, *Trane = Auge + Wasser*’, Castrén 185, 219; Вернер 1990, 367, откуда в качестве древнего енисейского заимствования выводится индоевропейское название слезы **dak³-ur/*dak³-ru*, др.-арм. *artasuk*, греч. *dak-ry*, др.-ирл. *der*, валл. *deigr* (мн.ч. *dagrau*), гот. *tagr*, др.-англ. *taeher, tear, teagor*, др.-в.-нем. *zahar*), кет. *de:s* ‘глаз’, ассан. *tes/tis* (Вернер 1990а, 236), кот. *tagaipun*, *tagaifun* ‘распущенный, шалый, безголовый, без головы’; ‘*kopflos*,

ausgelassen, mutwillig' (Castrén 1858, 216, 232, 247; Вернер 1990, 61, 285, 359) при *tagai, tagaj, takai* 'голова'; 'Kopf' (Castrén 1858, 216, 244; Вернер 1990, 299), кот. *haparfun, haparfun* 'ленивый, бесхребетный' (из: 'без спины'); 'ruckenlos, faul' (Castrén 1858, 209, 237, Вернер 1990, 327); от этой каритивной основы в коттском образованы глагольные формы: *haparfun* 'лентяйничать', 'faul sein', наст. вр. *haparfun:a:kng* 'лодырничаю, бездельничаю', прош. вр. *haparfunolo:kng* 'я пробездельничал', повелит. накл. *haparfunalcek* 'бездельничай!', Castrén 1858, 209, 237; Вернер 1990, 116, 327), при кот. *hapar* 'спина'; 'Rücken', *xabar* (Castrén 1858, 209, 251; Вернер 1990, 272), кет. *xa:fet, k⁹a:bet, xy:fet* 'спина (нижняя часть)' (Castrén 1858, 170–171, 251; слово обнаруживает регулярные фонетические соответствия и поэтому возводится к исходному словарю, общему для кетско-южного, коттского, аринского: Старостин 1982, 146, 189, прим. 33), кот. *aramfun* 'болезненный'; 'kranklich' (Castrén 1858, 13, 197; Вернер 1990, 287) при *arang* 'сустав, член'; 'Glied, Gelenk' (Castrén 1858, 197, 240; Вернер 1990, 375), *salpun, salfun, calfun* 'без остряя, тупой', 'stumpf' (Castrén 1858, 212, 256, Вернер 1990, 381; генетически соответствует кет. бахт. имб. диал. *salan*, кет. *sarfان, salan*, Castrén 1858, 186, 187, 256) при кот. *sal* 'острие', 'Schneide' (Castrén 1958, 212, 253, Вернер 1990, 343), *sical-se(i)/si-cal-s* 'точило', 'Schleifstein', *si-cal* 'точить', 'Schleifen' (инфinitив), наст. вр. *o:sal-ang*, прош.вр. *o:na:sal-ang*, повел. накл. *ansal*, пасс. *ona:sal* (Castrén 1858, 202, Вернер 1990, 380, ср. о различии фонетических отражений корня Старостин 1982, 154; повидимому, у форм разная хронология, именные основы древнее глагольной), кет: *sal, sal, sar* 'острие (топора, ножа)' 'Axt-, Messer-schneide' (Castrén 1858, 186), кот. *since:tfun* 'несоленый, без соли' (Вернер 1990, 337) при кот. *since:t, sincet, sinset* 'соль' 'Salz' (Castrén 1858, 214, 251, Вернер 1990, 370), кот. *anangai:fun* 'без ума = глупый', 'dumm' (Castrén 1858, 198, 235; Вернер 1990, 298) при кот. *anangai* 'мысль, ум'; 'Denken, Verstand' (Castrén 1858, 198, 258, Вернер 1990, 384, ср. также глагольные формы со значением 'думть', 'denken': наст. вр. *anangaja:kng*, прош. вр. *anangajolo:kng*, повелит. накл. *anangaja:lcek*; наст. вр. *angajak*; наст. вр. *anangaitha:kng*, прош. вр. *anangaitholo:kng*, повел. накл. *anangaitha:lcek*, пасс. *anangaithola:uki*, Castrén

1858, 198, 235; Вернер 1990, 307), кет. *a:neng* (с производным глаголом, наст. вр. *da:nengsabet*), кот. *atpifun* ‘молчание, молчаливый, без слушателя’; ‘Schweigen, schweigsamer’, ср. глагол наст. вр. *atpifun:kng*, прош. вр. *atpifunolo:kng*, повелит. *atpifuna:lcek*: ‘(Castrén 1858, 199, 253; Вернер 1990, 116, 239) при кот. *atpi* ‘слух, весть’; ‘Hören, Nachricht’ (Castrén 1858, 198, 248, ср. о глагольном полуаффиксе -*pi*: Вернер 1990, 270), ср. также местоименную форму *aifun* ‘без меня’, Castrén 1858, 226, Вернер 1990, 96–97, при *a'* ‘я’, кет. *at*, лишит.п. *atfun*.

Коттский язык представляет интерес в том отношении, что лишильность в некоторых случаях выражается и сложениями с отрицанием *ton* (о предлагаемой енисейско-кавказской этимологии см. Старостин 1982, 147, 203, там же литература, но внешнее совпадение с ностратическим и в особенности афроазиатским представляется разительным и делает возможной реконструкцию начального **m-*, а не **b-*). По своей структуре они напоминают индоевропейские и славянские привативные формы: *ton e:ti* ‘тупой, неострый, тупость’; ‘stumpf, Stumpfheit’ (Castrén 1858, 227, 256; Вернер 1990, 381, ср. выше синонимичную форму *salfun*, возводимую к общеенисейскому), *ton ipal* ‘узкий, тесный, несвободный, раб’; ‘eng, Unfrei, Slave’ (Castrén 1858, 227, 236, 258; Вернер 1990, 383, 258), *ton hi:gal* ‘узкий, неширокий’, ‘schmal’ (Castrén 1858, 227, 252), ср. синоним *ta:ge* (Вернер 1990, 383), *ton-arix* ‘нечистый’, ‘unrein’ (Castrén 1858, 197, 258): все эти формы образованы от основ прилагательных, а не существительных.

В коттском комитатив на *-a* противопоставлен каритиву на *-run/-fun:ali:tpun* ‘неженат’ – *ali:ta* ‘женат’; *hatkitrun* ‘не замужем’ – *hatkita* ‘замужем’, *anangai fun* ‘глупый’ – *anangai a* ‘с умом’, Вернер 1990, 86. Кетская оппозиция лишильного и совместноорудного падежей типологически тождественна противопоставлению фр. *sans: avec* (= *ayant:non=ayant*, Spitzer 1961, 1) и находит вероятное генетическое соответствие в тибетском и других языках, предположительно относимых к той же макросемье, Иванов 1989, 41.

В новейших исследованиях (Володин 1974; Володин 1976, 140–163) принимается существование особого лишильного падежа в ительменском (камчадальском) языке. Предполагается, что фразы

с этим значением могут быть образованы от каждого существительного в обоих числах, ср. формы с окончанием -(а)к: (*κ, a?m*) *эпл'х-0-ак*, ‘без друга, без товарища’, (*κ, a?m*) *схли-г, -ак*, ‘без нартъ⁹’ (ед.ч., ср. сходную форму от синонимичного заимствования *κ, a?m нартак*), (*κ, a?m*) *схли-0-к*, ‘без нарт’ (мн.ч.), формы с окончанием -к,и : (*κ, a?m*) *κ⁹ел⁹чу-м-к,и* ‘без комара’ (ед.ч.), (*κ, a?m*) *κ⁹ел⁹чу-0-к,и* ‘без комаров’ (мн.ч.), (*κ, a?m*) *сесе-н, -чх, -к,и* ‘без крыльшка⁹’ (ед.ч.), (*κа?м*) *сесе-0-ч-к,и* ‘без крыльшков’ (мн.ч.), формы с окончанием -к,а: (*κ, a?m*) *т⁹сал-0-ай-к,а* ‘без лисицы⁹’, (*κ, a?m*) *реш-ла-н-ай-к,а* ‘без (большого) сокола⁹’, Володин 1976, 141–146, ср. о семантике ительменского лишительного падежа как антикомитатива там же, 154–55 (с показательными примерами обозначения с помощью этого падежа отсутствия частей тела, являющихся неотчуждаемой принадлежностью: *ти?н чак*, *ол κ, a?m л⁹челлак*, *ктил?ин* ‘этую голову оставили без языка (у нее отрезали язык)⁹’, *неснох?ал κамман силлатумх κ, a?м лон*, *κ, а илизи иен* ‘с охоты мой брат вернулся без глаза⁹’).

Однако в отличие от других падежей с суффиксальными показателями ительменские лишительные формы употребляются обязательно с предлогом *κ, a?m*, который следует считать отдельным грамматическим служебным словом, ср. построенные сходным образом предложные конструкции с лишительным падежом типа *κ, a?м касшак*, ‘без топора’ (Володин 1976, 154 и 273), отрицательную глагольную конструкцию *κ, a?м шетаткак*, *тскичен* ‘я без работы = я не работаю, я не работал’ (там же, 273–274) и аналогичную адъективную конструкцию, напр., повторяющееся в тексте “Кутх да т⁹сал” (“Кутх и лисица”) сочетание *κ, a?м эч⁹ек?ин* ‘голая, неодетая⁹’ (предложения 41, 46, 73, Володин 1976, 414–417; этот текст противоречит утверждению, будто отрицательные формы этого типа в текстах “не фиксируются”, там же, 333).

4. Соотношение глагольных форм и отрицательных частиц. Универсальные отрицательные слова.

С языками типа русского и других славянских сходны те языки мира, где в качестве способа обозначения лишительности используется предикативное отрицание: рус. *нет* ‘отсутствует’; в древнерусском НЕТЬ, НЕТУ, Черных 1993, 1, 570, др.-чеш. *nenie* (*nikdiez jemti ne-*

nie rovne ‘нигде нет никого ему равного’, *Mastičkar, Musejní zlomek*, 46, *Veltrusky* 1985, 334), *neniet*’ (*neniet*’ *nic podobno k smiechu* ‘нет ничего смешного’, там же, строка 46), старославянская глагольная форма НЪСТЬ, и.-е. **ne esti*, др.-инд. *nasti* (подробно о происхождении Иванов 1981, 40–41, 78–79, там же литература вопроса; *Bernini* 1987). В этом значении в уральских, дравидийских и некоторых других ностратических языках используется отрицательный глагол. Э.Леви предположил, что *a-* как след отрицательного глагола в мордовск. *a-lamo* ‘мало’, *a-paro* ‘злой’, *a-vasalo* ‘близко’, *a-kuvat* ‘недавно’ напоминает индоевропейские привативные формы; в качестве типологической аналогии он указал на фин. *era-*, которое в качестве отрицательного префикса может быть возведено к форме причастия отрицательного глагола (Lewy 1961, 241–242, Zimmer 1964, 68–70), см. об уральском отрицательном глаголе **e-* и дравидийских и других ностратических параллелях: Хайду 1985, 257; Иллич-Свитыч 1971, 265, о дравидийском также там же, 264, и Гуров, Зограф 1992, 76. Идет ли в случаях, указанных Леви, речь только об относительно поздней эпохе воздействия индоевропейских языков (в частности, иранских и/или балтийских) на финно-угорские, о чисто типологическом сходстве или и о еще более раннем их родстве, могут показать лишь дальнейшие индо-уральские и ностратические разыскания.

Иллич-Свитыч полагал, что исходным было значение отрицательной частицы, а парадигма отрицательного глагола сформировалась позднее (Иллич-Свитыч 1971). Типологически эту гипотезу подтверждают также достоверные данные о позднем времени появления коптского глагола *mn̄te-* ‘не иметь’ из позднеегип. *mn̄ mdi-* ‘нет, отсутствует у кого-либо, не имеет(ся)’, *mn̄ mtw*, Сегну́ 1976, 82, ср. о функции глагола и контекстах его употребления в коптском: Ернштедт 1986, 561–592, см. о формах этого глагола и соотнесенного с ним *unte-* ‘иметь’ там же, 136–138. Но возможна и обратная точка зрения, по которой отрицательный глагол лежит в основе каритивных форм, ср. выше о гипотезе Леви по поводу финно-угорских форм.

В ряде языков Северо-Восточной Азии имеются особые отрицательные вспомогательные глаголы с возможным каритивным зна-

чением: нивхск. (гиляцк.) *if mu-ri-leher jagut qoned* ‘он, лодки не имея, как поедет’, *kis-ti-lehed* ‘без грязи’. В айнском языке есть специальная форма со значением лишительности *sal /sakno*, возводимая к глаголу ‘отсутствовать’, ср. *po-sak menoko* ‘бездетная женщина’, *eretciw sakno rau yan* ‘иди без неприятностей = прощай!’, *haw sak* ‘без голоса = не кричала’. Формы отрицательного наклонения в каритивном значении характерны для древнеяпонского (Сыромятников 1972, 125; Колпакчи 1956): *koto esa-ni kuti* ‘безгласный, неотвечающий рот’, Кодзики; *koto-top o-ni ki-niwa* ‘(пусть буду хоть) безгласным (букв. ‘слов не спрашивающим’) деревом’, Маньёсю, т. 5, № 811.

Эскимосский язык для передачи лишительности наряду с отмеченными выше имёнными суффиксальными формами использует отрицательные суффиксы отыменных глагольных форм двух типов: 1) суффикс *-nguna : savingunanga* ‘без ножа я’ (1 л. ед.ч., ср. 2 л. ед.ч. *savingunatin* ‘без ножа ты’), *nulingunanga* ‘без жены я’, *panangunanga* ‘без копья я’, *mangtrititinganga* ‘без жилища я’; 2) суффикс *-i-ni : anyitunga* ‘у меня нет лодки’, *nulixitunga* ‘у меня нет жены’, *panigitunga* ‘у меня нет дочери’, *qikmitunga* ‘у меня нет собаки’, *igasitunga* ‘у меня нет карандаша’, *ivynrutangitunga* ‘у меня нет рулевого мотора’, *kamijngitunga* ‘у меня нет нарты’, ср. *mirinakunga* ‘у меня кончается вода (становлюсь без воды)’, *niqninakunga* ‘у меня кончается еда (становлюсь без еды)’ (о функциональной разнице этих форм ср. Меновщиков 1962, 224, Богораз 1949, 81, 213).

Интересны данные северо-кавказских языков, где есть отрицательные формы глагола, которые могут иметь лишительное значение. По наблюдению Услара (Услар 1979, 394) рус. *без* на табасаранский язык (дагестанская подгруппа северо-восточно-кавказских языков) переводится “через деепричастие настоящее отрицательное *dar-di-* не будучи” (согласно Старостину табасаранская отрицательная связка *dar-* и префикс отрицания *d-*, как и лезгинский префикс отрицания *t-* из пралезгинского **t-* и – при придыхательном варианте того же префикса – удинский префикс отрицания *te-* и хваршинский суффикс отрицания *-ate* и – при глottализированном варианте того же аффикса – арчинский отрицательный суффикс *-t'* и гунзиский суффикс отрицания *-at'*, *-t'* из працезского **Vt'(V)* возводятся

к прадагестанскому аффиксу отрицания **te* и имеют общее происхождение с праабхазо-тапантским привативным суффиксом **de-pha-*, см. выше, в качестве енисейской параллели предлагается кет. *at* ‘не’, *ta; ng* ‘нет’, югск. *ata*, *tanga* из праенисейской отрицательной частицы **at/ta*, в пратибетобирманском соответствие усматривается в запретительной частице **ta*, Старостин 1982, 218–219). В качестве примеров Услар приводит табасаран. *шаккар дарді чај шубк-шүз даршул* «без сахара чай пить нельзя», *iðu над накимдінна шүши ганан ділман дарді шулхуз һурапзұған* «вчера я к начальнику когда пошел, без переводчика разговаривать не сделалось от меня = без переводчика не мог разговаривать», *ізу ап, уз лаэхін дарді аза* «я чтобы делать без дела нахожусь = мне нечего делать» (там же, 395), ср. также приводимые в словаре Услара примеры: *аэжуб кадірі дуст іірі армі дус дарді күшүзур* ‘вины не имеющего друга ищущий человек без друга остается’ (там же, 598), *дұму разқиқши* ‘шар дарді артішар мұкикши шулдар ‘на этой дороге воды не будучи (= без воды) люди жаждущими становятся’ (там же, 859), *ізірар дарі күуланқасулар ма-ларі пүч іп, ур* ‘без смотрителей аульные посевы скотом портятся’ (там же, 643), *гастан кадірі лің даршул, кабха дарі күшүл* ‘пастуха без стада не бывает, старшины без аула нет’ (там же, 841), ср. аналогичное употребление отрицательной формы от *ал(за)-* ‘находиться на’: *жулар* (попона) *алдірі һајшипаріз азқи һүнүр* ‘без попона лошади озябли (озябшиими, замезшиими сделались)’ (там же, 687, ср. о глаголе *ал-* там же, 193–194, 577: *дүң, ан һајшийл пірпіјар ал, жәздійл алдаріз* ‘на его лошади седло есть, на моей нет’); ср. также сходное использование отрицательной деепричастной формы *арапді* (там же, 193) от глагола *аза* ‘находиться в’ (там же, 183 и след.): *дүң, ан сілбар арапді, дүң, уған* *jak ғубдуз шулдар* ‘у него не будучи зубов (= при отсутствии у него зубов, при его беззубости), им мясо разжевываться не может’ (там же, 977), ср. от отрицательной причастной основы *адурур-* (там же, 192): *сілбар адурурдіз уп, уз п, енк, -інубшул* ‘беззубым чтобы есть, мучное варенье (вареный мед с муклю) хорошо есть’ (там же, 878). Иногда в табасаранском языке каритивное значение может быть передано лексически глаголом *кам-хүш* ‘недоставать’ (там же, 774–77), но чаще он относится к меньшему числу (количеству, объему, размеру), а не к полному отсутствию субстанции, обозначаемой существительным.

Согласно Малиновскому в языке киривины на Тробриандских островах (малайско-полинезийская семья, Меланезия) в функции глобального отрицания выступает *gala*: *gala taytala bikopo'i* ‘нет никого, кто мог бы их (= детей) нянчить и обнимать’, *Pela gala tama-la*, *gala taytala bikopo'i* ‘Раз у него (ребенка) нет отца, нет никого, кто бы мог его нянчить и обнимать’, *litusi gala* ‘у них нет детей’, *kidama tayta vivila gala imazymasi tau'a'u* ‘когда у женщины нет мужчин, которые бы к ней приходили’ (Malinowski 1929, 21, 195, 188, 489), *gala yaga-la tiputipu wala* ‘у него нет имени, просто сорняк’, *gala butugu* ‘не в том моя слава’, *gala kawa-si* ‘это не их голос’, *gala mata-m*, *mata-m kubwana* ‘это не твой глаз, твой глаз это утренняя звезда’ (Stang 1970, 277, 279). Такие универсальные отрицательные слова могут иметь каритивное значение наряду с рядом других функций.

5. Соотношение глагольных и именных каритивных форм в американских языках.

Поскольку в американских языках основные грамматические категории часто выражаются преимущественно в глаголе (Swadesh 1939, Kuipers 1968, Sasse 1993), есть такие из этих языков, где лишительность (каритивность) обнаруживается исключительно в глагольных формах. В южном паките (њюмикская подгруппа юто-ацтекских языков) согласно описанию Сэпира глагольным формам со значением обладания (*atci'ga* ‘он имеет лук’, *a?a'ngavigaipiga?* ‘у него есть руки’, *tangwa'ngqaiva'nti* ‘он готовится обзавестись зубами = у него вот-вот появятся зубы’) с суффиксом принадлежности *-kai* / *-gai-* / *-q.a-* / *-ngai* (Sapir 1992, 151 = 133) противостоят отрицательные глагольные формы с суффиксом *-?ai* со значением лишительности (каритивности): *qa'tc atci?a?a* ‘не имеет лука’, *a?a'-ngavidipi?a?* ‘у него нет рук’, *qa'tcU tangwa?aniva.nti* ‘зубы у него не появятся’ (там же, 272 = 254). Интересно сочетание нескольких фэрм с этим каритивным глагольным суффиксом в мифологическом тексте: *?a'm ogo'ngqwasapin? ningwi?ngw ami cu. ?q-ic-U yu.yu?iux-waipiga a?a'ngavixaip.iga co.?vwantim? qatcU yu.yu'iwaip.ia a?an-gaavi?aip.ia riuu.?iyaip.ia?* ‘На острове, поросшем елями, у людей было по одной руке или одной ноге (дистрибутивные редуплицированные формы *yu.(.)-yu ?u-w(w)al-piga?*, *a?a'ngavi-xai-piga?*, там же,

275 = 257), а у иных не было ни ног (*qa³tcU yuuyi³u(w)-di-p.i?a?*, там, же, 748 = 726), ни рук (отрицательная дистрибутивная форма *a?a³-ngavi³?ai-pid³*, там же, 570 = 548), ни глаз (отрицательная дистрибутивная форма *ri vu.i³-xai-p.ia?*, там же, 645 = 623)³, там же, 488–489 = 468–469.

Причастным формам действительного залога с показателем обладания – *kanti-* типа *nangqa³uagant i* ‘имеющий уши’ противостоят отрицательные формы на *-?aiti³* с каритивным значением: *nangqa³ua?aiti³* ‘безухий’ (там же, 273 = 255, 601 = 579), ср. неудвоенную основу в *totsi³?aiti³* ‘безголовый’ и редуплицированную дистрибутивную форму в *to?to³tsi?aiti³imi* ‘безголовые люди, у каждого из которых нет головы’ (там же, 275 = 257). Каритивная форма множественного числа последнего типа *qa³tcU quna³i?nik.ait³imi* ‘не имеющие огня’ (там же) встречается в мифологическом контексте, где она противостоит дважды повторяющемуся обозначению обладания *qu.i³naq.ahani³m* ‘имеющие огонь’ (к буквальному и проблематичному литературному переводам этой каритивной формы см. там же, 404–405 = 384–385 и 412 = 392). В другом мифе Гремучую Змею Койот называет “Не имеющей ног” (*yuuyi³wai³i*), ср. также обращение Койота к мочевому пузырю (его добыче), который ему надоело нести: *ui³u³xwa.ayi³o³ni* ‘почему бы тебе не заиметь ноги?’ (там же, 332–333 = 312–313), см. выше о передаче идеи безногости.

Наряду с такими преимущественно глагольными грамматическими способами выражения лишительности, как в южном паюте, в американских языках встречается комбинация предложно-послеложного грамматического ее выражения с семантическим (лексическим) глагольным.

В такелма (америндейский язык, предположительно относимый к пенутской группе, внутри нее – к прибрежной орегонской подгруппе) Сэпир открыл особое послеложное слово *wa³k³ie* ‘без, не имеющий’, требующее предместоименной формы им управляемого предшествующего существительного (Sapir 1990, 261 = 245). В текстах такелма встретились следующие случаи использования этого способа выражения лишительности:

а) с названиями частей тела – *ts.!elei wa³k³ei* ‘без глаз, безглазый’ (там же, 340 = 26; в этом мифе речь идет о старых женщинах

‘без глаз, слепых’ – *mogola³pa ga³p!ini ts!elei wo³k³ie g̃ums* ‘старухи две глаз лишенные, слепые’, которым герой вернул зрение: *tc!eleikw k!etemxbien* ‘имеющими глаза я вас сделал’, обладание выражено формой с причастным пассивным суффиксом *-k³w-*, там же, 223 = 207), *yu³k!alx wak³ie* ‘без зубов, беззубый’ (там же, 371 = 57, в контексте, сходном с предшествующим мифом: описываются две старухи без зубов; там же, 444–445 = 130–131, описываются посредством этой же формулы беззубые родители, для которых нужно было приносить мягкую пищу), ср. также приведенную дважды в грамматике Сэпира форму, построенную по схеме II, *dagax wo³k³ie* ‘без головы, безголовый’ (там же, 229 = 213, 261 = 245, ср. об этом типе предместоименных форм, к которым относится и *ts.³!elei* ‘глаз³: там же, 251–252 = 235–236);

б) с именами родства – *tanax wa³k³ie* ‘без отца’, *nixa wa³k³ie* ‘без матери’ (там же, 261 = 245), соответствующие формы обладания имеют причастный пассивный суффикс *-k³w-*: *te³xak³w* ‘имеющий отца’, *ni³xak³w* ‘имеющий мать’ (там же, 223 = 207) или же построенный на его основе с помощью суффикса прилагательных *-(a)t³* сложный суффикс *-gwat*: *te³xagwat³* ‘имеющий отца’, *ni³xagwat³* ‘имеющий мать’ (там же, 277 = 261), ср. к вышеприведенным формам: *yu³k! al-x-gwat* ‘имеющий зубы’, *da³gaxwat³* ‘имеющий голову’ (там же), а также *iuxgwa³t³* ‘имеющий руки’ (*i-* ‘рука’, там же, 563 = 249, 561 = 247, 510–511 = 196–197: *lasgum iuxgwa³t³* ‘змея, имеющая руки = ящерица’).

С диахронической точки зрения Сэпир возводил *wa³k³ie* ‘без’ к тому же элементу, который выступает в творительном префиксе (вероятно местоименного происхождения) *wa-* (ср. о нем там же, 107–108 = 91–92); вторая половина *wa³-k³ie* в таком случае сравнивается с модальной частицей *-k³i e* (там же, 261 = 245), означающей противоположность фактам (там же, 212–215 = 196–198). В этом смысле типологически такелма напоминает те языки Азии, где лишильные формы противостоят творительным-комитативным и притяжательным.

Приведенные конструкции показывают, что с *wa³k³ie* обычно сочетаются имена существительные, с типологической точки зрения входящие в семантические поля обозначений неотчуждаемой при-

надлежности: названия частей тела и имена родства. Из текстов, напечатанных Сэпиром, можно сделать вывод, что с другими существительными (названиями дичи, рыбы, вообще пищи, дров и других предметов, с типологической точки зрения являющихся отчуждаемой принадлежностью), но также и с названиями некоторых частей тела животных в качестве обозначения лишительности может выступать глагол *weet¹ g-i-*. ‘лишить, отнять’ (глагольная основа типа CVC *wede-* по Сэпиру, там же, 138 = 122; аористическая основа *weed-* . принимающая показатель объекта *-g-* в 3-ем лице и непрямого объекта *-s-* в связи с другими лицами, о формах разных времен и видов этого глагола ср. там же, 158 = 142; 547 = 233, о соотношении разных основ глагола ср. 120 = 104). В текстах такелма встретились следующие случаи употребления этого лексического способа выражения семантической категории лишительности. В мифе о Койоте и его внуке: *mii sgi³si p!iyin wet²gin* ‘теперь Койот крупной дичи (красного зверя, оленей) был лишен’ (там же, 327 = 13, несколько другая транскрипция, предложенная в предсмертных лекциях Сэпира, применена к этому тексту в работе: Hymes 1990, 586): *sgisi pli³yin maha²i t!omot wet²gin p!i³yax ga ya ogoigin p!iyi³n maha²i wet²gin* ‘Койот дичь крупную (красного зверя, оленей или оленя, Hymes 1990, 593, 598) убивал, но их-то он и был лишен, косуль (молодых ланей или лань) ему всегда давали только, а оленей он был лишен’ (Sapir 1990, 330 = 116, с небольшими вариациями повторяется на следующей странице); *ba-ihe³mk gasa²lhi bou wedesina. Baxdis guxda wede²sink³. •Gii eme eit³e wede wede²sbigam* ‘Бери это (их-толченые жолуди) скорей, скоро меня их лишат. Жена Волка отнимет их у меня. – Да я же здесь, тебя их не лишат’ (там же); *baxdis guxda mii. wet²gi yana mii. wetgi* ‘Жена Волка тогда отняла это у нее, тогда она отняла их у нее’ (там же); *K!asa guidi² p!iyi³n maha²i a? Wesin* ‘Дедушка, мамин отец, где большой олень? – У меня его отняли’ (там же, 331 = 17): *xi³ma a²ldi wede²k³igam p!ii wede²k³igam* ‘пишу всю, оказывается, у них отнимали; дрова у них, оказывается, отнимали’ (там же, пересказывательные формы). В мифе о Койоте и Лисе последний рассказывает, как он достал рыбьи головы, отняв их у детей: *iwetgien* ‘Я у них их отнял’ (там же, 390 = 76).

Если во всех приведенных случаях глагол *wed(e)-* ‘лишить, отнять’ относится к добыче охотника или рыболова или же к другим нужным, но отчуждаемым предметам (как-древа), то в мифе о Леопарде и его жене – Лани последняя лишает (использован тот же глагол) мужа его поджелудочной железы (*t!iba^kw*): *t!illa^pagit^{gwa} t!iba wed^{gi}* ‘своего собственного мужа поджелудочную железу она у него отняла’ (там же, 360 = 46); *mii.loho^guluk^w t!ibagwaⁿ aⁿi k^ai guxda wel^ghigwana* ‘теперь он был близок к смерти, у него не было поджелудочной железы, потому что его жена его лишила ее’ (там же, 363 = 49). Представляется возможным объяснить использование в этом тексте глагола *wede-* ‘лишить’, а не послелога *wa^ki e*, формальными особенностями названия части тела *t!iba^kw-* ‘поджелудочная железа’. Это последнее обычно (за исключением глагольных конструкций, в широком смысле понимаемых вслед за Сэпирем как инкорпорация, ср. выше первый из примеров из текста мифа о Леопарде и его жене, ср. также в грамматике Сэпира описание инкорпорации *t!iba-wesin* ‘я-поджелудочной железы- лишен’, там же, 227 = 211) содержит суффикс названий некоторых частей тела *-k^w-* (там же, 239 = 223, ср. 571 = 257, 72 = 56, 227–228 = 211–212), который формально, если и не по происхождению, совпадает с причастным пассивным суффиксом, обозначавшим обладание и семантически противоположным смыслу послелога *wa^ki e*. В тех редких случаях, где названия частей тела с этим суффиксом поддаются этимологизации в самом тяжелма, кажется возможным предположить связь с пассивным причастным *-k^w-*, означавшим обладание: *le^k-k^w-* ‘зад’: *la* ‘исправления’ (там же, 563 = 249), *liu-gw-* ‘лицо’: *liu-* ‘смотреть’ (там же, 563 = 249, 529 = 215). В таком случае суффиксальное оформление слова может препятствовать его комбинации с каритивным послелогом. Это обстоятельство и могло привести к замене в данном случае послелога той глагольной конструкцией, которая чаще выступает с обозначениями неотчуждаемой принадлежности.

Но в некоторых текстах глагол *wede-* ‘лишать, отнять’ может использоваться и в сочетании с теми названиями частей тела, для которых выше отмечены каритивные послеложные конструкции: *mii honoe ts.!elei wetgigwa mel* ‘Теперь также его глаза отнял у него

Ворон' (там же, 406–407 = 92–93), *ts.!elei wet³gin* ‘глаз он лишился’ (там же). Этим конструкциям в том же фрагменте текста предшествует аналогичное сочетание глагола *wede-* ‘лишать’ с названием части тела *gwas* ‘кишки’: *mih mel sgisi gwaasi wet³gigwa* ‘теперь, оказывается, Ворон у Койота кишки отнял’ (там же), По-видимому, в обоих случаях в этом тексте глагольное выражение лишительности предпочитается послеложному потому, что обращается внимание на протекание процесса лишения частей тела, ср. раньше в том же мифе употребление более конкретного глагола в сходной функции: *mii.hono e gane gwasixdagwa ba-it!xixi haewin³gwa* ‘и теперь также свои кишки он вытащил изнутри самого себя наружу’ (там же).

В мифах такелма обе синонимичные конструкции, обозначающие лишительность, используются при описании недостачи. Недостача в сочетании с отчуждаемой принадлежностью передается глаголом (лексически), с неотчуждаемой принадлежностью – послелогом (грамматически), если этому не мешает суффиксальное оформление существительного, вызывающее применение глагольной, а не послеложной конструкции. Глагольное описание предпочитается также при фиксации протекания процесса лишения. Поэтому этот способ кажется основным, а послеложный специализированным и лексически ограниченным.

Если верна гипотеза Сэпира о связи глагола *wede-* ‘лишать’, с отрицательной частицей *wede*, использующейся в пересказывательных и потенциальных глагольных конструкциях (там же, 215 = 199), то можно видеть и параллелизм с отмеченным выше диахроническим соотношением послелога *wa³k³ie* и частицы *k³ie*. В обоих случаях выражение лишительности могло быть связано с элементом, в глагольных конструкциях означающим противоположность фактам.

Соотнесение лингвистической (семантическо и/или грамматической) категории лишительности с мифологической темой недостачи, реализуемой в мотивах отсутствия, наделения, лишения и возвращения необходимых предметов (например, частей тела, обычно вне этих сюжетов рассматриваемых как неотчуждаемая принадлежность) обнаруживается и в текстах на других американских языках. В изданных Сэпиром мифах на языке вишрам (согласно Сэпиру чинукская подгруппа пенутской группы) рассказывается о людях ‘без

рта, безротых⁹ – *da²n i da²kwcxat* ('без -их-ртов' Sapir 1990a, 48–49 = 22–23, *i-kusxa²t* 'рот', Sapir 1991, 244, ср. аналогичную каритивную конструкцию с препозицией каритивной морфемы *dan* 'без' в другом тексте вишрам: *dan is-ga²xus* 'без глаз, безглазых', Sapir 1990a, 241 = 215, о форме *is-qhus* 'глаза' см. Sapir 1991, 244, 246; за каритивной конструкцией со значением 'безглазый' в мифе вишрам, как и в приведенном выше тексте такелма, следует синонимическое существительное 'слепой'). Койот для них всех сделал рты, в чем сказалась его деятельность культурного героя, направленная на благо людей (Sapir 1991, 542–543). Он начал с одного человека, встреченного им на реке, у того 'не было рта' – *K!a²ya il²a²kuschat* (Sapir 1990a, 46–47 = 20–21), позднее в рассказе он назван 'безротым' – *da²n ia²kcxat*. Койот размышляет о том, что ему надо придумать, 'чтобы сделать рот для того' – *ia²kcxat anilu²xa* (там же, 48–49 = 22–23). После того, как Койот прорезает ему рот (*ia kwcxat-pa*, там же, форма с послелогом *-pa/-ba*, буквально 'во рту', Sapir 1991, 251, 259, 261 ср. в другом мифе форму с тем же послелогом *ilokusxa²t-pa* 'в их ртах', Sapir 1990a, 104–105 = 78 = 79), его называют 'человек, чей рот был сделан для него' (*ika²la yakuschat iq²lux*, Sapir 1990a, 48–49 = 22–23), что противостоит введенному до этого каритивному обозначению *ika²la da²n ia²kcxat* 'человек, у которого не было рта' (там же). В конце текста сообщается, что 'все (*ka²na-iwe*, см. об этом обозначении 'все-общности' – *totality* в вишрам Sapir 1991, 258) люди (*ide²lxam*, там же, 257 = 673) этого самого селения были безротыми' – *ka²na-iwe ide²lxam iaka²uxtau i²xt wilxam da²n ida²kwcxat* (Sapir 1990a, 48–49), поэтому Койот 'сделал рты для всех жителей этого селения' – *itgakcchatc gatcta²wix saqu idelxam iaka²xtau i²xt wilxam* (там же, 48–51). В данном случае, как и во многих других мифах, повествование начинается с первоначального отсутствия (ср., например, перечисление отсутствовавших ранее культурных достижений в тексте вишрам: "В старые времена не было ведра, не было ножа, не было огнестрельного оружия, не было топора" – *gangadi²x k!ay at!iwat; k!ay aq!euiqxe; k!ay icgwo²lala; k!ay iq²isten* (там же, 208–209 = 182–183; перед этим речь шла о том, что не было чулок и рубашки; грамматическое оформление идеи отсутствия здесь точно такое же – посредством *K!ay/a/* 'нет, не бы-

ло⁹. что и в мифе о безротых людях и Койоте). Особенность мифа о сотворении Койотом рта для этих людей состоит в том, что отсутствует изначально не культурное установление, а часть тела, косвенно связанная с культурными установлениями (речью: безротый говорил в нос неотчетливо, и обычной едой: безротый не мог есть рыбу). Для выражения значения, близкого к лишительности, в некоторых текстах вишрам встречается также глагол ‘отнять, убрать прочь, лишить’ (*da'uctax ga:tctcxckE'm isk!u'lEyE itcta'natck* ‘У этих двоих Койот отнял рыб, хранившихся в водоеме’, там же, 32–33 = 6–7, тот же глагол использован при описании того, как один персонаж мифа отнимает у другого пищу, там же, 124–125 = 98–99, ср. анализ глагольной формы: Sapir 1991, 534 = 232, примеч. в вишрам глагол имеет и значение ‘вынуть’, напр., о стрелах: Sapir 1990a, 79–81 = 52–55).

Сокращения

- КП – Категория посессивности в славянских и балканских языка. М., 1989.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв., т. 1. М., 1988.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, вып. (**bez* – **bratrō*). Под ред. О.Н. Трубачева. М., 1975.
- ЯН, 4 – Языки народов СССР, т. 4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.
- BL – *Bierwisch M., Lang E. (ed.). Studia Grammatica XXVI – XXVII. Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionaladjektiven.* Berlin: Akademie-Verlag.
- PCLS – *Papers from the Fifth Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. April 18–19, 1969.* Chicago, Illinois: University of Chicago, Department of Linguistics, 1969.

Литература

- Абаев 1949 – *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. И. М.-Л., 1949.
- Анненский 1992 – *Анненский И.Ф.* Кипарисовый ларец. М., 1992.
- Апресян 1974 – *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Берында 1627 – *Берында Павма.* Лексіконъ славенороссскій и именъ тлькованіе. Киев, 1627 (переизд. Німчук В.В., Ків, 1961).
- Берында 1653 – *Берында Павма.* Лексіконъ славенороссскій, именъ толкованіе. Кутейн, 1653.
- Богораз 1949 – *Богораз В.Г.* Материалы по языку американских эскимосов. Л., 1949.
- Вернер 1988 – *Вернер Г.К.* Опыт реконструкции общеенисейской деклинационной модели //Вопросы языкоznания, 1988, № 5.
- Вернер 1990 – *Вернер Г.К.* Коттский язык. Ростов-на-Дону, 1990.
- Вернер 1990а – *Вернер Г.К.* Сравнительная фонетика енисейских языков. Таганрог, 1990.
- Виноградов 1977 – *Виноградов В.В.* Чтение текста и историко-этимологические каламбуры //В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Володин 1974 – *Володин А.П.* Состав падежей ительменского языка //Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974.
- Володин 1976 – *Володин А.П.* Ительменский язык. Л., 1976.
- Высоцкий 1976 – *Высоцкий С.А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI–XVII вв.). Киев, 1976.
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 – *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I-II. Тбилиси, 1984.
- Гийом 1992 – *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
- Гуров, Зограф 1992 – *Гуров Н.В., Зограф Г.А.* Ареальное языкоzнание. Предмет и метод (на материале языков Южной Индии) //Вопросы языкоzнания, 1992, № 3.
- Дондуа 1975 – *Дондуа К.Д.* Грамматическое отрицание как проблема общего языкоzнания //К.Д. Дондуа. Статьи по общему

- и кавказскому языкоznанию. Л., 1975 (впервые напечатано: Язык и мышление, т. XI. М.—Л., 1949).
- Дульзон 1968 — Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, 1968.
- Ернштедт 1986 — Ернштедт В.П. Исследования по грамматике коптского языка. М., 1986.
- Жуковская 1983 — Жуковская Л.П. (ред.). Апракос Мстислава Великого. М., 1983.
- Зализняк 1991 — Зализняк А.А. Об одной берестяной грамоте XII века// Words are Physicians for an ailing Mind. Festschrift Andrzeja Boguslawski, ed. M. Grochowski, D. Weiss. Münich: Verlag Otto Sager, 1991.
- Зеленин 1991 — Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
- Ибрагимов 1978 — Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978.
- Иванов 1971 — Иванов Вяч.Вс. Об одной параллели к гоголевскому Вию // Труды по знаковым системам, 5. Учен. зап. Турецкого гос. ун-та, вып. 284. Тарту, 1971.
- Иванов 1973 — Иванов Вяч.Вс. Категория "видимого" и "невидимого" в тексте. Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому "Вию" // Structure of Texts and Semiotics of Culture. The Hague—Paris: Mouton, 1973.
- Иванов 1976 — Иванов В[яч].В[с]. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
- Иванов 1981 — Иванов Вяч.Вс. Славянский, балтийский и ранне-балканский глагол. Индоевропейские источники. М., 1981.
- Иванов 1985 — Иванов Вяч.Вс. Индоевропейские этимологии. 4. Индоевропейские сложения типа числительное + *pod — "нога" // Этимология 1983. М., 1985.
- Иванов 1985а — Иванов Вяч.Вс. Об отношении хаттского языка к северокавказским// Древняя Анатolia. М., 1985.
- Иванов 1989 — Иванов Вяч.Вс. Синхронная и диахроническая типология посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Иванов, Топоров 1965 — Иванов В[яч].В[с], Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

- Иванов, Топоров 1974 – *Иванов В[яч].В[с]., Топоров В.Л.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Иванов 1994 – *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1994.
- Иллич-Свитыч 1971 – *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Справительный словарь (б – К). М., 1971.
- Истрин 1920 – 1930 – *Истрин В.М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, I–III. Петроград/Ленинград, 1920–1930.
- Климов 1992 – *Климов Г.А.* Из истории имени прилагательного (картвельские данные) //Вопросы языкознания, 1992, № 5.
- Колпакчи 1956 – *Колпакчи Е.М.* Очерки по истории японского языка. 1. Морфология глагола. М.–Л., 1956.
- Комарович 1960 – *Комарович В.Л.* Культ Рода и Земли в княжеской среде XI–XII вв. //Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVI, 1960.
- Кумахов 1967 – *Кумахов М.А.* Адыгейский язык //ЯН, 4.
- Къеркегор 1993 – *Къеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993.
- Лавров, Тименчик 1983 – *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях //Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Археология. Ежегодник. М., 1981.
- Лившиц 1962 – *Лившиц В.А.* Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии (Согдийские документы с горы Муг, вып. II). М., 1962.
- Ломтатидзе 1967 – *Ломтатидзе З.В.* Абазинский язык //ЯН, 4.
- Мельчук 1969 – *Мельчук И.А.* Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовании //Известия АН СССР, сер. лит. и языка, 1969, 28.
- Меновщиков 1962 – *Меновщиков Г.А.* Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. 1. Фонетика. Морфология именных частей речи. М.–Л., 1962.
- Мешерский 1958 – *Мешерский Н.А.* (ред.). "Иудейская война" Иосифа Флавия. М.–Л., 1958.

- Невский 1935 – *Невский Н.А.* Материалы по говорам языка цоу// Труды Ин-та востоковедения. XI. М.–Л., 1935 (фотопринтом переиздано в кн.: Н.А. Невский. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных циу. М., 1981: "Наука", Главная редакция восточной литературы)
- Панде 1990 – *Панде Х.Ч.* Посессивность, виды принадлежности и бытийность // *Wiener Slawistischer Almanach*, 1990, Bd. 25/26, 327–335.
- Панчвадзе, Джейранишвили 1967 – *Панчвадзе П.М., Джейранишвили И.К.* Удинский язык //ЯН, 4.
- Пастернак 1991 – *Пастернак Б.Л.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Повести. Статьи. Очерки. М., 1991.
- Рамстедт 1957 – *Рамстедт Г.* Введение в алтайское языкознание. Мэрфология. М., 1957.
- Розанов 1912 – *Розанов С.П.* Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912.
- Семерены 1980 – *Семерены О.* Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Словарь языка Пушкина. Т. 2. М., 1957.
- Соболевский 1894 – *Соболевский А.И.* (рец, на книгу). С.Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке //Журнал Министерства Народного Просвещения, Май, 1894.
- Старостин 1982 – *Старостин С.А.* Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков //Кетский сборник. Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика. Л., 1982.
- Сыромятников 1972 – *Сыромятников Н.А.* Древнеяпонский язык. М., 1972.
- Топоров 1975 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь А–Д. М., 1975.
- Трубецкой 1987 – *Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Услар 1979 – *Услар П.К.* Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.
- Успенский 1987 – *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.) //Sagners Slavistische Sammlung, hrsg. P. Reder, Bd. 12. München: Verlag Otto Sagner, 1987.

- Ушаков 1938 – Ушаков Д.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Т. 2. М.–Л., 1938.
- Хайду 1985 – Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
- Хардхиев, Тренин 1970 – Хардхиев Н.И., Тренин В.В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970.
- Хелимский 1986 – Хелимский Е.А. Архивные материалы XVIII в. по енисейским языкам //Палеоазиатские языки. Л., 1986.
- Цветаева 1990 – Цветаева Марина. Стихотворения и поэмы (Библиотека поэта. Большая серия, изд. 3). Л., 1990.
- Черных 1993 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка, тт. 1–2. М., 1993.
- Шахматов 1915 – Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка (Энциклопедия славянской филологии, вып. 11, 1). Спб, 1915 (переиздание: Russian Reprint Series. The Hague: Europe Printing, 1967).
- Ягич 1896 – Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПб, 1896 (Оттиск из: Исследования по русскому языку. I. СПб, 1885–1895).
- Янин 1992 – Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода//Вопросы истории, 1992, № 10.
- Янин, Зализняк 1993 – Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984 – 1989 гг.). М., 1993.
- al-Kasgari 1941 – al-Kasgari Mahmud b.al-Husain. Kitab Diwan Lugat at-Turk (faximil. ed.). Ankara: Besim Atalay, 1941.
- Alkon 1992 – Alkon Daniel L. Memory's Voice. Deciphering the Brain-Mind Code. New York: Harper Collins Publishers, 1992.
- Bader 1989 – Bader Françoise. La langue des dieux ou hermétisme des poètes indoeuropéens. Pise: Giardini, 1989.
- Bader 1990 – Bader Françoise. La langue des dieux: hermétisme et autobiographie //Les études classiques, t. LVIII, 1990.
- Бенвенисте 1950 – Benveniste E. La négation en yuchi //Word, 1950, vol. 6, № 2.
- Bernini 1987 – Bernini G. Attempting the reconstruction of negative patterns in PIE //Papers from the 7th International Congress on Historical Linguistics, ed. A.G.Ramat, O.Carruba, G.Bernini. Amsterdam: John Benjamins, 1987.

- Berthoud-Papandropoulou 1990 – *Berthoud-Papandropoulou I. La reconstruction de la négation chez l'enfant*//Internationales interdisziplinäres Kolloquium “Sprache und Denken: Variation und Invarianz in Linguistik und Nachbardisziplinen”. Lenzburg/Schweiz. 16–19 Mai 1989, I–II, akup, NN 81–82, 65–82.
- Bierwisch 1967 – *Bierwisch M. Some Semantic Universals of German Adjectives*//Folia Linguistica, 1967, 3, 1, 1–36.
- Bierwisch 1987 – *Bierwisch M. Dimensionadjektive als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens*//BL, 1987, 1–28.
- Bierwisch 1987a – *Bierwisch M. Semantik der Graduierung*//BL, 1987.
- Brugmann 1911 (= 1967) – *Brugmann Karl. Vergleichende Laut-, Stamm- und Flexionslehre nebst Lehre vom Gebrauch der Wortformen der Indogermanischen Sprachen. Zweite Bearbeitung. Bd. 2, T. 2.* Strassburg: Karl J. Trübner, 1911 (= 1967).
- Carnap 1958 – *Carnap R. Introduction to Symbolic Logic and its Applications*. New York: Dover Publications, Inc., 1958.
- Carruba 1969 – *Carruba Onofrio. Die Satzeinleitenden Partikeln in den Indogermanischen Sprachen Anatoliens (Incunabula Graeca, vol. XXXII)*. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1969.
- Castrén 1858 – *Castrén M. A. Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen*, hrsg. von A. Schiefner. St. Peterburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1858.
- Croft 1991 – *Croft W. The evolution of negation*//Journal of Linguistics, 1991, vol. 27, № 1.
- Curtius 1925 – *Curtius E.R. Französischer Geist in neuen Europa*. Stuttgart, 1925.
- Černý 1976 – *Černý J. Coptic Etymological Dictionary*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dierickx 1991 – *Dierickx Jean. Unspeakable, speakable. Negative Adjectives with Potential Positive*//Cahiers de l'Institut de linguistique de Louvain, 1991, 17 (1–3), 117–124.
- Endzelīns 1971 – *Endzelīns Janis. Darbu izlase. I.* Rīga: Zinatne, 1971.
- Fowler 1896 – *Fowler F.Y. The Negatives of the Indo-European Languages*. Chicago, 1896.

- Funkenstein 1986 – *Funkenstein Amos*. Theology and the Scientific Imagination from the Middle Ages to the Seventeenth Century. Prinston, New Jersy: Prinston University Press, 1986.
- Gaatone 1971 – *Gaatone D.* Étude descriptive du système de la négation en français contemporain. Genève: Droz, 1971.
- Ginneken 1907 – *Ginneken J. van*. Principes de linguistique psychologique. Paris, 1907.
- Godel 1975 – *Gödel R.* An Introduction to the Study of Classical Armenian. Wiesbaden, 1975.
- Guillaume 1916-1975 – *Guillaume G.* Le problème de l'article et sa solution dans la langue français. Paris: Nizet/Quebec: Les Presses de l'Université Laval, 1916-1975.
- Götze 1938 – *Götze A.* The Hittite Ritual of Tunnawi. American Oriental Society. New Haven, 1938.
- Hawkins, Morpurgo-Davies, Neumann 1974 – *Hawkins J.D., Morpurgo-Davies A., Neumann G.* Hittite Hieroglyphs and Luwian. New Evidence. Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Klasse, Göttingen, 1974.
- Hoffner 1990 – *Hoffner Harry A., Jr.* Hittite Myths, ed. Gary M. Beckman (Society of Biblical Literature, vol. 2). Atlanta, Georgia: Scholar Press, 1990.
- Horn 1987 – *Horn L.R.* A Natural History of Negation. Chicago/London: University of Chicago Press, 1987.
- Hymes 1990 – *Hymes Dell.* The Discourse Patterning of a Takelma Text: "Coyote and his Rock Grandson" //Sapir, 1990, 583–598.
- Jakobson 1958 – *Jakobson R.* Medieval Mock Mystery. The Old Czech Unguentarius//*Studia philologica et litteraria in honorem L. Spitzer*. Bern, 1958, 245–265 (также: Selected Writings, vol. VII. Mouton- de Gruyter. Berlin – The Hague).
- Jespersen 1917 – *Jespersen O.* Negation in English and other Languages (Det Kgl. Danske Viderskabernes Selskab, Historisk-filologiske Meddelelser, 15). København, 1917.
- Jespersen 1942 – *Jespersen Otto*. A Modern English Grammar on Historical Principles, part VI: Morphology. Copenhagen, 1942.
- Jhering 1923 – *Jhering R.E.* (8 ed.; 1 ed. – 1883). Der Zweck im Recht. Leipzig, 1923.

- Joly 1967 — *Joly A.* Negation and the Comparative Particle. Quebec: Les Presses de l'Université Laval, 1967.
- Joly 1972 — *Joly A.* La négation dite explétive en vieil anglais et d'autres langues indo-européennes //Études anglaises, XXV, 1, 1972.
- Joly 1981 — *Joly A.* Structure psychique et structure sémiologique de la négation nexale dans les langues indo-européennes //BSL, LXXVI, fasc. 1, 1981.
- Josephson 1972 — *Josephson F.* The Function of Sentence Particles in Old and Middle Hittite ("Acta Universitatis Upsaliensis"). Uppsala, 1972.
- Kleiber 1976 — *Kleiber G.* Adjectifs antonymes: comparaison implicite et comparaison explicite//Travaux de linguistique et de littérature, 1976, vol. 14, 1. Strasbourg: Université de Strasbourg.
- Klima 1964 — *Klima E.* Negation in English //The Structure of Language, ed. J.A. Fodor, J.J. Katz. Prentice-Hall, 1964.
- Kuipers 1968 — *Kuipers A.H.* The Categories Verb-Noun and Transitive-Intransitive in English and Squamish//Lingua, 1968, 21, 610–625.
- Lakoff 1969 — *Lakoff R.A.* Syntactic Argument for Negative Transformation //PCLS, 1969, 140–147.
- Laroche 1959 — *Laroche Emmanuel.* Dictionnaire de la langue louvite (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut Français d'archéologie d'Istanbul, VI). Paris: Librairie Adrien-Maison-neuve, 1959.
- Laroche 1969 — *Laroche Emmanuel.* Les noms anatoliens du 'dieu' et leurs dérivés//Journal of Cuneiform Studies, vol. XXI [1967]. Special volume honoring Prof. A. Götze, ed. A. Sachs, 1969, 174–177.
- Lejeune 1981 — *Lejeune M.* Procédures soustractive dans les numéralisations étrusque et latine//Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, 1981, t. LXXXVI, fasc. 1, 241–248.
- Lewy 1961 — *Lewy Ernst.* Kleine Schriften (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Veröffentlichungen der Sprachwissenschaftlichen Kommission, 1). Berlin: Akademie-Verlag, 1961.

- Lindholm 1969 – *Lindholm J.M.* Negative-raising and Sentence Pronominalization //PCLS, 1969, 148–158.
- Locker 1955 – *Locker E.* Der Sprachliche Ausdruck der Negation // Instituto Lombardo di Scienze e Lettere. Rendiconti. Classe di Lettere, vol. LXXXVIII, 1955.
- Malinowski 1929 – *Malinowski Bronisław.* The Sexual Life of Savages in Northern-Western Melanesia. An Ethnographical Account of Courtship, Marriage and Family Life among the Natives of the Trobriand Islands, British New Guinea. New York: Halcyon House, 1929.
- Marchand 1960 – *Marchand H.* The Categories and Types of Present-day English Word-Formation. Wiesbaden, 1960.
- Martin 1966 – *Martin R.* Le mot *rien* et ses concurrents français. Paris: Klincksieck, 1966.
- Melchert 1987 – *Melchert Craig.* Proto-Indo-European Velars in Luwian //Studies in Memory of W. Cowgill (1929–1985) (Studies in Indo-European Language and Culture). Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1987.
- Melchert 1988 – *Melchert Craig.* Luwian Lexical Notes //Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1988, Bd. 101, Heft 2.
- Meriggi 1957 – *Meriggi Piero.* Testi Luvii//Athenaeum, 1957, vol. XXXV, fasc. I-II, 56–77.
- Meriggi 1962 – *Meriggi Piero.* Hieroglyphisch-Hethitische Glossar. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1962.
- Meriggi 1967 – *Meriggi Piero.* Manuale de eteo geroglifico. Parte II. Testi, 1-a serie. I testi neo-etei piu o meno completi (Incunabula graeca, vol. XIV). Roma, 1967.
- Meriggi 1980 – *Meriggi Piero.* Schizzo grammaticale dell'anatolico. Atti della Academia Nazionale dei Lincei, anno CCCLXXVII. Memorie, Classe di scienze morali, storiche e filologiche, serie VIII, vol. XXIV, fasc. 3. Roma, 1980.
- Milewski 1969 – *Milewski T.* Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1969.
- Mühlenbachs, Endzelīns 1923–1932 – *Mühlenbachs K., Endzelīns J.* Latviesu valodas vārdnica. I–IV. Rīga: Lettisches Bildungsministerium, 1923–1932.

- Nagórko 1989 – Nagórko A. Zur semantischen Klassifikation der Adjektive //Wiener Slawistischer Almanach, 1989, Bd. 24, 227–236.
- Nagy 1974 – Nagy George Comparative Studies in Greek and Indic Meter (Harvard Studies in Comparative Literature, vol. 33). Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.
- Nagy 1990 – Nagy George . Mythology and Poetics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1990.
- Noreen 1904 – Noreen A. Vårt Språk. Nysvensk Grammatik, V. Lund, 1904.
- Nyrop 1908 – Nyrop Kr. Grammaire historique de la langue française, III. Copenhague, 1908.
- Paul 1956 – Paul H. Deutsches Wörterbuch. 5 Aufl. Halle (Salle), 1956.
- Payne 1992 – Payne J.R. (reprint 1985). Negation //Language Typology and Syntactic Description, ed. T. Shopen, vol. 1. Clause Structure. Cambridge University Press, 1992.
- Pecchioli Daddi 1987 – Pecchioli Daddi F. Aspects du culte de la divinité hattie Teteshapi //Hethitica, VII: Acta Anatolika E. La-roche oblate, ed. R. Lebrun. Louvain – Paris: Peeters, 1990.
- Peter 1949 – Peter Max. Über einige negative Präfixe im Modern-französischen als Ausdrucksmittel für die Gegensatzbildung // Romanica Helvetica, vol. XXXII. Bern, 1949.
- Popowska-Taborska 1987 – Popowska-Taborska H. Szkice z kaszub-szczyzny. Dzieje. Zabytki. Słownictwo. Museum Pismiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej w Wejherowie. Towarzystwo Przyjaciół Ziemi Wieherowskiej, 1987.
- Pritsak 1981 – Pritsak O. The Origin of Rus'. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.
- Puhvel 1984 – Puhvel Jaan. Hittite Etymological Dictionary, vol. 1, 2. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton Publischers, 1984.
- Reichenbach 1947 – Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. New York, 1947.
- Russel 1956 – Russel B. Logic and Knowledge, ed. R.C. Marsh. New York, 1956.
- Sapir 1985 – Sapir Edward. Selected Writings in Language, Culture and Personality, ed. D. Mandelbaum. Berkley–Los Angeles–London: University of California Press, 1985 (paperback ed. 1949).

- Sapir 1990 – *Sapir Edward. Takelma Texts and Grammar. The Collected Works*, VIII. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1990
(первая цифра при ссылках на все тома относится к пагинации этого издания, вторая – к воспроизведенной в нем первоначальной пагинации).
- Sapir 1990a – *Sapir Edward. Wishram Texts* //Sapir 1990b, 17–341.
- Sapir 1990b – *Sapir Edward. Wishram Texts and Ethnography. The Collected Works*, VII. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1990.
- Sapir 1991 – *Sapir Edward. American Indian Languages 2. Collected Works*, VI. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Sapir 1992 – *Sapir Edward. Southern Paiute and Ute Linguistics and Ethnography. Collected Works*, X. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Sasse 1993 – *Sasse Hans-Jürgen. Das Nomen – eine universelle Kategorie?* //Sprachtypologie und Universalforschung, 1993, Bd. 46, Hft. 3, 187–221.
- Schächter 1935 – *Schächter J. Prolegomena zu einer kritischen Grammatik, Schriften zur wissenschaftlichen Weltauffassung*, hrsg. P. Frank, M. Schlick, Bd. 10. Wien: Verlag von J. Springer, 1935.
- Schmitt 1967 – *Schmitt Rüdiger. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967.
- Schmitt 1968 – *Schmitt Rüdiger* (hrsgb. von). *Indogermanische Dichtersprache (Wege der Forschung, Bd. CLXV)*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968.
- Schulze 1968 (=1921) – *Schulze Wilhelm. Tocharisch tseke peke* // Schmitt 1968, 34–39 (= 293–297).
- Schumann 1958 – *Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen*. Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Universität Berlin, Bd. 16. Wisbaden, 1958.
- Schwiegler 1983 – *Schwiegler A. Predicate negation and word-order change: a problem of multiple causation* //Lingua, 1983, 61, 297–334.
- Seiler 1952 – *Seiler Hansjakob. Negation, den Begriff des Prädicats betonend* //Studia Linguistica, 1952, VI, 79–91.

- Seiler 1993 – *Seiler Hansjakob*. Der UNITYP – Ansatz zur Universalienvorschung und Typologie//Sprachtypologie und Universalienforschung, 1993, Bd. 46, Hft. 3, 163–186.
- Seuren 1978 – *Seuran P.A.M.* The Structure and Selection of Positive and Negative Gradable Adjectives//Papers from Parasession on the Lexicon. Chicago Linguistic Society. April 14–15, 1978. Chicago: Chicago University Press, 1978, 336–345.
- Slotkin 1990 – *Slotkin A.R.* Adjectival -less and -free; a Case of shifting Institutional Currency//American Speech, Spring, 1990, 65 (16), 33–49.
- Spitzer 1961 – *Spitzer Leo*. Stilstudien. 1 Teil. Sprachstile. 2 Teil. Stilsprachen. München: Max Hüber Verlag (2 unverändert. Ver.), 1961.
- Stang 1970 – *Stang Chr.S.* Über die obligatorische Possessivierung in den melanesischen Sprachen //Chr. S. Stang. Opuscula linguistica. Ausgewählte Aufsätze und Abhandlungen. Oslo: Universitetsforlaget, 1970.
- Starke 1985 – *Starke F.* Die keilschrift-luwischen Texte in Umschrift (Studien zu den Bogazkoy-Texten, Heft 30). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985.
- Starke 1990 – *Starke F.* Untersuchungen zur Stammbildung des keilschrift-luwischen Nomens (Studien zu den Bogazkoy-Texten). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985.
- Swadesh 1939 – *Swagesh Moris*. Nootka Internal Syntax//International Journal of American Linguistics, 1939, 9, 77–102.
- Taszycki 1968 – *Taszycki W.* Archaiczny typ przymiotników słowiańskich// Z polskich studiów slawistycznych, seria 3. Językoznawstwo. Prace na VI Międzynarodowy Kongres Slawistów w Pradze 1968. Warszawa (= Rozprawy i studia polonistyczne, IV. Wrocław-Warszawa-Kraków), 1968.
- Thieme 1952 – *Thieme Paul*. Studien zur indogermanischen Wortkunde und Religionsgeschichte. Berlin: Akademie-Verlag, 1952.
- Thieme 1968 – *Thieme Paul*. Ambrosia //Schmitt 1968, 113–132.
- Tishler 1977 – *Tishler J.* Hethitisches Etymologisches glossar. Innsbruck, 1977.

- Tournier 1988 – *Tournier Jean*. La négation lexicalisée //La négation. Domain anglaise, ed. P. Cotte, J. Lavedrine. Saint-Étienne. Centre interdisciplinaire d'études et de recherches sur l'expression contemporaine, Université de Saint-Étienne, 1988.
- Veltruský 1985 – *Veltruský Jarmila F.* A sacred Farce from Medieval Bohemia. Mastičkar. Michigan Studies in Humanities, 6. Ann Arbor: The University of Michigan, Horace H. Rackham School of Graduate Studies, 1985.
- Villa 1992 – *Villa E.* Da diciassette variazioni su temi proposti per una pura ideologia fonetica //Searsmen of Sorts, Italian Poetry 1975 – 1993, ed. L. Ballerini (Journal of Italian Studies, Italian Poetry, Supplement), 1992.
- Voretzsch 1951 – *Voretzsch Karl*. Einführung in das Studium der Altfranzösischen Sprache. 7 Auflage bearbeitet von G. Rohlfs. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1951.
- Wackernagel 1928 – *Wackernagel J.* Vorlesungen über Syntax. II. Basel, 1928 (переиздано в 1957).
- Watkins 1970 – *Watkins Calvert*. Language of Gods and Language of Men. Remarks on some Indo-European metalinguistic Traditions// Myth and Law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European Comparative Mythology, ed. by J. Puhvel. Berkley-Los Angeles – London: University of California Press, 1970.
- Watkins 1978 – *Watkins Calvert*. Anosteos hon poda //Etrennes de septemtaine. Mélanges Michel Lejeune. Paris, 1978.
- Watkins 1987 – *Watkins Calvert*. How to kill a Dragon in Indo-European //Studies in Memory of Warren Cowgill (1929–1985). Berlin–New York: de Gruyter, 1987.
- Wolfson 1947 – *Wolfson Harry A.* Infinite and Privative Judgements in Aristotle, Averoes and Kant //Philosophy and Phaenomenological Research, 1947, 7, 173–187.
- Wright 1959 – *Wright G.H. von*. On the Logic of Negation. Societas Scientiarum Fennica: Commentationes Physico-Mathematicae, 1959, vol. XXII, № 4. Helsinki, 1959.
- Wundt 1886 – *Windt W.* Das Sittliche in der Sprache//Deutsche Rundschau, 1886, XLVII, 70–92.

Zimmer 1964 – Zimmer K. Affixal Negation in English and Other Languages: an Investigation of Restricted Productivity. Word Monographs, 5 //Word, vol. 20, № 2, Supplement, 1964.

T.N. Молошная

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
КОСВЕННЫХ НАКЛОНЕНИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, наклонение является одной из грамматических категорий глагола. В современной лингвистике понятие грамматической категории считается как бы ясным, вместе с тем разные исследователи нередко вкладывают в него разное содержание. Самое убедительное, на мой взгляд, толкование этому понятию дал А.И. Смирницкий (Смирницкий 1959, 8–10; 1957, 28–32). Он считает, что та или иная единица, имеющая только в высшей степени общее значение (например, время), представленное отдельными, объединяемыми и обобщаемыми в нем видовыми значениями (например, настоящее время, прошедшее время, будущее время), и выражаящая это свое общее значение в систематическом противопоставлении различных форм, может быть определена как грамматическая категория языка. Таким образом, к числу грамматических категорий относятся такие единицы, как падеж, число, лицо, наклонение, время в русском и ряде других языков. Из сказанного видно, что под грамматической категорией понимается некоторая единица, а не только известное значение. И вместе с тем эта единица понимается не просто как определенный ряд форм, но как нечто общее, выделяемое в известных рядах форм и на основе своего значения и на основе того, что это значение выражается в этих рядах равным образом путем систематического противопоставления различных форм. Те формы, в противопоставлении которых выявляется данная грамматическая категория, являются разными формами этой категории (например, настоящее и прошедшее время). Напротив, те формы, которые относятся к данной категории, но не противопоставляются в ней, так как содержат одно и то же элементарное

значение, представляют собой одну форму этой категории, или одну категориальную форму (настоящее время). А.И.Смирницкий показал, что 1) Всякая грамматическая форма слова входит в какую-либо грамматическую категорию и представляет собой обязательно хотя бы одну категориальную форму; 2) Всякая грамматическая категория должна быть представлена по меньшей мере двумя категориальными формами, иначе она не может существовать (Не может быть языка, в котором было бы, например, лишь одно будущее время); 3) Никакая категориальная форма не может участвовать во всех грамматических формах данного слова: если некоторая грамматическая характеристика присуща всему слову в различных его формах, то мы будем иметь дело не с грамматической, а с лексико-грамматической категорией. Так, во всех славянских языках, где существительное не изменяется по родам, но целиком относится к какому-то конкретному роду, это род существительного; 4) В одной и той же словоформе могут соединяться (и почти всегда соединяются) различные грамматические категории (например, время, наклонение, залог, лицо, число); 5) Ни в какой словоформе не могут соединяться одновременно две категориальные формы одной и той же категории: не может быть формы двух разных времен, наклонений и пр.

А.И. Смирницкому же принадлежит формулировка и четкое обоснование понятия аналитической формы слова (АФ), также имеющего важное значение при рассмотрении глагольных наклонений (Смирницкий 1956; 1959, 62–85). АФ, по Смирницкому, есть сочетание некоторого основного слова в определённой его форме с известным служебным словом; это словосочетание относится к основному слову, входящему в его состав, как особая грамматическая форма соответствующего слова. Например, бол. *бих казал* – это словосочетание, в котором *бих* является служебным словом, а *казал* – основным словом, все словосочетание относится к основному слову *казал* как особая грамматическая форма – форма сослагательного наклонения¹. При этом служебный компонент характеризуется максимально ослабленным лексическим значением, а основное слово – ярко выраженным лексическим значением. Тот факт, что АФ есть сочетание слов, в котором каждый компонент является не корнем, не основой, но самостоятельным словом, подтверждается возможностью отделения компонентов друг от друга и свободой их перестановки в потоке речи: ср. бол. *бих казал*, *бих жу казал*, *казал бих*. Таким образом, АФ – это, с одной стороны, словосочетание, с дру-

гой – форма одного слова. В каких же случаях можно говорить о том, что словосочетания выделяются наподобие не целых слов (как это имеет место во фразеологически связанных единицах), а наподобие грамматических форм тех основных слов, которые входят в их состав? Существеннейшим условием того, что словосочетание функционирует в качестве формы одного слова, является наличие простых, несоставных, синтетических форм (СФ) в той же категории, в которую входит данная АФ. Так, *бих казал* выступает как одно слово в грамматической форме сослагательного наклонения потому, что другие формы этой же категории, т.е. формы индикатива (*каже*) и императива (*кажи/кажете*)² являются синтетическими. Этот параллелизм с СФ и превращает словосочетание в грамматическую форму слова.

Относительно общих условий существования АФ А.И. Смирницкий делает следующие выводы: 1) Не может быть грамматической категории, представленной одними лишь АФ, ибо само выделение АФ основывается на параллелизме с СФ; 2) Между словосочетаниями и АФ могут быть переходные случаи, когда границы между первыми и последними не четки. Это особенно характерно для сочетаний модального характера; 3) Поскольку в одной и той же словоформе могут соединяться разные грамматические категории, выражаемые разными средствами (как синтетическими, так и аналитическими), конкретная грамматическая форма слова может быть по линии одной категории формой синтетической, а по линии другой – аналитической. Кроме того одна АФ может наславливаться на другую, образуя сложные АФ. Так, бол. словоформа *е писан* является синтетической по линии категории времени (наст.) и аналитической по линии категории залога (пас.); в такой же форме, как *ще пише*, наоборот, значение залога (акт.) выражается синтетически, а значение времени (буд.) – аналитически. Если же взять словоформу *ще е писан*, то здесь аналитичность выступает по двум линиям – по линии категории залога (пас.) и по линии категории времени (буд.).

Задача данного исследования – последовательно различая аналитические формы глагольных слов и словосочетания, к таковым не относящиеся, выявить грамматические парадигмы косвенных наклонений в славянских языках. Иными словами, основной целью по-

следующего описания и анализа различных явлений в области славянской категории наклонения является разграничение фактов морфологии, с одной стороны, и фактов синтаксиса и лексики с другой.

Как известно, косвенные наклонения представляют собой категориальные формы грамматической категории наклонения. Здесь принимается по П.С. Кузнецovу (Кузнецов 1952, 283–292), что категория наклонения выражает отношение действия (или состояния) к действительности. Поскольку наклонение является одной из форм выражения сказуемостных отношений, более точным будет определить наклонение как грамматическую категорию, выражающую отношение к действительности не самого действия, а той связи, которая устанавливается в предложении между действием и субъектом, производящим это действие, или между состоянием и субъектом, испытывающим это состояние. Некоторые лингвисты рассматривают категорию наклонения как категорию субъективную, т.е. выражающую отношение действия к действительности с точки зрения говорящего, но это лишь частный случай данных отношений (ср. умозаключительное наклонение в болгарском языке).

Во всех славянских языках категория наклонения имеет категориальные формы прямого и косвенных наклонений. И по значению и по морфологическому строению эти формы категории наклонения находятся не в одинаковых отношениях друг к другу. Косвенные наклонения указывают на то, что действия в действительности нет, но что оно или должно произойти или могло бы произойти при известных условиях, т.е. косвенные наклонения сигнализируют нереальность действия. Между тем в индикативе нет эксплицитных указаний на реальность или нереальность действия, поэтому индикатив может выражать наряду с действиями, представленными как реальные, действия, представленные как возможные или невозможные. Это немаркированный член оппозиции, сигнализирующий лишь отсутствие сигнализации признака, характерного для косвенных наклонений. С морфологической точки зрения косвенным наклонениям свойственны определенные формальные показатели, например, в русском языке специальные аффиксы для форм императива, частица *бы* для форм сослагательного наклонения. В индикативе же его категориальное значение выявляется не самостоятельно, а в формах категории времени.

Императив

Однако дихотомического деления наклонений на косвенные и прямые недостаточно для характеристики всей системы членений. Необходимо ввести еще хотя бы один дифференциальный грамматико-семантический признак, ибо разные косвенные наклонения по-разному выражают нереальность действия. Так, призывающая модальность императива, заключающаяся в непосредственном волеизъявлении с целью побудить слушателя или собеседника к определенному действию, предполагает обязательное наличие двух лиц, участвующих в речевом акте, который является в таком случае ситуацией императивного обращения. Этими лицами являются только 1-е и 2-е; 3-е лицо исключается из семантики императивной формы. Вводя, таким образом, второй признак "ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лиц выражена" для противопоставления разных членов категории наклонения, можно представить систему наклонений (в русском и ряде других славянских языков) по следующей предложенной А.В. Исаченко схеме (Исаченко 1960, 474).

Нереальность действия	Ограничность действия рамками 1-го и 2-го лица	
	Выражена	Не выражена
Выражена	императив: сослагательное наклонение: <i>(на)тиши!</i> <i>я бы (на)писал</i> <i>(на)пишите!</i> <i>ты бы (на)писал</i> <i>(на)пишем!</i> <i>он бы (на)писал</i> и т.д.	
Не выражена		индикатив: <i>я (на)тишу</i> <i>ты (на)пишешь</i> <i>он (на)пишет</i> и т.д.

Для языков, в которых косвенных наклонений больше, чем в русском, например, для болгарского, где можно различать еще, по крайней мере, одно наклонение – умозаключительное, приведенная схема должна быть усложнена (см. с. 120), но дифференциальный признак "ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лица" выра-

жена' остается необходимым для выявления императива, который имеется во всех славянских языках.

Как видно из обсуждаемой схемы, в индикативе и сослагательном наклонении ограниченность действия рамками 1 и 2 л. не выражена, поэтому в этих наклонениях свободно образуются формы 3 л. обоих чисел. К императиву, кроме форм 2 л. обоих чисел, относится также форма 1 л. мн. ч. (*напишем/напишемте*), называемая обычно формой совместного действия; в ней побуждение адресуется и к собеседнику/собеседникам и одновременно к говорящему. В действии, к которому А призывает собеседника В, примет участие и сам А: *напишем!* (ты + я), *напишемте* (вы + я). Обычная форма 1 л. мн.ч. (*мы*) *напишем* собеседника не включает.

Индикатив является немаркированным членом обеих оппозиций, в результате он и может выражать различные модальные значения, в том числе побудительные, с помощью лексических, лексико-грамматических и интонационных средств. Ср., например, выражение запрета в форме буд. вр. сов. в. индикатива при использовании соответствующей интонации (*Ты никуда не поедешь!*).

Надо сказать, что в языкоznании до сих пор нет единого мнения относительно состава и строения парадигмы императива. Разногласия по этому вопросу определяются тем, что разные авторы не одинаково трактуют значение императива – принимают более узкое или более широкое его толкование. Сравним определение семантики императивных форм, предложенное Ю.Д. Апресяном: "Говорящий сообщает адресату, что он хочет, чтобы адресат сделал Р, и пытается каузировать адресата сделать Р самим фактом этого сообщения" (Апресян 1988, 269; см. также Вержбицка 1985, 256), и формулировку Л. Бирюлина и В. Храковского "... желая исполнения Р, говорящий сообщает слушающему, кто должен быть исполнителем Р, и пытается каузировать исполнение Р самим фактом этого сообщения" (Бирюлин, Храковский 1991, 27; Бирюлин, Храковский 1992). Теоретической базой для первого подхода служит представление, что "приказ можно направить только адресату в процессе коммуникации. Тот или те, с кем у говорящего нет коммуникации, не могут быть адресатами, а следовательно, приказ как информационный стимул, предполагающий реакцию, не может реализоваться (Мартынов 1982, 119). Вторая формулировка основана на утверждении, что "Ис-

полнителем действия Р может быть говорящий (я), слушающий (ты), слушающие (вы), лицо, не участвующее в коммуникативном акте (он/она), лица, не участвующие в коммуникативном акте (они), а также все теоретически возможные комбинации перечисленных участников коммуникативного акта. Всего существует 17 теоретически допустимых наборов исполнителей каузируемого действия" (Бирюлин, Храковский 1991, 48). Итогом этих разногласий относительно семантики императива является выделение четырех разновидностей императивной парадигмы: 1) только формы 2 л. ед. и мн.ч.; 2) формы 2 л. и форма 1 л. мн.ч. (форма совместного действия); 3) формы 2 л., 1 л. мн. ч. и 3 л.; 4) формы 2 л., 1 л. мн.ч., 3 л. и 1 л. ед.ч.

Оригинальная трактовка императивной парадигмы, отличающаяся и по теоретическим установкам, и по аспектам исследования от концепции В.С. Храковского, А.П. Володина и Л.А. Бирюлина, предложена И.Б. Долининой. Она утверждает, что парадигма императива – это ряды не глагольных словоформ (как у глагольных категорий), а ряды конструкций (некоторые из которых могут быть представлены и словоформами, обладающими статусом законченного высказывания, как например, в рус. *Иди!*; *Пойте!* и т.п.). (Долинина 1992, 275–284).

Всеми лингвистами признается, что формы 2 л. являются для императивной парадигмы центральными. Что касается форм 3 л., то большинство грамматистов, на труды которых я опираюсь (Виноградов 1938; 1947; Кузнецов 1952; Исаченко 1960; 1957; Якобсон 1972; Бондарко, Буланин 1967 и др.), не считают их собственно императивными, ибо они выражают не императивное значение в строгом смысле, а пожелание (либо приказ) говорящего, чтобы кто-то третий (не адресат сообщения) выполнил некоторое действие. Форма 1 л. ед. ч. может иметь побудительную семантику, но никто, кроме Н.С. Трубецкого (Troubetzkoy 1975, 223), не признавал ее императивной формально. В последнее время к точке зрения Н.С. Трубецкого присоединились В. Лефельдт, А.П. Володин, В.С. Храковский и Л.А. Бирюлин (Lehfeldt 1979; 1981; Володин, Храковский 1985, 67; Храковский 1990; Бирюлин, Храковский 1991; Бирюлин, Храковский 1992), включившие в парадигму императива и формы 3 л. и форму 1 л. ед.ч. типа *дай/давай спою*, *дайте/давайте спою*. Справедливо расценивая все концепции императива как разновидности двух подходов к парадигме – функционального и формального,

названные авторы придерживаются чрезвычайно расширительного функционального подхода, при котором фактически не различаются грамматические, лексико-грамматические, лексические и проч. явления. Между тем, во-первых, при формальном подходе всегда принимаются во внимание и функциональные соображения, во-вторых, при функциональном подходе не должны отождествляться грамматические и не-грамматические средства языка. Ср. теорию функциональной грамматики А.В. Бондарко, в которой каждое функционально-семантическое поле имеет ядро, представленное соответствующей морфологической категорией и выражаемое грамматическими формами, и периферию, представленную различными не-морфологическими (лексическими, словообразовательными, синтаксическими и проч.) категориями и формами (см. Бондарко 1967; 1971; 1976; 1984; 1987; 1990).

Итак, в данной работе принимается, что императив входит в число косвенных наклонений, выражаящих нереальность действия. Среди косвенных наклонений он выделяется тем, что обозначаемое им действие ограничено рамками 2 л. ед. и мн. ч. и 1 л. мн.ч. При этом императив, в отличие от других наклонений, характеризуется отсутствием подлежащего – представление о лице обязательно заключается в самой форме глагола.

Во всех славянских языках имеются СФ императива. Императив 2 л. ед.ч. образуется от основы наст. вр. с помощью окончаний *-и* (-i), *-й(-j, -ju, -ij/-uj)* или нуль: рус. *иди, возьми, вынеси, читай, режь, ляг*; бол. *седни, чети, чакай, гледай, виж, влез, стой, пей*; мак. *носи, кажи, стој, викај*; с.-х. *треси, пиши, држи, бирај, чакај, чуј, задаји*; чеш. *idi, vezmi, nes, vrat' se, dělej*; пол. *czytaj, daj, zacznię, oberzyj, nieś, bierz, plyń* и пр.

Форма 2 л. мн.ч. образуется присоединением к готовой форме 2 л. ед. ч. дополнительного аффикса *-те/-ете* (-te/ěte, -cie): рус. *идите, читайте, лягте*; бол. *седните, четете, чакайте, гледайте, вижте*; мак. *носите, кажете, стојте, викајте*; с.-х. *тресите, пишите, држите, чујте*; чеш. *neste, dělejte, jděte, vezměte*; пол. *czytajcie, dajcie, zacznicie, nieście* и пр.

Для образования формы совместного действия во многих языках также используется форма 2 л. ед.ч., к которой присоединяются аффиксы *-те/ěte, -ты, -мо, -те*: с.-х. *тресимо, пишемо, држимо, чујмо*; чеш. *nesme, dělejme, jděme, vezměte*; пол. *czytajmy, zacznię-*

tu, *niesmy* и пр. В русском языке форма совместного действия образуется посредством присоединения аффикса *-te* к форме 1 л. мн.ч.: *идемте*, *бежимте*, *заберемте*. В значении 1 л. мн. ч. императива может использоваться также форма 1 л. мн.ч. наст. вр. или простого буд. вр.: *возъем*, *вынесем*, *ляжем*. В болгарском и македонском языках нет СФ 1 л. мн.ч. Этим данные языки отличаются от всех других славянских. В серболужицких языках, наоборот, парадигма императива шире за счет двойственного числа: 2 л. ед.ч. *rij*; 2 л. мн. ч. *rijće*, 2 л. дв. ч. *rijtaj(-tej)*, 1 л. мн.ч. *rijtu*, 1 л. дв. ч. *rijtoj*.

В лингвистической литературе неоднократно подчеркивался агглютинативный характер славянского императива. Агглютинация сказывается здесь в том, что формы 2 и 1 лиц мн.ч. образуются не самостоятельными окончаниями, присоединяемыми непосредственно к основе, а присоединением аффиксов *-te* (*-te*, *-cie*), *-mo* (*-te*, *-tu*) к готовой форме 2 л. ед.ч. или 1 л. мн.ч. Таким образом, императивная форма типа рус. *идите* или с.-х. *тресимо* имеет по два окончания: *-i* и *-te*, *-i* и *-mo*. В русском языке к императиву возвратных глаголов присоединяется еще аффикс *-ся/-сь*: *запишись*, *запишитесь*; ко всем формам императива может быть присоединена также частица *-ка*: *запишитесь-ка*, *запишемтесь-ка*. Подробно об агглютинативных приемах в императивном формообразовании русского глагола писал А.В. Исаченко (Исаченко 1960, 482–483). Р.О. Якобсон считал частицу *-ка* аффиксом особого побудительного наклонения (Якобсон 1972, 105). Однако А.В. Исаченко показал, что все императивные формы с частицей *-ка*, кроме 1 л. ед.ч. типа *посмотрю-ка*, являются не парадигматическими формами, а сочетаниями глагольной формы с частицей, в которых характер приказания смягчен, поэтому нет оснований выделять побудительное наклонение. Более правильно говорить о специализированной побудительной форме 1 л. ед.ч., значение которой приближается к собственно императивному – побуждение, выраженное данной формой, относится к самому говорящему. Говорящий здесь является одновременно и автором и адресатом призыва. Но форма 1 л. ед.ч. с частицей – *ка* (*напиши-ка*) несомненно отличается от собственно императивных форм типа *напиши* (Исаченко 1960, 491).

Отрицательный вариант синтетических повелительных форм во всех рассматриваемых языках содержит препозитивную отрицательную частицу *не* (*ne*, *nie*): рус. *не кричи*, *не приходите*, *не пойдем*;

бол. не чети, не ходете; мак. не решавај, не кажете; с.-х. не гледај, не плачите, не држимо; чеш. neber, nekuříte, nevezměte; пол. nie pisz, nie bierzcie, nie śmiejmy się.

В большинстве славянских языков глагольные виды употребляются в императиве в соответствии с их общим грамматическим значением: рус. *Пиши почаще!*, *Напишите ему письмо!*; пол. *Wróć do domu!*, *Powróćmy do Pana Tadeusza!*. В сочетании с отрицанием грамматические значение глагольных видов дает несколько иные модальные оттенки. Так, отрицательная форма императива несов. в. типа *Не пиши!*, *Не открывай!* выражает запрет, относящийся к действию, или уже совершенному в момент речи, или непосредственно предстоящему. Форма императива сов. в. типа *Не упади!*, *Не простились!* употребляется в тех случаях, когда говорящий хочет помешать осуществлению действия в будущем, хочет предупредить собеседника. Это значение не запрета, а предупреждения (Исаченко 1960, 459; Храковский 1988).

Интересно, что для всех славянских языков считается характерным более частое употребление несовершенного вида в императиве с отрицанием. Однако совершенный вид со значением предупреждения возможен не только в русском, но и в польском (*Nie zrob tego!* ‘Не сделай этого!’), чешском (*Nezlom si nohu!* ‘Не сломай ногу!’), сербскохорватском (*Не убиј!* ‘Не убей!’), македонском (*Не умри!* ‘Не умри!’). Обычно утверждается, что в болгарском языке императивное отрижение возможно только от глаголов несов.в.: *Не седай*. Большинство грамматистов указывает, что такие формы, как *Не влез*, не употребляются. Единственным исключением, обычно отмечаемым в грамматиках, является выражение *Не дай боже!*. Но здесь форма *дай* осталась по традиции – некогда она имела значение несов. в. (Грамматика 1983, 369). Однако в случае составной формы императива (*да + наст. вр.*), о которой речь будет ниже, совершенный вид вполне допустим: *Да не паднеш!* ‘Не упади!’: *Да не се разболееш!* ‘Не заболей!’, *Да не изгорите на слънцето!* ‘Не обогрите!’, *Да не си извади окото!* ‘Не выколи себе глаз!’, *Да не ме осрамиш пред гостите!* ‘Не осрами меня перед гостями!’ (Пете 1991, 17–21). Эти отрицательные императивные словосочетания имеют упомянутое значение предупреждения. Напомню, что Ю.С.Маслов расценивал глагольные сочетания с *да* как конъюнктив (Маслов

1981, 280). Соответственно, он считал, что значение предупреждения в болгарском языке выражается с помощью отрицательной формы конъюнктива. Эта точка зрения не нашла поддержки у большинства болгаристов (ср. Попов 1976а, 383; Грамматика 1983, 367).

Достаточно часто в лингвистической литературе встречаются утверждения о существовании, кроме СФ, также и АФ императива, т.е. об использовании синтаксических средств для выражения морфологической категории наклонения. Имеются в виду сочетания глагольных форм с различными модальными побудительными, запретительными и проч. частицами. Так, в русском языке АФ императива нередко объявляют сочетания глагольных форм со следующими побудительными частицами: *пусть/пускай*, *да*, *давай/давайте*, *дай/дайте*, *айда/айдите*. Чаще всего к таким АФ относят сочетания частицы *пусть/пускай* с формами наст. или буд. вр. сов.в. (*пусть/пускай идет*, *пусть/пускай придут*). При этом часть лингвистов считает, что данные грамматические формы возможны лишь для 3 л. В *Грамматике современного русского литературного языка* (см. АГ 1970, 416) приведена полная парадигма императива, состоящая, по мнению авторов, из трех СФ и двух АФ:

2 л. ед.ч.	<i>иди</i>	2 л. мн.ч.	<i>идите</i>
3 л. ед.ч.	<i>пусть/пускай идет</i>	3 л. мн.ч.	<i>пусть/пускай идут</i>
1 л. мн.ч.	<i>идем/идемте</i> .		

Некоторые грамматисты расширяют круг АФ императива, распространяя их на все лица и числа. Например, А.П. Володин и В.С. Храковский (см. Володин, Храковский 1985, 72) предлагают следующую систему АФ императива в русском языке:

1 л. ед.ч.	<i>пусть/пускай (я) спою (буду петь)</i>
2 л. ед.ч.	<i>пусть/пускай (ты) споешь (будешь петь)</i>
3 л. ед.ч.	<i>пусть/пускай (он) споет (будет петь)</i>
1 л. мн.ч.	<i>пусть/пускай (мы) споем (будем петь)</i>
2 л. мн.ч.	<i>пусть/пускай (вы) споете (будете петь)</i>
3 л. мн.ч.	<i>пусть/пускай (они) споют (будут петь).</i>

Однако большая часть наиболее авторитетных русистов не признает за словосочетаниями с частицей *пусть/пускай* статуса АФ глагола. В.В. Виноградов называет эти сочетания императивными только содержательно: "частицы модально-императивного типа транспортируют изъявительное наклонение в сферу значений повелительного

наклонения" (Виноградов 1938, 458). Кроме того, В.В. Виноградов указывает, что частица *пустъ* (также как просторечно-областное *пушай*) образовалась из глагола, ее полному превращению в "особый тип служебных морфем" мешает широкое развитие соотносительных модальных значений у полновесного слова *пускать* и словосочетаний с ним (Виноградов 1975). П.С. Кузнецов также не видит АФ в сочетании наст. или буд. вр. с *пустъ/пускай* (Кузнецов 1952, 287). А.В. Исаченко указывает, что включение сочетаний с *пустъ/пускай* в состав императивной парадигмы объясняется недостаточно четким разграничением понятий 'повелительное наклонение' (одно из морфологически выраженных наклонений) и 'побудительная модальность'. Сочетания рассматриваемого типа в русском языке он относит к свободным синтаксическим конструкциям, в которых частица *пустъ/пускай* соединяется с формами индикатива (Исаченко 1960, 477). К этой концепции примыкают также авторы *Русской грамматики-80* (РГ I 1980, 622–623), говоря о регулярно образующихся сочетаниях слов, а не об АФ. Такие сочетания являются императивными только по значению, но не формально. В обоснование этого утверждения приводятся следующие доводы: 1) Частица *пустъ/пускай* может сочетаться и с формами 1 л. и 2 л.: *Уже не мешайте, пустъ я скажу!* (Гоголь); *Пустъ мы погибнем, но город спасем* (Р. Рождественский); ...*пустъ вы только придетете и покажетесь на пороге* (Достоевский); 2) Эта частица во многих случаях распространяет свое значение на предложение в целом: *Пустъ стол стоит у окна!* (РГ II 1980, 247)³. Первое соображение представляется особенно веским – действительно, если для 3 л. ед. и мн.ч. нет СФ императива, то еще можно предположить, что сочетания *пустъ/пускай* с 3 л. ед. и мн.ч. глагола, замещая эти вакансии, функционируют как АФ. Но для 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. существуют СФ, следовательно, их соотношение с обсуждаемыми сочетаниями слов имеет иной характер, чем в случае 3 л. ед. и мн.ч. Из того факта, что *пустъ/пускай* сочетаются со всеми лицами и числами глагола, а не только с теми, которые не располагают СФ императива, можно сделать вывод, что эти сочетания по своей природе ближе к сочетаниям слов, называемым аналитическими конструкциями (АК), а не АФ слов. Они выражают побудительность (одно из значений широкой неграмматической категории 'модальность'). Кроме того, в сочетаниях с *пустъ/пускай* зна-

чение побуждения перекрещивается с собственным значением глагола *пускать*, из которого произошла данная частица. Предложение *Пусть себе уходит*, например, может иметь значение, так сказать, ‘невмешательства’. Известны также самостоятельные употребления частицы *пустъ/пускай* в таком значении: *Ну и пустъ!, Пускай!* или *Пускай себе!* и пр. Таким образом, хотя СФ императива бесспорно находятся в известном содержательном и функциональном соответствии с сочетаниями с частицей *пустъ/пускай*, признать эти сочетания АФ императива, т.е. отнести к морфологии, нет достаточных оснований.

Относительно глагольных сочетаний с частицей *да* в русском языке вопрос более прост. Эта частица, употребляемая перед формой наст. вр. изъявит. накл. в повелительном значении, является архаизмом, унаследованным из старославянского. Сочетания подобного типа встречаются преимущественно в классической поэзии: *Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу* (Пушкин); *Да правлю я во славе свой народ* (Пушкин). В современном языке свободного употребления частицы *да* почти не наблюдается. Остатками старославянской модели являются окаменевые восклицательные предложения, в состав которых входят сочетания *да здравствует, да будет* и некоторые др.

Довольно многие грамматисты признают АФ императива сочетания частицы *давай/давайте* с инфинитивом или 1 л. мн.ч. буд. вр. сов.в. В *Академической грамматике-70* сочетания частицы *давай* с инфинитивом спрягаемого глагола (*давай писать, давай будем писать*) названы распространенной и регулярно АФ императива. В качестве АФ рассматриваются также сочетания с формой совместного действия (*давай напишем*). Указывается, что в случае обращения не к одному, а ко многим собеседникам к частице *давай* присоединяется постфикс *-те* (*давайтe писать, давайтe будем писать, давайтe напишем*). Этот постфикс может также одновременно присоединяться и к частице, и к форме глагола *быть*, и к форме спрягаемого глагола (*давайтe будемтe писать, давайтe напишемтe*) (АГ 1970, 416).

В *Русской грамматике-80* (РГ I 1980, 622) сочетания с частицей *давай/давайте* тоже трактуются как АФ императива совместного действия. А.В. Исаченко также присоединяется к тем, кто считает, что в русском языке существуют АФ императива 1 л. мн.ч. Он

пишет, что АФ образуются от глаголов обоих видов. У глаголов несов. в. АФ является единственным приемом образования императива совместного действия. В качестве императивных показателей выступают слова *давай* (*давайтe*) и *будем* (*будемтe*), сочетающиеся с инфинитивом: *давай(те) писать*, *будем(те) писать*. Возможна также форма *давай(те) будем писать* с тем же грамматическим значением. У глаголов сов. в. имеется аналитический дублет СФ императива 1 л. мн.ч. – *давай(те) напишем* (Исаченко 1960, 485–489). Сразу же скажу, что невозможно согласиться с отнесением сочетания глагола *будем* и инфинитива (*(будем читать!)* к числу АФ императива. Это, бесспорно, лишь транспозиция инфинитивной формы, ее употребление в побудительном значении, наподобие того, как употребляется простой инфинитив для передачи побудительного значения (*Молчать!* и пр.). Рассматривая сочетания с *давай/давайтe*, А.В.Исащенко совершенно справедливо замечает, что слово *давай* (или *давайтe*) есть по своему происхождению форма 2 л. глагола, следовательно, основной функцией словосочетания является обращение ко 2 л., т.е. к собеседнику, следовательно, это императивная функция. Однако нужно заметить, что данное соображение А.В. Исащенко не может служить доказательством того, что сочетание *давай/давайтe* с инфинитивом или с формой 1 л. мн.ч. буд. вр. сов. в. представляет собой АФ императива – ведь, в любой АК, не являющейся формой слова, грамматическое значение всегда выражается именно служебным глаголом, ср. например, значение наклонения, залога, времени, лица, числа в модальной конструкции *хочу писать* и пр.

А.П. Володин и В.С. Храковский включают в состав АФ императива, кроме сочетаний с *давай/давайтe* и 1 л. мн.ч., также сочетания с 1 л. ед.ч.: *дай/давай спою*, *дайтe/давайтe спою*. Как видно из примеров, они привлекают и сочетания с частицей *дай/дайтe* (Володин, Храковский 1985, 69). Здесь в первую очередь следует заметить, что частица *дай/дайтe* имеет дополнительный оттенок значения ‘призыва к согласию, просьбы дать возможность сделать что-либо, обращенных к тому, кому адресована речь’, и употребляется гораздо реже, чем *давай/давайтe*. Это обстоятельство делает положение сочетаний с *дай/дайтe* еще более сложным и проблематичным.

П.С. Кузнецов относит рассматриваемое сочетание в современном русском языке к числу свободных сочетаний слов, выражающих

побуждение. Это доказывается тем, что, с точки зрения П.С. Кузнецова, слово *давай(te)* является не частицей, а формой повелительного наклонения от глагола *давать*, и таким образом фактически только это слово, а не все словосочетание передает значение побуждения (Кузнецов 1952, 288). Мнение П.С. Кузнецова, что оборот *давай(te) + 1 л. мн.ч.* имеет просторечный характер и не может считаться нормой для современного литературного языка, вызывает еще большее сомнение. Представляется, что прав А.В. Исаченко, признающий сочетания типа *давай(te) писать* и *давай(te) напишем* столь же стилистически нейтральными, как и СФ императива. Они вполне нормальны в языке образованных людей,ср. *Давайте посидим вместе* (Чехов, Три сестры). Другое дело, что эти сочетания свойственны, как и все формы императива, прежде всего диалогической речи и имеют поэтому оттенок непринужденности (Исаченко 1960, 489).

В разговорной речи частица *давай/давайте* может также обозывать сочетания с СФ императива: *Давай иди!*, *Давайте пишите!*, *Давайте напишем!*. Очевидно, что в таких случаях эта частица выполняет усилительную функцию при готовой императивной форме.

Несмотря на проиллюстрированную распространенность мнения о том, что глагольные сочетания с *давай/давайте* являются АФ императива, я, следуя П.С. Кузнецову, отношу их к числу АК, т.е. свободных синтаксических сочетаний слов, выражющих модальное значение побуждения. В первую очередь это касается форм 3 л. обоих чисел и 1 л. ед.ч., которые, как говорилось выше, вообще не могут быть включены в парадигму императива, поскольку в них нет грамматического категориального значения императива – не выражено непосредственное обращение к адресату в процессе коммуникации с целью побудить его к совершению действия. В формах остальных лиц и чисел (2 л. и 1 л. мн.ч.) с *давай/давайте* категориальное значение императива в той или иной степени перекрецивается с оттенками собственного лексического значения глагола *давать*, из которого произошла эта частица. Конечно, *давай/давайте* не сохраняет полностью значения глагола *давать*; как всякое служебное слово (даже если считать его не частицей, а глагольной формой), оно ослабляет, в значительной степени утрачивает свое исходное лексическое значение, но остаточные моменты значений ‘представления’, ‘позволения’ все же ощущаются. (Выше также указыва-

лось наличие дополнительного оттенка ‘призыва, просьбы дать возможность сделать что-либо, обращенных к тому, кому адресована речь’, в сочетаниях с *дай/дайте*). Эта отягощенность дополнительной семантикой глагольных сочетаний с *давай/давайте и дай/дайте* ярко ощущается при их сопоставлении с СФ императива, в которых нет ничего, кроме грамматического императивного значения. Так что, глагольные словосочетания с частицами *давай/давайте и дай/дайте*, как представляется, хотя и находятся в своего рода контакте с СФ императива, все же не могут быть признаны грамматическими формами наклонения, т.е. не могут быть отнесены к аналитическим средствам морфологии. Это синтаксические грамматические средства.

В русской разговорной речи и просторечии побуждение к совместному действию может выражаться сочетаниями междометия *ай да/ай дате* с инфинитивом или с формой 1 л. мн.ч. буд. вр. сов. в.: *Ай да гулять!, Ай да погуляем!*. Эти сочетания не являются регулярно образуемыми и часто употребляемыми, их семантические особенности (значение побуждения не к любому действию, а только к движению), отличающие их от СФ императива, очевидны. Поэтому вопрос о статусе АФ для этих словосочетаний не может и ставиться.

Стилистически окрашено как разговорное и просторечное также сочетание всегда безударной частицы *чтоб* с формой прош. вр.: *Чтоб я тебя здесь больше не видел! ; Чтоб были рабочие, а жалобы мне не нужны!*. Хотя эти словосочетания выражают категорическое требование-побуждение, по своему формальному строению они должны быть отнесены к сослагательному наклонению, а не к императиву.

В русском языке нет специальных АК, выражающих отрицательное императивное значение, т.е. запрет, предупреждение и пр. То же характерно для современных польского и чешского и отличает перечисленные языки от сербскохорватского, болгарского и македонского, о чем см. ниже.

В чешском языке имеются модальные побудительные частицы *at'* и *necht'*, которые образуют вместе с формами 3 л. ед. и мн.ч. наст.вр. глагола словосочетания, служащие для выражения приказания, побуждения и т.п. Например, *At' pňjde!* ‘Пусть он придет!’, *At' je to tedy tak!* ‘Пусть это будет так!’, *At' už nám koněcne naprší!* ‘Пусть в конце концов у нас пойдет дождь!’, *At' to odnesou!* ‘Пусть они это отнесут!’, *Necht' si dělá, co chce* ‘Пусть он делает, что хо-

чет', *Necht' jede zitra* 'Пусть он едет завтра', *Necht' přijdou!* 'Пусть придут!'. (Обороты типа русских *Да здравствует!*, *Да будет!* образуются с помощью частицы *at'*: *At' žije!*).

Как уже не раз говорилось, 3 л. исключается из парадигмы императива, так что в случае приведенных примеров нет оснований полагать, что перед нами словосочетания, функционирующие в качестве АФ императива. Но грамматисты отмечают сочетания упомянутых побудительных частиц также и с формами 2 л. ед. и мн.ч. наст. вр. Особенно часто подобные сочетания встречаются в разговорной эмоционально окрашенной речи: *At' se nezraníš!* 'Не поранься', *At' mi nechodiš na oči!* 'Уйди с глаз долой!', *At' tam přijdeš!* 'Приди туда!', *At' to nezapomene!* 'Не забудьте это!', *At' to teda víte, bylo to z oddělení C.* 'Ну так знайте же, это письмо было из отдела С.' и пр. Сильная эмоциональная окрашенность таких словосочетаний, выявляющаяся при сравнении с СФ императива, показывает, что в семантическом плане они не полностью включаются в грамматическую категорию наклонения.

Побудительно-оптативное значение может выражаться также сочетаниями с частицей *kéž*: *Kéž se objeví!* 'Появился бы он!'. Известно также употребление частиц *bodej*, *bodeji*', *bodejž* вместе с причастием на *-l*: *Bodej ti oči vystekly!* 'Чтоб у него глаза вытекли!'. Из примеров видно, что императивное значение здесь представлено не в чистом виде, оно осложнено разного рода оттенками желательности, гипотетичности, условности и пр., более характерными для сослагательного наклонения. Такие оттенки привносятся перечисленными модельно-побудительными и модально-волевыми частицами, употребляющимися при глагольной форме, но не объединяющимися с ней в АФ слова. Частицы сохраняют собственное лексическое значение, которое распространяется на все предложение в целом (см. Karlík 1980, 49–52; Широкова 1988). С формальной точки зрения (причастие на *-l*) эти сочетания также ближе к сослагательному наклонению.

Как уже упоминалось, в современном чешском языке нет АК, выражющих запрет производить действие. Однако в старочешском (XIV–XVI вв.) такая конструкция засвидетельствована, в нее входили глаголы *(ne)rodiť* и *(ne)chatiť* + инфинитив основного глагола. Из старочешского эта описательная форма запрета проникла в ста-

ропольский – там до конца XV века встречалось сочетание *niech-cie*j + инфинитив как богемизм (Orzechowska 1974).

В современном польском языке используется побудительная частица *niech* (происходящая от глагола *niechać* ‘оставлять, позволять’), которая образует глагольные словосочетания преимущественно с формами 3 л. ед. и мн. ч. наст. или простого буд. вр.: *Niech wejdzie* ‘Пусть войдет’, *Niech odniesie walizki* ‘Пусть отнесет чемоданы’, *Niech biorą* ‘Пусть берут’, *Niech oni tu nie przychodzą* ‘Пусть они сюда не приходят’. Эта же частица соответствует рус. да в приветственных восклицательных оборотах типа Да здравствует! – *Niech żyje!*. Известна также архаическая форма этой побудительной частицы – *niechaj*, например, *Niechaj mle Zośka o wiersze nie prosi* ‘Пускай С. не просит у меня стихов’, и сложные частицы, образованные от *niech* – *niechże* и *niechajże*, например, *Niechże pani przestanie gadać!* ‘Пани, перестаньте, пожалуйста, болтать!'; *Niechajże Piotr wróci jak najszybciej na wieś* ‘Пуская же П. возвратится как можно скорее в деревню’.

Сочетание частицы *niech* с формой 1 л. ед.ч. употребляется очень редко и имеет дополнительный экспрессивный оттенок значения ‘стремление к чему-либо’. Так что предложение *Niech ja wreszcie odroczeń, niech ja wezmę jaką książkę do ręki i wreszcie co przeczytam* следует, очевидно, перевести как ‘Я хочу, наконец, отдохнуть, взять какую-нибудь книгу в руки и что-нибудь прочитать’. В экспрессивных фразеологизмах эта форма часто сопровождается отрицанием: *Niech cię nie znam!* ‘Чтоб мне тебя не знать!’.

Некоторые авторы считают такие словосочетания АФ императива. Повторю, что поскольку я не включаю формы 3 л. и 1 л. ед.ч. в парадигму императива, не вижу оснований усматривать здесь подобные АФ. Кроме того, против отнесения приведенных словосочетаний с частицей *niech* к АФ говорит и факт наличия в них дополнительных значений (как эмоционального желания – в случае 1 л. ед.ч., так и остаточного лексического значения ‘позволения’, ‘оставления в покое’, характерного для глагола *niechać*). В этом значении данный глагол и в настоящее время употребляется в польских говорах, например, *Niechaj tego psa!* ‘Оставь в покое эту собаку!’ (Ср. Bąk 1978, 321).

Яркой особенностью польского языка является замена лиц в словосочетаниях с частицею *niech*. Там, где в русском языке (и в других славянских) используется форма 2 л. мн.ч., в польском употребляется 3 л. мн. ч. со словом *pan* (*pani*, иногда – *ojciec*, *tata*) или 3 л. мн.ч. со словом *państwo* в роли подлежащего: *Niech pan usiądzie* ‘Садитесь’, *Niech pan chwile poczeka* ‘Подождите минуту’, *Niech państwo usiąda* ‘Садитесь’. При вежливом обращении в разговорной речи добавляется слово *proszę*: *Proszę, niech pan jedzie przedzej* ‘Пожалуйста, поезжайте быстрее’. Если называется адресат, то добавляется звательная форма: *Panie konduktorze, niech pan zatrzyma autobus* ‘Кондуктор, остановите автобус’. Подчеркнуто вежлива, но устаревшая формула приказа или просьбы включает глагол *raczyć* ‘согласоволить, соизволить’ + инфинитив основного глагола: *Niech pan raczy przyjść za tydzień* ‘Будьте любезны прийти через неделю’. В фамильярном стиле возможна контаминация синтетического императива с обращением в роли подлежащего: *Panie, pośpiesz się pan – powiedziać jakiś mążczyzna* ‘Поторопитесь-ка – сказал ему какой-то мужчина’.

Исследователи отмечают частицы *po* и *ż(e)*, усиливающие значение побуждения в императивных высказываниях (нередко при СФ императива): *Usiądź po trochę dalej!* ‘Ну-ка сядь немножко дальше!’, *Marcinek! Przywitajże się!* ‘Мартинек! Поздоровайся же!».

Побудительные значения, близкие к императивному, выражаются в польском языке также рядом других частиц. Это *bodać*, *bodajże* (= *bodać* + *że*), *były*. *Bodać*, *bodajże* употребляются одновременно с формой прош. вр. на *-ł*, *były* – с формой прош. вр. или с инфинитивом (при этом личные окончания глагола присоединяются к частице): *Bodać go cholera wzięła!* ‘Чтоб его черт побрал!’, *Bodajże kark skreśl!* ‘Чтоб ты свернул себе шею!’, *Bodać go diabli wzięli!* ‘Чтоб его черти побрали!’, *Byłyś wrócił przed zamknięciem bramy*: ‘Лишь бы ты вернулся до закрытия ворот!’, *Byłyśmy dożyli jego samodzielności!* ‘Лишь бы нам дожить до его самостоятельности!’, *Były dojechać do skrzyżowania!* ‘Лишь бы доехать до перекрестка!’ и т.п.

Не углубляясь в подробный анализ семантики этих частиц, замечу, что они передают не только побудительное значение, но и значение возможности, пожелания, цели, условия, характерные скорее для сослагательного наклонения. Строение подобных словосочетаний также сближает их с сослагательным наклонением. Так что, и

по семантическим и по формальным причинам глагольные сочетания с перечисленными частицами не могут быть отнесены к АФ императива. Их роль не формообразующая, а смыслоразличительная. Однако М. Гроховский называет их, наряду с частицей *niech*, операторами наклонения (Grochowski 1986, 49–50. Ср. также Rieger 1957).

В серболужицких языках также имеются побудительные сочетания с частицей *pjech*. Большинство грамматистов указывают на существование таких сочетаний только с 3 л. глагола в единственном, множественном и двойственном числах: 3 л. ед.ч. *pjech zaspěwa*, 3 л. мн. ч. *pjech zaspěwaſa*, 3 л. дв.ч. *pjech zaspěwataj* (Suster-Šewc 1968; Ермакова 1973; Gramatik 1980). При этом Шустер-Шевц считает все эти сочетания АК, а не АФ слова. М.И. Ермакова же называет их АФ императива. С последним не могу согласиться хотя бы потому, что исключаю 3 лицо из императивной парадигмы.

В сербскохорватском языке основными побудительными частицами, используемыми в словосочетаниях, которые функционируют параллельно с синтетическим императивом, являются *да* и *нека*. Они употребляются с формами наст. вр. Частица *да* сочетается преимущественно с 1 л. мн. и ед.ч. (но также и со 2 л. ед. и мн.ч.): *Да идем!* ‘Пойдем!’, *Да радимо да их помиримо* ‘Давайте помирим их’, *Да не закасниш!* ‘Не опоздай!’, *Да си жив и здрав!* ‘Будь здоров!’. Исследователи отмечают, что в случае глагольной формы 1 л. ед.ч. сочетание с частицей *да* выражает значение, не совпадающее полностью с императивным – имеется оттенок значения желания, стремления. Императивный нюанс усиливается, когда такое сочетание употребляется рядом с СФ императива, как бы под влиянием последней: *Идите ви, а ја да останем* ‘Вы идите, а я пускай останусь’ (Стевановић 1974, 704). Более определенно значение приказания выражается сочетанием частицы *нека* с 3 л. ед. и мн.ч.: *Нека буде борба непрестана* ‘Пусть борьба будет непрестанной’, *Нека бежи из ње куд било* ‘Пусть бежит из нее куда угодно’, *Нека ми врати ону книгу, што сам му дао* ‘Пусть вернет мне книгу, которую я ему дал’, *Нека се испуни наша жела* ‘Пусть исполнится наше желание!’, *Нека добју они други!* *Нека добју...* ‘Пусть придут те другие’. Интересно, что восклицательная формула типа рус. *Да здравствует!* выражается и словосочетанием с частицей *нека* и СФ глагола: *Нека живи!* и *Живео!*.

Отрицательное императивное значение может выражаться сочетаниями частицы *немој* (для 2 л. ед.ч.)/*немојте* (для 2 л. мн.ч.)/*немојмо* (для 1 л. мн.ч.) и инфинитива или инфинитивной конструкции с частицей *да*: *Немојте се пренемогати, немојте плакати* ‘Не надо падать духом, не надо плакать’; *Бежи, немој да се срамиш пред том Швабом* ‘Беги, не надо позориться перед этим швабом’⁹. Известно, что отрицательная форма императива выражает в первую очередь запрет производить действие. Данная же составная конструкция с отрицанием передает запрет, смягченный по сравнению с СФ отрицательного императива. В рассматриваемых конструкциях довольно отчетливо ощущается наличие у частицы *немој/немојте/немојмо* дополнительных к категориальному императивному значению оттенков увещевания. Кроме того данная частица может употребляться самостоятельно, без основного глагола, что подтверждает сохранение у нее собственного лексического значения глагола *можи*, из которого она произошла: *Немој, брате, бар док се не врати!* ‘Не надо (= “не можи”), брат, по крайней мере пока он не вернулся!’

(Б. Ђопић). Заметим, что, хотя в сербскохорватском языке сохраняется полнозначный глагол, из которого произошла эта частица, между ним и частицей в современном языке развились фонетические различия – в частице наблюдается фонетическое упрощение: *не мози* – *немој*.

В сербскохорватском языке употребляется также побудительная частица *хајде/хајдете/хајдемо*, заимствованная из турецкого. Исходно она значила побуждение к движению, затем, – к любому действию: *Хајде, изиђи овамо* ‘Айда, иди сюда’, *Хајде, кажи матери, па ми дођи сутра* ‘Давай скажи матери ...’; *Хајде, погодите на шта мислим* ‘Ну-ка отгадайте, о чем думаю’. Как видно из примеров, данная частица употребляется одновременно с СФ императива, лишь усиливая ее значение. Она может также играть роль усилителя частицы *да*: *Хајде, брате, да се расстанемо* ‘Давайте, братья, расстанемся’. Следовательно, частицу *хајде* нельзя рассматривать как образующую АФ императива, она не образует даже и АК, поскольку является лишь дополнительным усилительным средством для простой формы императива или императивной конструкции с частицей *да*.

В фамильярном и вульгарном стиле для выражения побуждения к действию используется еще частица *де* или редко — удвоенная *деде*.

Итак, подобно тому, что наблюдается в других славянских языках, в сербскохорватском словосочетания с рассматриваемыми частицами не могут быть включены в число АФ императива потому, что у них есть оттенки значения, отличающиеся от грамматического императивного, и потому, что в их состав входят сочетания с глагольными формами 1 л. ед.ч. и 3 л. ед. и мн.ч., которые не относятся к парадигме императива. При этом надо заметить, что в современном сербскохорватском языке сочетания с частицами *да* и *нека* вполне живые и очень частотные. Это свободные синтаксические средства выражения значения побудительности.

В болгарском языке положение с так наз. АФ императива несколько иное. Первое, что обращает на себя внимание, это особое соотношение этих форм с СФ императива в силу отсутствия синтетического императива для 1 л. мн.ч. Составные конструкции употребляемые со значением 1 л. мн.ч., замещают недостающие СФ и имеют поэтому известное основание считаться грамматическими формами императива. Речь идет о сочетаниях частиц *да* и *нека* с наст.вр. 1 л. мн.ч.: *Да тръгнем!*, *Нека тръгнем!* или *Нека да тръгнем!* ‘Отправимся!'; *Да влезем в къща, татко!* ‘Войдем в дом!'; *Езэрдо да вървим* ‘Быстро пойдем'; *Да си събираме ума в главата* ‘Возьмемся за ум'.

Подавляющее число грамматистов считает, что в болгарском языке для всех лиц и чисел возможны АФ императива с частицами *да* и *нека* (Андрейчин 1949, 231–234; Попов 1976а, 383; Граматика 1983, 367–369; Кузаров 1985, 107; Orzechowska 1977, 91–98): *Да мълча!* ‘Пусть я буду молчать!'; *Нека му дам книга* ‘Пусть дам ему книгу'; *Нека отида с уруците в тяхното село* ‘Пусть уйду я с юруками ...' – 1 л. ед.ч.; ... *ти да посееш на гроба ми един слънчоглед* ‘посади на моей могиле подсолнух'; *Да си жива, Райно!* ... *да ти станеш царица* ‘Будь здорова Р.! ... пусть ты становишься царицей'; *Марине, да пригответши две каруци* ‘М., приготовь две телеги'; *Да си вървиш – извика той* ‘Уходи ...'; *Но нека ти спомен да имаш од мене* ‘Но пусть у тебя будет вос-

поминание обо мне³ – 2 л. ед.ч.; *Проклет да е!* *Проклета да е душата му!* ‘Будь он проклят! Будь проклята его душа!'; *Да тръгне в дългата бразда* ‘Пусть отправляется ...'; *Всеки да бъде поставен на мястото си* ‘Пусть каждый будет поставлен на свое место'; *Нека те изпъди!* ‘Пусть тебя прогонят!'; *Нека да стане голям огънят!* ‘Пусть огонь будет большим!'; *Тази славна дума нека екне кат камбанен звон* ‘Пусть прозвучит это славное слово как колокольный звон' – 3 л. ед.ч. (Сюда же относится формула *Да здравствует!*: *Да живее Първи май!*); *Да сте живи и здрави!* ‘Будьте живы и здоровы!'; *Да мълчите!*; *Нека мълчите!*; *Нека да мълчите!* ‘Молчите!' – 2 л. мн.ч.; *Св. Кирил и Методий да ти помогнат* ‘Да помогут тебе...'; *Да гледат само да издържат* ‘Пусть смотрят, только чтобы выдержать' (ср. рус. *Смотрите выдержите!*); *Да мълчат!*; *Нека мълчат!*; *Нека да мълчат!* ‘Пусть молчат!' – 3 мн. ч.

Некоторые лингвисты, например Ив. Куцаров (Куцаров 1985, 107), убеждены в абсолютной регулярности образования АФ императива во всех лицах и числах, и в активном и в пассивном залогах, и в формах категории пересказывания. Так, он приводит, кроме активных непересказывательных форм, следующий набор пасивных непересказывательных:

1 л. ед.ч. *нека(да) бъда писан*, 1 л. мн.ч. *нека (да) бъдем писани*,
 2 л. ед.ч. *нека(да) бъдеш писан*, 2 л. мн.ч. *нека (да) бъдете писани*,
 3 л. ед.ч. *нека (да) бъде писан*, 3 л. мн.ч. *нека (да) бъдат писани*.

Им перечислены также все активные и пассивные пересказывательные соответствия аналитического императива:

актив

1 л. ед.ч. <i>нека (да) съм пишел</i> ,	1 л. мн.ч. <i>нека(да) сме пищели</i>
2 л. ед.ч. <i>нека (да) си пишел</i> ,	2 л. мн.ч. <i>нека (да) сте пищели</i> ,
3 л. ед.ч. <i>нека (да) пишел</i> ,	3 л. мн.ч. <i>нека (да) пищели</i> .

пассив

1 л. ед.ч. <i>нека(да) съм бъдел писан</i> ,	1 л. мн.ч. <i>нека(да) сме бъдели писани</i> ,
2 л. ед.ч. <i>нека (да) си бъдел писан</i> ,	2 л. мн.ч. <i>нека (да) сте бъдели писани</i> ,
3 л. мн.ч. <i>нека (да) бъдел писан</i> ,	3 л. мн.ч. <i>нека (да) бъдели писани</i> .

Воспроизведенная схема возможных, по мнению Ив. Кутарова, императивных сочетаний с частицами *да* и *нека*, относящихся к пересказывательным, сообщающим о действии с чужих слов или воспроизводящим чужие слова, может быть проиллюстрирована примерами из реальных болгарских текстов: *Да си ме пуснел, ти казвам* (А. Страшимиров) ‘Отпустил бы ты мены, говорю тебе’; *Да не си ступила на прага ми вече!* (Ив. Вазов) ‘Чтоб ты больше не ступала на мой порог! ’; *Готови се за утре, Ама да не си обадил никому* (Елин Пелин) ‘Готовься на завтра. Но смотри, никому не проговорись’; *Да лежал на сянка и много-много да не жърдал, да си живеел в отделна стая* (Г. Караславов) ‘Лежал бы он в тени и не шевелился бы ...’; *Виж го ти него – какво да правел в Пловдив?* (Г. Караславов) ‘Смотри на него, что ему делать в П.?’ (т.е. ‘Как это он задает вопрос, что делать в П.’); *Нека научел наякъ европейски език, нека станел културен и образован* (Ем. Станев) ‘Пусть бы он выучил какой-нибудь европейский язык, пусть стал бы культурным и образованным’; ... *нека бъдел трижды проклет, нека пукнел дано* (Елин Пелин) ‘... чтобы он был трижды проклят, чтобы он сдох’. (В этом примере воспроизведены чужие слова и, кроме того, употреблена усилительно-побудительная частица *дано*).

В императивных конструкциях встречаются также, хотя и очень редко, случаи так наз. усиленного пересказа типа

- 1 л. ед.ч. *да съм бил пишел*,
- 2 л. ед.ч. *да си бил пишел*,
- 3 л. ед.ч. *да бил пишел* и т.д.

Например, *Да били биели барабана!* – *басово рече той и засмя* (Ем. Станев) ‘Дескать, пусть они бьют в барабан! ’; *В последно време излезе една нова мода, чуждите думи и имена да сме ги били пищели тъй, както се били уж изговаряли* (А. Константинов) ‘В последнее время появилась новая мода, чтобы иностранные слова и имена мы писали так, как они якобы произносятся’. Частица *нека* в таких конструкциях не засвидетельствована.

Как видно из приведенного материала, пересказывательные соответствия императивных сочетаний – это конструкции с побудительными частицами + пересказывательные формы глагола всех лиц и чисел. Кроме общеоптативного значения и эмоциональ-

ного запрещения производить действие, данные конструкции могут передавать и некоторые другие значения, например, долженствование в прошлом, оставшееся нереализованным (*Като си имал, да си и вардил* ‘Если они у тебя были, ты должен был их беречь’) и пр.⁴

Ю.С. Маслов не признавал в болгарском языке АФ императива (кроме отрицательных, включающих частицу *недей/недейте*, о чём будет сказано ниже). Он писал о конъюнктивных конструкциях с *да* + наст. вр., *да* + перфект и *да* + пересказывательные формы (Маслов 1981, 285–288).

В болгарском языке существует также некоторая императивная синтаксическая модель, отличающая его от западнославянских, – беспаузовое следование двух СФ императива, из которых первая представлена глаголом движения (*ела – елате, иди – идете, отиди – отидете, дойди – дойдете, влез – влезете* и пр.), а вторая – любым глаголом любого вида: *иди виж, иди мъкни слама, иди си вземи*. В чешском и польском языках в подобных императивных конструкциях вторая форма бывает представлена инфинитивом: чеш. *jdi/pojd' mi to udeľat, jdi/pojd' se pobavit*; пол. *chodź to zrobić, chłdz mi powiedzieć, idź się powiesić*. В болгарском языке в позиции второго императива может стоять *да*-конструкция: *ела да ми го кажеш, иди да му го направиш, ела/иди да се повеселиши*. Для сербскохорватского языка в таком случае характерна только *да*-конструкция: *dođi/иди да се послужиш/да му се извиниш/да се повеселиши*; очень редко в разговорном стиле встречается сочетание двух СФ императива: *Иди ми зови кмета* (Иванчев 1978, 91–92). Заметим, что в русском языке также возможно сочетание из двух синтетических императивов (*иди зови, иди надень, беги догоняй, беги скажи*), причем в ней участвуют глаголы и сов. и несов. видов. Глаголы типа *ходить, ездить, носить* в сочетании с инфинитивом глаголов несов. вида (*ходите обедать, ездите кататься*) чаще всего передают повторяющееся действие, и конструкция выражает значение просьбы, совета, приглашения (Употребление глаголов движения 1967, 91).

Болгарская конструкция, составленная двумя СФ императива, в том числе ее разновидность с союзами *че* и *та*, довольно часто описывалась в лингвистической литературе и нередко свя-

зывалась с проблемой транспозиции императива – употребления императива не в его категориальном грамматическом значении (Попов 1968; Иванова, Лашкова 1978, 181–195; Ницолова 1974; Попова, Ницолова 1978, 53–69). Транспозиция наклонения – это особое явление, которое не всегда сопрягается с вопросом о синтаксических способах выражения наклонений. Во всех славянских языках известно употребление синтетического императива в сложных предложениях вместо форм сослагательного наклонения или изъявительного наклонения в сочетании с условными или уступительными союзами. Такой вид транспозиции особенно характерен для восточнославянских языков:ср. рус. *Случись тут волку быть, овца пропала бы; А попроси он в займы, она станет плакать.* В болгарском языке транспозиция такого рода обычна для народно-разговорной речи, фольклора и стилизаций в художественной литературе. Чаще всего императивная форма в таком случае употребляется в составе бессоюзного сложного предложения или сложного предложения с союзами *и*, *пък*, *ама* и др. Например, *Сечи, коли – кръв не пуща* ‘Хоть секи, хоть коли – кровь не польется’. Что касается сочетаний, образованных повелительными формами, то они могут выражать не побуждение к действию, а убежденность говорящего в невозможности совершения действия: *Иди го накарай, ти го знаеш, каква е глупава* ‘Попробуй заставить его, знаешь, как она глупа’; *При такава богата и съблазнителна обява, иди та устой на увлечението* ‘При такой богатой и соблазняющей рекламе попробуй устоять перед соблазном’; *Иди че л разбери!* ‘Поди пойми ее!’ – говорящий считает действия, названные вторыми глаголами, невозможными. Появление такого дополнительного значения у императива характерно в первую очередь для болгарского языка и отличает его от других славянских. К. Попов называет подобный транспонированный императив повествовательным. Он считает, что модальное значение императива здесь ослаблено и преобразовано, а 2 лицо глагола обобщено до такой степени, что естественно позволяет использовать эту форму в повествовании вместо изъявительного наклонения, причем такая повествовательность повышает экспрессивную силу речи. Это оригинальное грамматическое и стилистическое явление болгарского языка (Попов 1968).

В других славянских языках также встречаются случаи сходной транспозиции, однако там они сравнительно редки:ср.с.-х.
Причай ми ти сад да не постоја фаталност ‘Вот и рассказывай мне теперь, что не существует фатальности’; *пол I teraz rób co chcesz!* (= *Nie ma rachunku*) ‘Делай, что хочешь’ = ‘Ничего не поделаешь’. Приведенный польский пример, выражая значение невозможности осуществления действия, является однако фактически лексикализованным оборотом, а не синтаксически свободным употреблением формы императива.

Представляется очевидным, что рассмотренные сочетания из двух императивных форм разных глаголов никак не могут претендовать на статус АФ императива. Во всех славянских языках это устойчивые сочетания слов с различными модальными значениями. Устойчивость подобных сочетаний определяется тем, что первый компонент представлен лексически ограниченным кругом глаголов (чаще всего – глаголами движения и некоторыми глаголами речи, например, *бол,кажа*, выраждающими активное отношение к действию: *Кажа сега че не существуета фаталност!* = ‘Считаю, что этого сказать невозможно’. Ср. рус. *Скажи(те), какой молодец!*).

Как уже говорилось, при отрицании к СФ императива добавляется частица *не*: *не чети, не четете*. В болгарском языке существует также аналитическое образование, состоящее из повелительной формы вспомогательного глагола *недей/недейте* (букв. ‘не делай/не делайте’) и “инфinitивной” формы (“сокращенного инфинитива”) основного глагола: *недей ходи, недей игра – недейте ходи, недейте игра* и пр., так же как и синтетический императив с отрицанием выраждающее значение запрета. Эти сочетания вполне употребительны, они используются не реже, чем простые формы с *не*. Например, *Недей расправя, страх ме е от тебе* ‘Не рассказывай, я тебя боюсь’; *Чувай, недейте убива, синко!* ‘Слушай, не убивайте, сынок!’. В разговорном языке инфинитив в их составе часто заменяется на *да + личн. форма наст. вр.*: *недей да пишеш, недейте да пишете*. Некоторые исследователи считают, что в современном болгарском языке словосочетания с *недей/недейте*, особенно в варианте, включающем *да*, стали более употребительны, чем простая отрицательная форма. Ряд *не пиши – недей писа – недей да пишеш*

приводится как иллюстрация развития аналитизма в болгарском языке (Orzechowska 1977 со ссылкой на Генадиева—Мутафчиева 1970). Однако полного равенства между отрицательной СФ императива и описательной конструкцией все утверждать нельзя, так как последняя выражает смягченную, более вежливую форму запрета. Это скорее совет, увещевание (Станкевич 1974; Orzechowska 1974).

В произведениях фольклора иногда вместо *недей* + "инфинитив" встречается в том же значении *немой* (диалектная форма императива от *не мога* 'не мочь') + "инфинитив". О вариантах составной формы отрицательного императива в болгарских говорах писал Ст. Стойков, отмечая сочетания со вспомогательными глаголами *нембй*, *н'блай*, *ми* и *некбй*. В территориальных говорах встречаются также различные фонетические варианты *недей*: *нед'бй*, *недей*, *нидбй*, *нид'бй*, *недб*, *н'д'бй* и др. Форма *немой/немойте* — вторая по распространенности. Она встречается главным образом в юго-западных и отчасти в юго-восточных говорах. Наблюдаются ее фонетические разновидности *нимой*, *намой*, *нъмой*, *нимъй*, *немо*, *нимо*, *намо*, *нъмо*, *нем* и др. Форма *н'блай/н'блайте* происходит из отрицательного императива от глагола *ДБЛАТИ*. Ее распространение достаточно ограничено — она зафиксирована в некоторых селах юго-восточной Болгарии. Разновидностью *н'блай* является форма *нълъй*. Форма *ми/мите* встречается только на крайнем юго-западе и в тракийских говорах. Это заимствование из греческого, представляющее собой отрицательную частицу *μη*, которая в болгарском языке превратилась во вспомогательный глагол и требует после себя инфинитива: *ми плака*, *мите ходи*. В некоторых селах отмечен вариант *мъца*. Распространенность формы *некбй/некбайте* наиболее ограничена. Она встречается в ряде сел на крайнем северо-западе Болгарии. Ее происхождение не ясно, вероятнее всего она возникла из отрицательной СФ императива глагола *кажа*: *не кажи* > *некби* > *некбай*. Встречается ее разновидность *нъкбай*. В разных говорах возможны также варианты формы основного глагола. Это или так наз. сокращенный инфинитив (*немой плака*), или полный инфинитив (*немой плакати*), или СФ императива (*немой слушай*, *немой плачи*), или да + 2 л. наст. вр. (*немой да идеш*) (Стойков 1968, 162–163).

В болгарском языке существуют также сочетания, выражающие требование прекратить или не возобновлять действие, представленные частицей *стига* (происходящей из глагола *стигам* ‘быть достаточным, достигать’) и личной формы перфекта несов. в. или аориста несов. в. знаменательного глагола: *стига си писал* или *стига писа* (2 л. ед.ч.), *стига сте писали* или *стига писахте* (2 л. мн.ч.). Такие конструкции возможны и с формами других лиц знаменательного глагола. Все эти словосочетания являются просторечно-фамильярными: *Слушай, Ибрям, стига си лежал, стига си спал* ‘Слушай, И., хватит тебе лежать, хватит спать’; *Стига си подсмърчала!* ‘Хватит тебе хныкать!’⁵.

Представляется необходимым обратить внимание на тот факт, что в болгарских императивных сочетаниях с частицей *стига* последняя в довольно сильной мере сохраняет свое собственное лексическое значение ‘достаточно, хватит’; в ней ощущается семантическая связь с исходным глаголом *стигам*. Поэтому невозможно согласиться с Ю.С. Масловым, который относил сочетания со *стига* к “аналитическим отрицательным формам повелительного наклонения” (Маслов 1981, 241). Такое утверждение не убедительно еще и потому, что императивным сочетаниям с более десемантизованными частицами *да* и *нека* Ю.С. Маслов отказывал в статусе АФ императива.

Как уже упоминалось, считается, что императивное отрицание, выраженное синтетически, возможно в болгарском языке только от глаголов несов. в. Единственным исключением, непременно упоминаемым во всех грамматиках, является восклицательное выражение *Не дай боже!*. Однако в разговорной речи существуют и другие исключения, обычно они связаны с транспозицией императива. Например, отрицательный императив от глагола сов.в. может появляться в составном сказуемом, образованном двумя СФ императива, соединенными союзами *че* и *та*, о которых также упоминалось: *Като чо видиш как се мъчи, иди че не му помогни!* ‘Когда видишь, как он мучается, попробуй не помочь ему!’. *Хоти* и *редко*, но такая конструкция проникает в художественную литературу: *Иди че не познай кой е и откъде е!* (А. Константинов) ‘Попробуй не узнай, кто он и откуда!’. В этой конструкции наблюдается изменение значения императивной формы – отрицательный императив выражает не

запрет, а убеждение в обязательности, естественности реализации действия. Отрицание имеет здесь риторический характер, иначе говоря, здесь нет не только прохабитивной, но и вообще императивной семантики (Иванова 1963). То же можно сказать об отрицательной конструкции с частицей *да*. Она выражает удивление говорящего, что действие, которое должно было совершиться еще в прошлом, до сих пор не совершилось: *И с тази глава да не станеш досега министър! – удива се Дочо оглу* ‘И с такой головой ты до сих пор не стал министром!’ (Попова, Ницолова 1978, 53–69). Это ситуации транспозиции императива. Болгарский отрицательный транспонированный императив характерен для разговорной речи, он часто обнаруживается в восклицательных предложениях. Впрочем, такая стилистическая принадлежность транспонированного императива известна во всем славянском мире (Попова, Ницолова 1978).

Заметим, что в сербскохорватском языке сов. вид глагола допускается и в синтетической императивной форме и в составной прохабитивной конструкции: *немој написати, немој да напишеш*. Относительные возможности сов. вида в соответствующей конструкции македонского языка в лингвистической литературе нет точного ответа. Однако несмотря на принципиальную допустимость употребления сов. вида в отрицательных императивных формах южнославянских языков, тенденция развития этих языков – устранение сов. вида из сферы императива с отрицанием. Данное утверждение не относится к словенскому языку, который в этом отношении ближе к остальным славянским. М. Ивич, предложившая делить славянские языки на две группы по признаку употребления/неупотребления сов. вида в прохабитиве для случаев, отнесенных в будущее, считает, что этот признак соответствует признаку употребления/неупотребления форм наст. вр. сов. в. в значении будущего. Южнославянские языки, кроме словенского, которые не знают такого употребления наст. вр. сов.в., не имеют и значения предостережения, обозначенного отрицательной формой императива сов.в. (Ивић 1958; 1960. Ср. Георгиев 1934, 1–88; Зеңчук 1971).

Уже неоднократно говорилось, что, не включая 1 л. ед.ч. и 3 л. ед. и мн.ч. в парадигму императива, невозможно признать со-

чтания каких бы то ни было частиц с глагольными формами этих лиц и чисел грамматическими АФ императива. Такие сочетания отношу к так наз. АК, употребляемым для передачи различных оттенков модального побудительного значения. Что касается сочетаний с глагольными формами 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч., то, как было сказано выше, конструкции с частицей *стига* исключаются по семантическим соображениям, конструкции же с частицами *да*, *нека*, *недей/недейте* в болгарском языке представляются находящимися ближе к АФ императива, чем конструкции с модальными частицами в других славянских языках. Это можно утверждать, во-первых, из-за отсутствия в болгарском языке СФ императива 1 л. мн.ч. – словосочетание *да (нека) + 1 л. мн.ч.* наст. вр. занимает его место; во-вторых, из-за очень большой частотности употребления императивных сочетаний с частицами, которая поддерживает грамматический характер аналитизма этих сочетаний (ср. отступление СФ типа *не пиши* перед натиском сочетаний типа *недей писа*, *недей да пишеш* (Orzechowska 1977; Генадиева-Мутафчиева 1970)); в-третьих, из-за того, что собственное лексическое значение частиц *да*, *нека*, *недей/недейте* в значительной степени стерлось – они в большей мере, чем другие частицы, функционирующие в императивной сфере, приблизились к положению слов, в которых лексическим значением служит их грамматическое значение, т.е. к чисту служебных слов. В качестве формального признака отнесения *недей* к служебным, а не полнозначным словам может быть приведен тот факт, что *недей* уже порвала связь с соответствующим глаголом – такой глагол самостоятельно не встречается.

Таким образом, повторю, в болгарском языке обнаруживаются сочетания частиц *да*, *нека* с глагольными формами 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. и частицы *недей/недейте* с "инфinitивными" формами, которые представляются, так сказать, наиболее вероятными кандидатами на положение не АК с модальным побудительным значением, а грамматических АФ императива.

Кроме рассмотренных частиц, в болгарском языке имеется целый ряд других модальных побудительных частиц, служащих для выражения желания, побуждения к действию, просьбы. Обыкновенно они употребляются при глаголе в СФ императива или при

глаголе, входящем в императивное словосочетание, функционируя в качестве средств усиления императивной семантики. Это частицы *а*, *дано*, *де* (или одновременно частица *де* и союз *че*), *я*, *ха*, *хай*, *хайде*. Примеры: *А махай се оттука!* ‘Ну-ка, убирайся отсюда!'; *Дано ти оздравее дъщерята* ‘Пусть выздоровеет твоя дочь'; *Дано да не идва проклетият турчин!* ‘Да не придет проклятый турок!'; *Де не плачи, де не плачи – каза сухо Павел* ‘Не плачь же...'; *Де разскажи, де!* ‘Ну, расскажи же!'; *Че слушай де!* ‘Послушай же!'; *Я, почакай я!* ‘Ну, подожди же!'; *Ха вижте!* ‘Смотрите же!'; *Хай да вървим!* ‘Ну, пойдем же!'; *Хайде сега, синко, възседни магарето* ‘Давай, сынок, садись на осла'; *Хайде де, кажи ми ти, у кого са пушките по-добри* ‘Ну-ка скажи мне, у кого ружья лучше' – здесь употреблены одновременно две частицы для передачи усиленного побуждения. *Ха*, *хай*, *хайде* часто выступают как побудительные частицы и без глагола: *Къс брястовете, хайде към брястовете – съгласи се той* ‘Давайте к карагачам ...'; *Дядка, запей – наставаше Марко. – Ха, дядка!* – рече Гаврил. ‘Спой, дед! Ну, давай! '6.

Частицы *а*, *ха*, *хай*, *хайде* употребляются также для выражения поздравления, благословления, проклятия: *Хай много здраве!* ‘Будьте здоровы!'. Усилильную функцию может выполнять и частица *нека*, когда она используется в императивных словосочетаниях, образованных с помощью частицы *да*: *И нека в тях да засияй усмивката на първи май!* ‘Пусть в них засияет улыбка...'; *Нека и бог да ти прости* ‘Пусть же и бог тебе простит'.

Что касается частицы *да*, то, вероятно, следовало бы говорить о существовании по крайней мере двух омонимов *да*₁ и *да*₂. *Да*₁ – это частица, входящая в сочетания со 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. глагола и образующая АФ императива. *Да*₂ – это частица, участвующая в сочетаниях с остальными лицами и числами и образующая АК различного побудительного значения, а также некоторых других модальных значений, например, неуверенности, сомнения (*Да не е болен?* ‘Уж не болен ли он?'); эмоциональной констатации реально существующего факта, не соответствующего представлениям говорящего о том, что должно быть (*До къде стигнахме, братя селяни! Да няма капка вино в селото!* ‘До чего мы дошли, братья крестьяне! Чтобы не было ни капли вина в селе!') (см. Маллов 1981, 287).

В области императива македонский язык является картину, вполне сходную с болгарской. СФ императива возможны только для 2 л. ед. и мн.ч.: *падни* – *паднете*, *носи* – *носете*, *гледај* – *гледајте*, *пиј* – *пијте* и пр. Широко употребляются сочетания глаголов в наст. вр. с частицами *да* и *нека*, выражающие побуждение к действию: *Слатко да спиеш, слатко да сонуваш!* ‘Спи сладко, пусть тебе снятся приятные сны!'; *Барем ти да дојдеш!* ‘Приди хоть ты!'; *Здравје да имате!* ‘Будьте здоровы!'; *Да одиме на прошетка!* ‘Пойдем на прогулку!'; *Да ја испееме оваа песна!* ‘Споеем-ка эту песню!'; *Да пиеме: еднаш се живее!* ‘Выпьем, ведь живем только раз!'; *Да загинам!* ‘Пусть я погибну!'; *Да седнам!* ‘Пусть я сяду = Дайте мне сесть!'; *Волкот да го јаде!* ‘Пусть волк его съест!'; *Раката да ми се исуши!* ‘Пусть отсохнет у меня рука!'; *Нека ми е жив!* ‘Да здравствует!'; (Сильнее, чем формула *Да ми е жив!*); *Нека му е на здравје!* ‘На здоровье ему!'; *Краста нека и јаде!* ‘Пусть часотка ее заест!'; *Ако си почнала, нека си настави* ‘Раз она начала, пускай продолжает!'; *Нека не расипува сон на другите* ‘Пусть не мешает спать другим!'; *Нека јадат* ‘Пускай едят!'; *Нека идат, нека добра дојдат* ‘Пусть идут, пусть благополучно дойдут'.

Частица *нека* встречается преимущественно при формах 3 лица. Сочетания с частицей *да* очень часто употребляются в проклятиях, заклинаниях, клятвах: *Да му се невиди!* ‘Чтоб ему пусто было!'.

При СФ и АФ императива и в АК вместе с указанными частичками могут использоваться также усиливательные частицы *ајде*, *де*, *пак*: *Е, ајде кажи* ‘Ну, скажи же'; *Ајде да го плачеме!* ‘Оплачим же его!'; *Да не зборуваме пак за него!* ‘Не будем же о нем говорить!'. Частица *ајде* может употребляться и самостоятельно в значении побуждения к движению: *Ајде си!* ‘Иди домой!'.

Авторы грамматик македонского языка не считают конструкции с *да* и *нека* и наст. вр. грамматическими формами глагола, рассматривая их в качестве синтаксических модальных сочетаний слов. К подобным же сочетаниям относят обычно *да* + имперфект, выражающие значение смягченного приказа или усиленной просьбы: *Да ми дадеше малку пари* ‘Дай мне, если можешь, немного денег'; *Да ми го донесеше палтото* ‘Принеси мне, прошу тебя, паль-

то³. Этими же формами имперфекта с частицей *да* выражаются проклятия и пожелания добра: *Да дадеше Господ, од огон да не куртулисаш!* ‘Дай Господи, чтобы ты не спасся от огня!’. Заметим также, что частица *да* может выступать в сочетании с формой перфекта и с формой сослагательного наклонения, передавая значение усиленного желания: *Да сум ја слушнал!* ‘Хотя бы мне ее услышать!'; *Да би куршум те удрил!* ‘Чтоб в тебя попала пуля!’ (Конески 1954, 167; Усикова 1985, 102).

Синтетический отрицательный императив образуется с помощью частицы *не*: *кажи – не кажи, предете – не предете*. СФ отрицательного императива часто заменяются на АК с *немој/немојте + да* +наст.вр.: *немој да одиш, немој да одите, немојте да одите* ‘не ходи, не ходите’. Как уже упоминалось, в болгарском языке соответствующая прохигбитивная конструкция допускает только несов. в. глагола, а сербскохорватская – сов. и несов.; относительно возможности сов. в. в македонской прохигбитивной конструкции грамматические источники не дают точных указаний. Если вместо наст.вр. в этой АК употребляется прошедшая форма на *-л* (только сов.в), то выражаемое значение – строгая угроза, подчеркивающая необходимость избежать результат данного действия: *Немој да си писнал!* ‘И не пискни об этом!’.

Не вдаваясь в подробности, чтобы избежать повторения, заключу, что македонские императивные сочетания с частицами *да* и *нека*, так же как соответствующие болгарские, представляются находящимися ближе к АФ императива, чем подобные императивные сочетания в других славянских языках – по тем же причинам, о которых говорилось в болгарском разделе. Однако можно заметить некоторые отличия от болгарского языка. Это, например, употребление *нека* преимущественно при 3 лице основного глагола, возможность вхождения в прохигбитивную конструкцию прошедшей формы на *-л* и нек. др.

Какие общие выводы можно сделать после рассмотрения императивных глагольных словосочетаний с частицами в разных славянских языках?

1. Такие словосочетания весьма многочисленны и разнообразны (отмечается большое количество императивных частиц).

2. Значительная их часть довольно частотна, лишь некоторые изолированы.
3. В их состав входят глагольные формы всех лиц и чисел, в том числе 3 л. ед. и мн.ч. и 1 л. ед.ч., которые я, вслед за наиболее авторитетными грамматистами, не включаю в парадигму императива. Следовательно, хотя бы только по этой причине не могу признать такие словосочетания императивными АФ.
4. В большинстве глагольных словосочетаний с частицами, кроме категориального значения императива, отмечается разного рода дополнительная семантика, что связано с неполнотой грамматикализации частиц, с неполным их превращением в служебные слова. Степень сохранения лексического значения у разных частиц разная. Наиболее "пустыми", грамматикализованными представляются болгарские частицы *да*, *нека* и *недей/недейте*. В соответствии с разной степенью сохранения собственного лексического значения частиц среди глагольных императивных сочетаний с ними отмечается разная степень близости к грамматическим формам императива. Одни из словосочетаний представляют собой свободные синтаксические соединения слов, самостоятельно функционирующие в семантическом поле императивности, таковы, например, сочетания с частицами *айды*, *хайде*, *хајде*, *ајде* в русском, болгарском, сербскохорватском и македонском языках. Другие находятся ближе к СФ, более притянуты к парадигме императива, хотя и не превратились в соответствующие АФ, например, сочетания с *давай/давайте* и *пустъ/пускатъ* в русском языке. Третьи, например, болгарские и македонские *да* и *нека* с формами 1 л. мн.ч. и 2 л. ед. и мн.ч. наст. вр., а также болгарская *недей/недейте* с "инфinitивом", наиболее близки к положению АФ императива, располагаются в одном ряду с СФ, особенно благодаря отсутствию в этих языках СФ для 1 л. мн.ч. Здесь нужно заметить, что во всех остальных из рассматриваемых славянских языков существует полная парадигма СФ императива. В связи с этим императивные словосочетания с любыми частицами можно, вообще говоря, признать избыточными – они не конституируют парадигму императива, последняя сформирована и

и без них. Лишь в болгарском и македонском языках, как только что было сказано, для полноты императивной парадигмы можно предложить АФ на место 1 л. мн. ч.

Различение степеней грамматикализации, признание переходных случаев в АК отражает в современном состоянии языка динамику его развития. Об этом убедительно писал В.В. Виноградов: "Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульс, толчок к этим преобразованиям идет от синтаксиса. Синтаксис – организующий центр грамматики. Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечения, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими" (Виноградов 1947, 29).

Но если каждое сочетание слов следует описывать по месту, занимаемому им на шкале постепенных переходов, то встает вопрос, нужно ли задумываться над вопросом, в каких случаях словосочетание есть АФ слова, а в каких – нет? Представляется, что все-таки нужно. В первую очередь для построения описательных грамматик, ибо всякая описательная грамматика предполагает четкую сегментацию материала, где проблема разграничения языковых явлений имеет принципиальное значение, где нельзя уклониться от проведения границ, даже если они кажутся в некотором смысле условными. О небесполезности разграничения АФ слов и АК уже довольно давно совершенно справедливо писала Н.Д.Арутюнова 1965 (Арутюнова 1965).

Сослагательное наклонение

Итак, в императиве всех славянских языков приходится различать чисто морфологические формы (СФ) и синтаксические способы выражения, среди которых одни являются АФ этого наклоне-

ния, а другие – модальными конструкциями с разной степенью аналитичности, служащими для передачи побудительного, запретительного и проч. значений. В сослагательном же наклонении (СН) всех славянских языков синтаксические способы выражения явно преобладают, точнее – в большинстве этих языков СН выражается исключительно с помощью АФ. Рассмотрим положение АФ СН в разных славянских языках по отдельности.

В русском языке СН образуется сочетанием глагольной формы на *-л* (по происхождению – причастие прош.вр.), совпадающей с современной личной формой прош. вр. (ее вариантом может быть форма с нулевой флексией, например, *мої*), и неизменяемой частицы *бы* (или *б*), которая по происхождению представляет собой форму 2 л. ед.ч. аориста глагола *быти*. Тот факт, что сочетание частицы *бы(б)* с глагольной формой на *-л* является не свободным сочетанием слов, а АФ СН, ни у кого сомнения не вызывает. Давно установлено, что морфологическая форма глагола, входящая в это сочетание, не выражает значения прошедшего времени, а лексическое значение частицы *бы(б)* стало ее грамматическим значением; соединение же этих двух единиц порождает категориальное значение одного из косвенных наклонений – сослагательного. Рассматриваемое сочетание слов выступает как одно слово в форме СН и потому, что другие формы этой категории – изъявительное и повелительное наклонения – являются простыми, синтетическими. Этот параллелизм с СФ категории наклонения делает слово-сочетания типа *сказал бы* грамматической АФ СН.

Полный вариант частицы *бы* может употребляться во всех случаях, а редуцированный вариант *б* – после слов, оканчивающихся на гласную, ср. *Он бы не сказал, Она бы не сказала, Она б не сказала*. Частица *бы (б)*, входящая в состав АФ, остается всегда безударной. Она занимает разные позиции в предложении, но никогда не стоит на первом месте; обычно она ставится после первого ударного слова: *Он бы мне этого не сказал*. При этом, если частица стоит после глагола, то обычно следует непосредственно за ним (*Что ты ответил бы Колиной маме?*), если перед глаголом, то может быть отделена от него другими словами (*Глаза бы мои тебя не видели!; Едва ли бы старик нашел, что ответить ему; Так мы никогда бы этого не узнали*).

Тяготение частицы *бы*(*б*) по причине ее безударности к первому полноударному слову в предложении приводит к слиянию этой частицы с некоторыми союзами и частицами, например, чтобы (*чтоб*), если бы, будто бы, вроде бы, как бы, хотя (*хотъ*) бы, лишь бы, только бы, вот бы и др. При этом степень слияния союза или частицы с *бы* может быть разной – от такого соединения, которое в современном языке не членится (*абы, дабы, якобы* и др.), до образования составных союзов и частиц, каждый компонент которых одновременно существует и как отдельное слово (*если бы, будто бы, вроде бы, как бы, хотя бы, лишь бы, только бы, вот бы* и др.).

Сближение или даже слияние на письме частицы *бы* с указанными союзами и частицами не означает, что она перестает быть компонентом АФ СН. Дистантное положение компонентов этой формы не только допустимо, но и чрезвычайно распространено. В этой связи можно вспомнить термин "разрывная морфема", бытавший одно время в американской (и не только в американской) лингвистике: морф. -л(-/#) и морф. *бы*(*б*) составляют разрывную морфему СН независимо от их позиций в предложении. Так, и в *Глаза бы мои тебя не видели!* и в *Чтоб глаза мои тебя не видели!* содержится разрывная морфема, или АФ, -л(-/#) + бы(*б*)⁸.

Также как императив, СН не имеет форм времени. Но в отличие от императива, оно не имеет форм лица, обладая лишь в ед.ч. формами рода: муж. (*сказал бы*), жен. (*сказала бы*) и ср. (*сказали бы*). Формы СН противопоставляются также по числу: ед. (*сказал, -а, -о бы*) и мн. (*сказали бы*).

СН может употребляться в самостоятельных и в придаточных предложениях.

В самостоятельных предложениях форма СН выступает в своем общем категориальном значении – она эксплицитно выражает нереальность действия, не ограниченного только рамками 1-го и 2-го лиц (в отличие от императива, который также выражает действие нереальное, но ограниченное рамками 1-го и 2-го лиц (ср. таблицу на стр. 64)). Это общее грамматическое значение СН по-разному конкретизируется при разных синтаксических условиях в разных контекстах:

1. СН выражает гипотетическое (возможное, предполагаемое) действие: *Я бы пришел, но мне некогда; Вам бы он сказал правду; Этот человек был бы твоим другом; Хлеба было бы вдоволь.*

2. СН обозначает разные оттенки желания: *Ехал бы ты с нами!; Ты бы отдохнул!; Почитал бы ты нам стихи!; Отсох бы твой язык!; Да, пожалуй, я бы поел и ушел.* Такие желательные предложения могут иметь "желательную" интонацию, особенно если они вводятся междометием *о* и некоторыми союзами и частицами, например, *если бы, только бы, лишь бы, хотя бы, лучше бы* и пр.: *О если бы ты знал!; Лишь бы они ничего не узнал!; Мне только бы досталось в генералы (Грибоедов); Хоть бы дивизион наш был скорее готов; Сидишь тут, лучше бы обед приготовила.*

Смыловые различия между СН и императивом при выражении желания почти стираются. Чрезвычайно близкими или тождественными являются предложения типа *Поспал бы ты часок* и *Поспи часок* и пр.

3. Формы СН с частицей *чтоб* употребляются для выражения категорического побуждения: *Чтоб ты больше не приходил!; Чтоб я его больше не видел!; Чтоб были рабочие, а жалобы мне не нужны* (Платонов). Такие предложения с частицей *чтоб* характерны для разговорной речи и просторечия.

В сложноподчиненных предложениях СН может стоять либо и в придаточном и в главном, либо только в придаточном. СН употребляется одновременно и в придаточном условном и в главном предложении, выражающем следствие: *Если бы он выучил урок, он не получил бы плохой отметки.* В придаточном форма СН сохраняет свое общее грамматическое значение выраженной нереальности действия, обозначая разные типы гипотетических условий: *Учился бы сын, мать бы не огорчалась; Пришлось бы ехать, он бы поехал; Кричали бы, так мы услышали бы; Рассвело бы пораньше, мы бы давно были в пути; Был бы мороз, лед бы окреп; Я вряд ли стал бы писателем, если бы не ВГИК; Если бы я была ласточкой, то сейчас же полетела бы; Если бы вдруг загорелся наш дом, куда бы мы делись?* В придаточных предложениях здесь вполне нормален условный союз, притягивающий к себе частицу: *Если бы сын учился, мать бы не огорчалась.* Допустимо повторение частицы *бы* при *если* и при глаголе: *Если бы Нехлюдов тогда ясно осо-*

знал бы свою любовь к Катюше... (Л. Толстой). Кроме если, в придаточных предложениях употребляются союзы *кабы*, *коли бы*, *если бы*, *когда бы*. Последний союз в современном употреблении имеет оттенок книжности: *Когда бы имел я сто очей, То все бы сто на вас глядели* (Пушкин); остальные союзы приобрели разговорно-просторечную и иногда народно-поэтическую окраску: *Кабы я была царица, — Говорят одна девица ...* (Пушкин).

СН часто употребляется только в придаточном предложении, если последнее относится к числу дополнительных или целевых: *Я хочу, чтобы он это сделал; Скажите, господа, сделайте милость, чтобы Петр Иванович не мешал* (Гоголь); *Луи взял сына, покачал его, чтоб он не плакал; Чтобы волосы не падали на лицо, Никита повязал их веткой; Я слежу, как бы он не ушел раньше времени.*

Как видно из примеров, придаточные дополнительные и придаточные цели могут присоединяться с помощью союза *чтобы*, по происхождению представляющего собой сочетание обычного для дополнительных предложений союза *что* и частицы *бы*, оторвавшейся от глагольной формы СН и примкнувшей к союзу *что*. В качестве сказуемого при *чтобы* стоит мнимая форма прош. вр. (т.е. часть АФ СН), например, *Ему захотелось, чтобы хозяин воротился скорей.*

Есть мнение, что союзы, включающие в свой состав частицу *бы* (*чтобы, если бы, когда бы* и пр.), вступают во взаимодействие с глагольным сказуемым, образуя единый грамматической модальный комплекс "союз — частица — глагольная форма" (РГ I 1980, 720). Тогда глагольная форма отдельно от союза не рассматривается.

Как известно, частица *бы* может сочетаться не только с формой на *-л*, но и с инфинитивом: *Уйти бы отсюда!; Пленного бы взять!*. В ряде случаев АФ СН и инфинитивные конструкции по своему модальному значению настолько близки, что их можно признать почти синонимичными, ср. *Ты бы ушел и Уйти бы тебе*. Частица *бы* может стоять и в безглагольных предложениях: *Если бы не я, он бы погиб*. Безглагольными являются также желательные предложения типа *Чайку бы!; Денег бы побольше!; Нам бы хлебушка кусок, да водицы глоток*. Наконец, частица *бы* может сочетаться с предикативными словами категории состояния: *Пора бы ехать домой; Надо бы ему помочь*. В языке XIX века встречаются и слу-

чаи присоединения частицы *бы* к неличным формам глагола: из грамматики в грамматику переписывается пример из Гоголя *Снит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств.* Впрочем, в современном языке также иногда возможны подобные случаи с причастием и деепричастием: *Нашлись бы люди, с радостью сотрудничавшие бы с изобретателем* (газ.); *И сейчас она, дохлебав бы щи, поднялась бы и ушла* (Тендряков) (РГ II 1980, 103).

Представляется, однако, что частица *бы* образует АФ СН только вместе с формой на *-л*. Все остальные случаи относятся к синтаксически свободным сочетаниям слов и не являются морфологическими формами СН.

Точно также не относятся к СН сочетания глаголов в форме прош. вр. с частице *было*. Эта конструкция служит для обозначения действия начавшегося, почти доведенного до конца, но не осуществленного или не приведшего к желаемому результату: *Обломов приподнялся было в кресле, но не попал сразу ногой в туфлю и сел опять; Повозка было тронулась, но он остановил ее; Я хотел было остаться дома, но не вытерпел и отправился к ней.*

Частица *было* не имеет полного ударения, она энклитически присоединяется к первому ударному слову предложения.

А.А. Шахматов считал рассматриваемую конструкцию "недействительным наклонением" (Шахматов 1952, 105). А.В. Исаченко же, вслед за Л.А. Булаховским, говорит о модальности отвергнутого действия (Исаченко 1960, 516). Дело в том, что значение "отвергнутого действия" выражается не только сочетаниями, состоящими из личной формы прош. вр. и частицы *было*. Очень часто частица *было* может сочетаться и с неличными формами, в частности, с формами причастия прош. вр. сов. и несов. в. и деепричастия сов.в.: *Прекратившийся было дождь вдруг опять полил* (Симонов); *Решившись было остаться, ...* Частица *было* может также употребляться при инфинитиве: *Тут старуха какая-то, девчонки, бабы писк подняли, похватали горшки и бежать было в деревню* (Л. Толстой). Частица *было* может вводиться в предложение без глагола с общим значением прошедшего действия: *Акакий Акакьевич еще было насчет починки, но Петрович не дослушал* (Гоголь).

Предложение с формой прош. вр. + *было* предполагает обычно противительное отношение, выражаемое союзом *но*: *Он хотел было*

уйти, но передумал. Конструкции с частицами *чуть было, едва было* обходятся и без противительного союза: *Он чуть было не упал*.

Подвергнув различные случаи употребления частицы *было* семантическому и синтаксическому анализу, А.В. Исаченко справедливо приходит к выводу, что сочетания сказуемостных форм, в том числе личных форм прош. вр., с *было* не только не относятся к области СН, но вообще не входят в систему наклонений русского языка.

В современном чешском языке грамматисты нередко различают две "временные" формы СН: 1) форму наст. вр., образуемую сочетанием форм *bych, bys, by, bychom, byste, by* с причастием на *-l* (действит. залог, прош. вр.): *přinesl, -a, -o bych; přnesl, -a, -o bys; přnesl, -a, -o by; přinesli, -y, -a bychom; přinesli, -y, -a byste; přinesli, -y, -a by*. (Как видно из примеров, причастие изменяется по числам и родам, а вспомогательные формы *bych, bys, by, bychom* и т.д.— по лицам и числам); 2) форму прош. вр., образуемую сочетанием форм СН наст. вр. от основного глагола и причастия на *-l* от глагола *býti*: *byl, -a, -o bych přinesl, -a, -o; byl, -a, -o bys přinesl, -a, -o; byl, -a, -o by přinesl, -a, -o; byli, -y, -a bychom přinesli, -y, -a; byli, -y, -a byste přinesli, -y, -a; byli, -y, -a by přinesli, -y, -a*. (И причастие основного глагола и причастие от глагола *býti* изменяются по числам и родам, а вспомогательные формы *bych, bys, by* и т.д. — по лицам и числам. Эти вспомогательные формы являются по происхождению личными формами аориста от глагола *býti*, чем и объясняется сохранение в них лиц и чисел. Ср. рус. *бы*, полностью превратившееся в неизменяемую частицу).

В образовании форм СН прош. вр. может участвовать также причастие *býval* вместо *byl: býval bych šel, býval bych chtěl*.

Из слияния изменяемых вспомогательных форм СН *bych, bys, by, bychom* и т.д. с частицей *at'* и с союзом *kdy* возникли изменяемые по лицам и числам вспомогательные сращения *abych, abys, aby, abyhrom* и т.д., *kdybych, kdybys, kdyby, kdybychom* и т.д., которые также участвуют в формировании значения СН. Например, *Řekni Janovi, aby přijel s tebou* ‘Скажи Яну, чтобы он приехал с тобой’; *Šel bych s tebou, kdybych nebyl nemocen* ‘Я бы пошел с тобой, если бы не был болен’.

Рядом грамматистов замечено, что эти формы СН "настоящего" и СН "прошедшего времени" отличаются друг от друга не тем-

поральными, а модальными значениями (Храковский 1980, 38; Смирниций 1959, 346–350). Первая форма обозначает потенциально выполнимое действие (возможное, предположительное, допустимое, но не реально существующее в действительности): *Pomohl bych vám, kdybych mohl* ‘Я бы вам помог, если бы мог’; *Kdybys přišel ke mně zára, pracovali bychom spolu* ‘Если бы ты пришел ко мне с утра, мы работали бы вместе’. Вторая форма передает невыполнимое и невыполненное действие, при употреблении этой формы обычно предполагается отрицательный вывод: *Kdybych to byl věděl, nebyl bych tam řešel* ‘Если бы я это знал, я бы туда не пошел’ = ‘Я этого не знал, я туда пошел’, *Kdybys byl přišel ke mně včera, byli bychom pracovali spolu* ‘Если бы ты пришел ко мне вчера, мы бы поработали вместе’ = ‘Ты не пришел, мы не поработали’. Поэтому разумнее называть их не “сослагательное настояще” и “сослагательное прошедшее”, а условно – “сослагательное I” и “сослагательное II”.

Можно думать, что не только в чешском, но и в других славянских языках, например в польском, где СН имеет так наз. парадигму временных форм, эти формы употребляются в различных модальных значениях и образуют различные модальные серии СН.

В чешском языке для выражения оттенков желательности (в том числе недобрых пожеланий, проклятий и пр.), гипотетической возможности, условности и пр. при форме СН I используются усиленно-побудительные и усиленно-волевые частицы *bodej*, *bodejt!*, *bodejž*, *kež*, а также уже упомянутые сращения частицы *at'* и союза *kdy* со вспомогательными изменяемыми по лицам и числам формами *aby*, *abys* и т.д., *kdyby*, *kdybys* и т.д. Например, *Bodejt' by dala chvíliku pokoj!* ‘Дала бы хоть минуту покоя!’, *Bodejt' by tě husa kopla!* ‘Чтоб тебе пусто было!’, *Bodejt' by vás čerti vzali!* ‘Чтоб вас черти побрали!’, *Bodejž by tě husa kopla!* ‘Чтоб тебе пусто было!’, *Kéž by přišlo jaro!* ‘Поскорее бы пришла весна!’, *Kéž by už přišel!* ‘Хоть бы он уже пришел!’, *Kéž bych vám mohl pomoci!* ‘Если бы я мог вам помочь!’, *Kéž bych měl tři ruce!* ‘Если бы у меня было три руки!’, *Kdyby už byl konec!* ‘Скорее бы наступил конец!’, *Kdyby tu tak byl!* ‘Эх, был бы он тут!’, *Kdybys rádejí nemluvil!* ‘Помолчал бы ты лучше!’, *Kdybys jedl rychle!* ‘Ел бы ты быстро!’, *Jen aby měl u sebe tu knihu!* ‘Если бы у него была эта

книга!', *Aby nás Pan Boh miloval!* 'Хоть бы нас Бог (по)миловал!', *Aby tě husa kopla!* 'Чтоб тебе было пусто!', *Aby to čert v zál!* 'Чтоб его черт побрал!', *Hrom aby to toho praštíl!* 'Чтоб его ударило громом!'. В случаях употребления частицы *kéž* и сращения *kdyby* при форме сослагательного II может передаваться значение соожаления по поводу не совершившегося действия: *Ach, kéž by byl ne zmeškal vlak!* 'Ах, если бы поезд не опоздал!' = 'Поезд опоздал'.

Из примеров видно, что значения СН I и СН II представлены здесь не в чистом виде, они осложнены побудительно-оптативным значением, характерным для императива. Все эти дополнительные оттенки привносятся перечисленными модальными частицами и сращениями частиц и союзов со вспомогательными глагольными формами *bych*, *bys*, *by ...*, употребляемыми вместе с причастием на *-l*. При этом представляется, что частицы и союзы, даже входящие в сращения, не объединяются с причастием в АФ слова. Они сохраняют свое собственное лексическое значение, которое распространяется на все предложение в целом. Это подтверждается тем обстоятельством, что рассматриваемые частицы могут сочетаться также и с формами наст. вр. индикатива (*Kéž se objeví!* 'Если бы он появился!'; *At už nám konečně naprší!* 'Пошел бы в конце концов у нас дождь!'; *At to teda ví to, bylo to z oddělení C.* 'Ну так знайте, это письмо было из отдела С'), а также с причастием на *-l* без вспомогательной глагольной формы (*Bodej mi oči vytékly!* 'Чтоб у него глаза вытекли!'), выражая те же значения желательности, возможности, условности и пр. Кроме того, значительная часть употреблений этих частиц с побудительно-оптативным значением относится к числу фразеологически связанных словосочетаний (ср. *Aby/bodejt'/bodejž by tě husa kopla!*) (Karlík 1980, 49–52; Широкова 1988).

Собственно грамматические АФ СН – это вспомогательные формы *by* и *byl* *by* + причастие на *-l*: *přinesl by* и *byl by přinesl*. Здесь снова можно вспомнить понятие "разрывная морфема", упоминавшееся в связи с СН в русском языке. При этом заметим, что СН в русском и чешском языках существенно различаются ибо если в русском имеется одна АФ СН, выражающая и потенциально выполнимое действие и невыполнимое действие, то в чешском – две АФ: сослагательное I и сослагательное II, разделившие между собой указанные значения.

По положению СН в системе глагольных форм польский язык ближе к чешскому, чем к русскому. Там так же, как в чешском, имеются сослагательное I и сослагательное II, называемые обычно в грамматиках условными наклонениями наст. и прош. времени.

Сослагательное I образуется присоединением к форме 3 л. прош. вр. (исторически – к форме причастия на *-l*) частицы *by* с личными окончаниями: *chodziłbym* (*chodziłabym*), *chodziłbyś* (*chodziłabyś*), *chodziłby* (*chodziłaby*), *chodziłibyśmy* (*chodziłybyśmy*) и т.д.

Подобно личным окончаниям глаголов прош. вр., частица *by* с личными окончаниями может отрываться от глагола: *Chętnie bym coś przekąsić* (наряду с *przekąsiłbym*) ‘Я бы охотно перекусил’; *Ach, jakże byśmy chcieli mieć własny domek* (наряду с *chcieliśmy*) ‘Ах, как нам хотелось бы иметь собственный домик’; *Möze byś jeszcze zdążył na pociąg?* ‘Может быть, ты еще успел бы на поезд?’ Ср. два синонимичных предложения *Czy poszedłbyś ze mną na spacer?* и *Czybyś poszedł ze mną na spacer?* ‘Не пошел ли бы ты со мной на прогулку?’. Я. Пузынина приводит как допустимые варианты еще и *Czy ze mną byłbym poszedł na spacer?* и *Czy na spacer byłbym ze mną poszedł?* (Puzynina 1971, 131–139). Во всех этих примерах мы имеем дело с подвижностью *by* и личных окончаний.

Сослагательное II образуется из форм сослагательного I глагола *być* и прош. вр. спрягаемого глагола в соответствующем роде и числе: *byłbym chodzić* (*byłabym chodzić*), *byłbyś chodzić* (*byłabyś chodzić*), *byłby chodzić* (*byłaby chodzić*), *byłibyśmy chodzić* (*byłybyśmy chodzić*) и т.д.

Формой сослагательного II считается также сочетание формы сослагательного I основного глагола и прош. вр. глагола *być*: *Zakłopotali się, że i ja mogę wolaćbym być autobus* ‘Он забеспокоился, что, может быть, и я предпочел бы автобус’. Существование таких словосочетаний, имеющих значение СН (действие воспринимается как предположительное или неосуществившееся), возможно благодаря подвижности частицы *by* с личными окончанием.

О значениях СН I можно сказать, что они в основном совпадают со значениями СН в русском языке. Специфическим для польского языка является использование сослагательного I с модальным оттенком предположительности, неуверенности: *Na razie to było by wszystko* ‘Пока это, пожалуй, все’.

Сослагательное II употребляется в значении действия, которое не совершилось и которое противоречит действительности: *Byt bym się przewrócić* ‘Я чуть не упал’; *Byłbym zapomniać* ‘Я чуть не забыл’. Формы сослагательного II встречаются в современном языке относительно редко.

Целый ряд союзов и модальных частиц образуют вместе с *by* и личными окончаниями глагола сращения, которые участвуют в выражении значения СН I. Это союзы и частицы *aby*, *aniby*, *choćby*, *choćby*, *iżby*, *gdyby*, *jakby*, *jeśliby*, *nizby*, *nizeliby*, *żeby*, *bodajby*, *byleby*, *oby*, *niechby*. Например: *Chce, aby pojechał do Warszawy* ‘Хочу, чтобы он поехал в Варшаву’; *Proponuję, abyście obejrzały książki rosyjskie w księgarni* ‘Предлагаю, чтобы вы посмотрели русские книги в книжном магазине’; *Anibyś się obejrział, a już obiad byłby na stole* ‘Не успел бы ты оглянуться, как обед был бы на столе’; *Nie przyjdę, choćbyś mnie zaprosił* ‘Не приду, хотя бы ты меня попросил’; *Chcieli przeprowadzić zasadę, iżby kandydatów do magistratury rządowych podawały sejmiki* ‘Хотели ввести такое положение, чтобы кандидатов в магистратуру выдвигали сеймики’; *Bałem się, iżby bogata materna jej sukni nie została uszkodzona* ‘Я боялся, как бы богатая материя ее платья не оказалась испорченной’; *Gdybym to wiedział* ‘Если бы я это знал’; *I gdyby stary Jan Czarnowski z mógł powstać, on to by zrozumiał* ‘Когда бы старый Ян Ч. встал из гроба, он бы это понял’; *Gdyby mieli dużo czasu, poszliby do kina* ‘Если бы у них было много времени, они пошли бы в кино’; *Jeślibyśmy mieli dużo czasu, poszlibyśmy do kina* ‘Если бы у нас было много времени, то мы пошли бы в кино’; *Piotr mówił, żebyś przyszedł* ‘П. сказал, чтобы ты пришел’; *Nie wierzę, żeby on to zrobił* ‘Не верю, чтобы он это сделал’; *Radzę, żebyście kupili "Slawę i chwałę" Iwaszkiewicza* ‘Советую, чтобы вы купили "Славу и хвалу" Ивашкевича’; *Żebyś już wreszcie wyzdrowiał!* ‘Вы здоровел бы ты, наконец’; *Żeby to diabli wzięli!* ‘Чтоб его черти побрали’⁹; *Bodajby go Pan Bóg skarał!* ‘Чтоб его Господь Бог покарал’; *Bodajbyś wyjechał stąd jak najszybciej!* ‘Чтоб ты выехал отсюда как можно скорее’; *Bodajbyś świata bożego nie widział!* ‘Чтоб тебе не видеть света божьего’; *Bylebyś się nie spóźnił!* ‘Хоть бы ты не опоздал’; *Obyś przyszedł!* ‘Лишь бы ты пришел’; *Obyś żył dłujo, obyś skarbów użył!* ‘Пусть бы ты жил долго, пусть бы нажил много добра’; *Oby wszyscy zajmowali takie stanowisko!* ‘Всем бы зани-

мать такое положение!'; *Niechby pan z nim porozmawiać chociaż przez chwilę!* 'Поговорили бы Вы с ним хотя бы минуту!'. В современном польском языке еще не произошло окончательного соединения *niech* и *by* с превращением *by* в неподвижный элемент в составе этого сращения,ср. *Niechbym ja cię tylko złapal na paleniu* и *Niech ja bym cię złapał na paleniu* 'Застал бы только я тебя за курением!' или *Niechby Hania zabrała te rzeczy* и *Niech ona by zabrała te rzeczy* 'Забрала бы она эти вещи'.

Представляется, что среди форм, которые обычно относят к СН, следует различать: 1) основные формы, характеризующиеся подвижностью *by* с личными окончаниями, и 2) особые формы, состоящие из прош. вр. + *by* с личными окончаниями, находящимися неподвижно при перечисленных выше союзах и частицах. Во втором случае выразителями значения СН являются не только формы прош. вр. основного глагола, но и *by* с личными окончаниями, призывающими к союзу или к частице. При этом в польском языке, так же как в чешском, перечисленные частицы и союзы не входят в состав АФ СН I или СН II. Аналитическая форма состоит лишь из формы прош. вр. основного глагола и вспомогательного слова *by* с личными окончаниями (*chodzić + -bym* и *będę + -bym chodzić*). Вспомогательное слово должно при анализе умозрительно вычленяться из сращений с союзами и частицами и умозрительно же соединяться с формой прош. вр. основного глагола, вместе с которой оно образует "разрывную морфему", т.е. АФ СН. Союзы же и частицы лишь усиливают и разнообразят значение сослагательности, добавляя оттенки желательности, побудительности и пр. Так что, невозможно согласиться с Я. Пузыниной, которая считает, что основными выразителями, или исполнителями, функции СН являются сращения этих союзов и частиц с *by* (*żeby* в противопоставлении *że*) и/или глаголы модальной семантики 'просить', 'требовать' в главном предложении: *Proszę, żebyś zamilkł*. Невозможно также согласиться с утверждением Я. Пузыниной о том, что форма на *-l* основного глагола является здесь формой индикатива, модальное значение которой утрачено в результате нейтрализации наклонений в функциональном плане в данной позиции (Puzyrina 1971).

Самостоятельность существования рассматриваемых сращений, состоящих из союзов, частиц и *by*, — вне АФ СН — подтвер-

ждается способностью некоторых из них сочетаться не только с формой прош. вр., но и с формой инфинитива (*Byleby przełożyć yć głowę do poduszki i zasnąć!* ‘Только бы положить голову на подушку и заснуть!'); *Żebyt o tym wieść nie mówić!* ‘Чтобы об этом больше не говорить!'; *Gdyby dało się to przewidzieć!* ‘Если бы можно было это предвидеть!') или с формой прош. вр. без частицы *by* (*Bodajś kark skręcić!* ‘Чтоб ты свернул себе шею!'). Хотя данные союзы и частицы не могут быть признаны компонентами или заместителями АФ СН, они принимают участие в усилении и расширении значений сослагательности (а также и императивности, о чем см. выше) (Ср. также Grochowski 1986, 49–50).

В сербскохорватской грамматической традиции употребляются два термина для СН – "кондиционал" и "потенциал". Поскольку центральное в значении этого вида нереального наклонения – возможность осуществления действия, в последнее время, начиная с А. Белича, в лингвистической литературе все чаще отдается предпочтение термину "потенциал" (Стевановић 1974, 710). Я же продолжаю употреблять термин "сослагательное наклонение" для единообразия в описании материала различных языков.

В сербскохорватском языке СН также выражается только с помощью АФ. Она состоит из личной формы вспомогат. глагола *бити* в аористе и прош. причастия основного глагола *ја бих слушао, -а; ти би слушао, -а; он би слушао; она би слушала; оно би слушало; ми бисмо слушали, -ле; ви бисте слушали, -ле; они би слушали; оне би слушале; она би слушала.* В современном разговорном языке вспомогат. форма *би* стала часто употребляться для всех лиц: *Хтели би да знамо* (вместо *бисмо*); *Би ли ви то могли узете* (вместо *бисте*) (Стевановић 1974, 713).

Грамматисты указывают следующий круг общих значений этой АФ:

I. В самостоятельном предложении:

1. Гипотетическое (возможное, предполагаемое, намечаемое и пр.) действие: *Ми бисмо све те послове за један дан посвршавали* ‘Мы выполнили бы все эти задания за один день’; *Цео тај пут ја бих прешао за један час* ‘Весь этот путь я прошел бы за один час’; *Не би ме стигло сто карабина* ‘Мне не хватило бы 100 карабинов’; *Сами би се одбрали* ‘Сами бы себя защитили’; *Могли би лако до-*

ћи к нама ‘Могли бы легко придти к нам’; *Теби бих једином дао, другима не дам* ‘Тебе бы одному дал, другим не дам’.

2. Желаемое действие: *Ох, како бих се ухватио за његове тврде руке* ‘Ох, как бы я ухватился за его твердые руки’; *Женио би се ал’ девојке немам* ‘Женился бы, да девушки нет’; *Кад бих ја имала пара као ти!* ‘Были бы у меня деньги, как у тебя!’.

В значении желания может употребляться один вспомогательный глагол, без основного: *И ми бисмо телетину* ‘И мы хотели бы телятину’.

II. В сложноподчиненных предложениях (в одних случаях и в главном и в придаточном, в других – только в придаточном, в третьих – только в главном):

1. Обусловленная возможность действия: *Кад би човек знао где ће врат сломити, он тамо не би никад ишао* ‘Если бы человек знал, где сломает себе шею, он бы никогда туда не пошел’; *Левао бих да ме не боли грло* ‘Я пел бы, если бы у меня не болело горло’; *Он би, можда, плакао да је имао сузе* ‘Он бы, может, плакал, если бы у него были слезы’; *Скинуо сам кошуљу, скинуо бих и кожу да могу* ‘Я снял рубаху, снял бы и кожу, если мог бы’.

Это же значение обусловленной возможности выражается и в случаях, когда речь идет о действии, предшествовавшем другому действию в прошлом, и о действии, предполагаемом в будущем: *Ако бисте закуцали, они би вам отворили* ‘Если бы вы постучали, они бы вам открыли’; *Кад бих знао до ће ме он сустрети, не бих изишао* ‘Если бы я знал, что он мне встретится, я бы не вышел’; *Ако бисте тако радили, ми бисмо се поносили* ‘Если вы будете так работать, мы будем гордиться’.

2. Цель действия: *Они учинише договор како би испунили производен план* ‘Они составили договор, как выполнить производственный план’; *Он стаде молити оца да би му опростио* ‘Он стал молить отца, чтобы тот его простил’; *Да би заварао брата, стадох му причати приче* ‘Чтобы отвлечь брата, он стал рассказывать ему сказки’; *Слијепац пружи обје руке напред да би се обранио од пијацица* ‘Слепой вытянул вперед обе руки, чтобы защититься от пьяного’.

К предложениям цели близки дополнительные придаточные (здесь СН стоит в главном предложении): *Ја бих баш желио да дођем у село* ‘Я хотел бы, чтобы мы пошли в село’.

Особенностью сербскохорватского языка является возможность употребления формы СН для выражения привычного, повторяющегося действия в прошлом: *Чим би неко дете зажелело да поједе коју урму, почело би се каменицама бацати по мајмуне* ‘Как только у какого-либо ребенка возникало желание съесть финик, так он начинал бросать камни в обезьян’ . Здесь наблюдается любопытная аналогия с английским языком, в котором известны глагольные словосочетания, по форме совпадающие со СН. Это конструкция “*would + инфинитив*”, обозначающая действие, постоянно совершающееся в прошлом: *Here she would sit, sewing and knitting, while he worked at the table* ‘Она имела обыкновение сидеть, занимаясь шитьем и вязанием, в то время как он работал за столом’ . В английских грамматиках подобные глагольные словосочетания не относят к СН, их считают особыми модальными конструкциями. Представляется, что для сербскохорватского языка в случаях форм СН, типа приведенных выше, вернее говорить о транспозиции сослагательного наклонения. Это, как уже упоминалось, употребление форм СН не в его категориальном значении – действия гипотетического, а не реально совершающегося в настоящем, прошлом и будущем. Близкий подход к этим особым употреблениям форм СН находим у М. Стевановича, когда он пишет, что в таких случаях отсутствует модальное значение наклонения (Стевановић 1974, 717).

В сербскохорватском языке, кроме рассмотренных форм СН, существует еще одна, называемая обычно прошедшим кондиционалом, или потенциалом. Назовем ее сослагательным II – в отличие от сослагательного I. Например, *Да сам живео у оно вријеме и ја бих био пролио крв за Христа* (Ф. Ивековић) ‘Если бы я жил в то время, то и я пролил бы кровь за Христа’. Эта форма СН II (*бих био пролио*) состоит из СН I глагола *бити* и прош. причастия основного глагола. Легко заметить, что она соответствует СН II в чешском и польском языках. В сербскохорватском она встречается чаще всего в произведениях писателей прошлого века, в современном же литературном и особенно разговорном языке почти не употребляется (Стевановић 1974, 720).

В сербскохорватском языке, в отличие от русского, чешского и польского, нет сращений модальных частиц и союзов со

вспомогательным компонентом АФ СН, соответственно, не возникает и связанных с этим обстоятельством проблем при анализе состава АФ.

Болгарский язык отличается наличием двух разных форм сослагательного ("условного" – в соответствии с болгарской грамматической традицией) наклонения: аналитической и синтетической. АФ образуется сочетанием вспомогат. глагола *съм* в форме старого аориста (*бих, би, би, бихме, бихте, биха*) и причастия аориста на -л знаменательного глагола, например, *бих чел, би чел, би чела, бихме чели, биха чели* и т.д. Вспомогат. глагол имеет свое ударение (хотя и несколько более слабое, чем ударение причастия) и обычно предшествует причастию. В редких случаях порядок может быть обратным: *Славил бих пак живота аз отнова...* (Славейков) 'Я прославлял бы жизнь снова'. Между вспомогат. глаголом и причастием могут вставляться только краткие формы личного местоимения, возвратная частица *се* и вопросительная частица *ли*: *Бих му отговорил* 'Я бы ему ответил', *Бих се срешинал с него* 'Я бы встретился с ним', *Бихте ли ми услужили* 'Не окажете ли мне услугу'.

Изредка встречаются сочетания причастия с неизменяемым вспомогат. глаголом *би*: *Аз би направил, ти би направил, ние би направили* и т.д. Эти формы считаются не соответствующими нормам современного литературного языка.

Как и во всех других славянских языках, основное значение болгарского СН – не реально осуществимое, а гипотетическое действие. В самостоятельных предложениях это действие представляется как:

1. возможное, предполагаемое, намечаемое:

Преобрънаха всичко, изгледаха всички кътове, които би послужили за убежище 'Перевернули всё, осмотрели все углы, которые могли бы послужить убежищем'; *Това той прочете бавно, торжествено и напевно, както би то прочел в черква* 'Он прочитал это медленно, торжественно и напевно, как прочитал бы в церкви'; *Кой би разказал живота му в тия година?* 'Кто рассказал бы о его жизни в эти годы?'; *За него – Живота – направил бих всичко* 'Ради нее – Жизни – я сделал бы все' (Вапцаров);

2. желаемое:

Много бих желал да те видя ‘Очень хотел бы тебя видеть’; *С удовольствие бих становл летец* ‘С удовольствием я стал бы летчиком’; *Бихме посетили новата художествена изложба* ‘Мы посетили бы новую художественную выставку’.

С помощью АФ СН выражается также вежливое утверждение или вежливая просьба: *Бих казал* ‘Я бы сказал’; *Бих те помолил* ‘Я попросил бы тебя’; *Бихте ли ми дали Вашия учебник* ‘Дайте мне, пожалуйста, ваш учебник’. Такое употребление СН отмечается и в других славянских языках.

В сложноподчиненных предложениях формой СН выражается обусловленная возможность действия:

1. с формой СН в главном предложении: *Ако имах пари, бих ти дал ей сега* ‘Если бы у меня были деньги, я бы дал их тебе сейчас же’; *Ако нападнехме през деня, врагът би ни забелязвал* ‘Если бы мы напали днем, враг бы нас заметил’; *Огнянов знаеше, че бившия му ученик го обожаваше и би сторил всичко, ако го помолеше* ‘Огнянов знал, что его бывший ученик обожал его и сделал бы все, что бы он ни попросил’;

2. с формой СН и в главном, и в придаточном предложениях: *Ако би имал сили и възможност, той би казал сигурно, че тя плаче задето не ще има вече с кого да се кара* ‘Если бы у него были силы и возможность, он наверное сказал бы, что она плачет потому, что ей теперь не с кем ссориться’; *Ако бих получил пари, бих си купил съчинения на Смирненски* ‘Если бы я получил деньги, то купил бы сочинения С.’; *Да би се яло, не би стояло* (поговорка) ‘Если бы оно (что-то) было съедено, его бы не осталось’.

Грамматисты обычно указывают, что употребление СН одновременно и в придаточном, и в главном предложениях встречается редко, оно не характерно для современного литературного языка и звучит неестественно (Грамматика 1983, 372).

АФ СН не имеет темпоральных значений и поэтому используется для всех времен. Формы типа *bih bi kazal* (соответствуют сослагательному II в других славянских языках), конструируемые некоторыми писателями для прошедших времен, искусственны (Андрейчин 1949, 236).

В условных предложениях часто употребляется не только СН, но и будущее в прошедшем, формы которого иногда по этой причине также относят к СН, например, *Ако бях събрал повече пари, щях да си купя хубаво радио* ‘Если накоплю побольше денег, куплю себе хороший радиоприемник’; *Ако на земята настъпеше мир, хората щяха да живеят щастливо* ‘Если на земле наступит мир, люди будут жить счастливо’. Однако для такого отнесения нет оснований, ибо СН и буд. в прош. передают различающиеся значения: в форме буд. в прош. выражается уверенность в совершении действия, предстоящего по отношению к другому действию в прошлом (т.е. реальное действие); в форме же СН выражается лишь возможность осуществления действия (т.е. нереальное действие). Ср., например, *Ако имах свободно време, щях да разгледам града* ‘Если у меня будет свободное время, я осмотрю город’ и *Ако имах свободно време, бих разгледал града* ‘Если бы у меня было свободное время, я бы осмотрел город’. Конечно, возможно так наз. модальное употребление буд. в прош., значение которого вытекает из его временного значения. О действии, которое было предстоящим в какой-то момент прошлого, часто говорят в том случае, если это действие затем почему-либо не совершилось: *Щях да падна* ‘Я чуть не упал’. На этой же основе развилось употребление буд. в прош. в условных предложениях, где оно выступает своеобразным эквивалентом СН, но не относится к грамматической категории наклонения.

Сходная ситуация наблюдается в македонском языке, в котором некоторые грамматисты усматривают, кроме сослагательного, еще условное наклонение, состоящее из двух разновидностей: условное реальное (относится к настоящему или будущему моменту) и условное ирреальное (относится к прошедшему моменту) (Усикова 1985, 101–102; Lunt 1952). Формы условного реального наклонения омонимичны формам будущего времени, они образуются с помощью частицы *ќе* и презенса: *ќе читам, ќе читаш, ќе чита, ќе читаме, ќе читате, ќе читаат*. Формы условного ирреального омонимичны формам буд. в прош., они образуются с помощью той же частицы *ќе* и имперфекта: *ќе читав, ќе читаше, ќе читаше, ќе читавме, ќе чи-*

тавте, ёе читаа. Например, условное реальное: *Ако ти платно згажме, со вино ёе го платиме* ‘Если мы наступим на полотно, то заплатим за это вино’; *Ако ти ја решиш таа задача, ёе ти бидам благодарен* ‘Если ты решиш эту задачу, я буду тебе благодарен’; условное ирреальное: *Ќе дојдев ако најдев време* ‘Я пришел бы, если бы нашел время’; *Да работеше совесно, ёе успееше* ‘Работал бы он добросовестно, сумел бы’; *Ќе можеше, ако сакаше* ‘Ты мог бы (сделать это), если бы хотел’¹⁰.

Представляется, что условное реальное не только формально совпадает с буд. вр., но и по выражаемым значениям принципиально от него не отличается. На это указывает Г.Лант, замечая, что условное реальное имеет “специфическое значение уверенно ожидаемого будущего или привычного действия”, например, *Ако ти ја решиш таа задача, ёе ти бидам благодарен*. Что касается условного ирреального, то оно может передавать значения, близкие к значению СН (в общем виде – это значение возможного, желаемого и проч. действия), т.е. может иметь модальные употребления, например, *Ќе дојдев ако најдев време*. Г. Лант, однако, считает, что с точки зрения соотношения действия с действительностью, форма *ќе* + имперфект выражает те же значения, что и форма *ќе* + презенс, но действие здесь представлено как предшествующее во времени моменту речи (точнее – является будущим по отношению к другому действию, предшествующему моменту речи) (Lunt 1952, 83, 89, 101). Иначе говоря, он приравнивает значение условного ирреального к значению буд. в прош. Ср. выше о формах буд. в прош. в болгарском языке, также не отнесенных к категории наклонения. По-видимому, вернее всего будет согласиться с Б. Конеским, не признающим особых условного реального и условного ирреального наклонений в македонском языке и говорящим о различных временных формах буд. и буд. в прош., в том числе и таких, которые приближаются по значению в некоторых своих употреблениях к СН (Конески 1954, 131)¹¹.

В болгарских грамматиках нередко упоминается о существовании синтетических форм СН, например, *ядвам* (наст. или буд.), *ядвах* (имперфект) ‘я ел бы’, которые образуются с помощью суффиксов, омонимичных суффиксам имперфективации или близких к ним, и личных окончаний наст. вр. и имперфекта. Использование суф-

фиксов, омонимичных суффиксам имперфективации (*-ва-*, *-ава-* и *-а-*), порождает формы, омонимичные наст.вр. и имперфекту индикатива вторичных имперфективов: *давам* ‘я дал бы’ и ‘даю’, *купувам* ‘я купил бы’ и ‘я покупаю’. Для устранения подобной омонимии в языке возникают формы СН с удвоенной согласной *в* (после гласной): *даввам*, *купуввам*, либо вместо суффикса *-а-* (вторичный имперфектив *прочитам* ‘прочитываю’) начинает функционировать суффикс *-ва-* (*прочитвам* ‘я прочитал бы’).

Надо заметить, что в оформлении так наз. синтетического СН наблюдаются значительные колебания, например, возможно большое число параллельных форм от одного и того же глагола (*бождам*, *бодвам*, *баждам* – от *бода* ‘колоть’), что говорит о недостаточной степени морфологической четкости этих форм. Последнее обстоятельство, очевидно, связано с тем, что синтетическое СН возникло в болгарском языке относительно недавно в результате переосмысления образований со значением многократности и некоторых вторичных имперфективов. СФ СН употребляются чаще в народном, бытовом языке и в диалектах и гораздо реже – в литературном разговорном языке. В литературных произведениях они встречаются в прямой речи действующих лиц как отражение бытового разговорного языка.

По значению СФ и АФ СН во многих случаях равны друг другу, но иногда в СФ на первый план выступает оттенок субъективной готовности совершить действие: *Я да се опита – очите му издирам!* ‘Пусть только попробует – глаза ему выцарапаю! = ‘готов выцарапать’; *Умирвах я не пущах!* ‘Я готов был умиреть, но не пустил бы ее’. В этом смысле Л. Андрейчин пишет, что СФ можно было бы назвать “условным наклонением готовности” в отличие от АФ, которые можно назвать “условным наклонением возможности” (Андрейчин 1949, 237).

Представляется, что отсутствие твердой и четкой морфологической оформленности синтетического СН, во-первых, существование в нем временных форм (наст. и имперфекта), во-вторых, и наличие в его семантике значения, отличающего его от аналитического СН, в-третьих, делает статус синтетического СН не совсем ясным. Имеем ли мы тут дело с формой СН или это одна из видовых

совершаемостей? Единства мнений по этому вопросу в болгаристике пока не достигнуто. Св. Иванчев считает, что рассматриваемые формы должны быть отнесены к видообразованию (это "видово-надстроечная категория", т.е. видовые совершаемости) (Иванчев 1963, 17). К точке зрения Св. Иванчева недавно фактически присоединился Х. Вальтер, назвавший данные формы глаголами "статально-тендентивной" совершаемости (Валтер 1989). По-видимому, это случай некоторого переходного состояния морфологических форм, не влившихся полностью в категорию наклонения. Аналитические же формы в болгарском языке являются полноправными референтами СН.

Те грамматисты, которые придерживаются мнения, что в болгарском языке нет пересказывательного наклонения (ПН) как одного из членов грамматической категории наклонения, а есть особая грамматическая категория пересказывания/непересказывания, считают, что аналитическое СН не имеет ни форм времени, ни форм пересказывания. Синтетическим же сослагательным формам свойственно иметь пересказывательные соответствия (*писва*, *пишаше* – непересказывательные формы, *писвал* – пересказывательная). Ив. Куцаров приводит следующий пример употребления пересказывательной синтетической формы СН: *Лийвал едно кафе, ако имало* ‘Он–де готов был бы выпить кофе, если бы оно было’. (Куцаров 1984, 12. См. также Куцаров 1985, 122).

В болгарском языке так же как в сербскохорватском, нет сращений частиц и союзов со вспомогательными компонентами АФ СН.

В македонском языке формы сослагательного, или потенциального, наклонения образуются с помощью неизменяемой частицы *би* и причастия на *-л*, которое изменяется по числам и в ед.ч. – по родам:

<i>јас би дошол (дошла)</i>	<i>ниe би дошли</i>
<i>ти би дошол (дошла)</i>	<i>вие би дошли</i>
<i>тоj'ти дошол</i>	<i>тие би дошли.</i>
<i>тaa би дошла</i>	
<i>тоa би дошло</i>	

Эти формы в самостоятельном употреблении выражают возможность, вероятность, желательность действия безотносительно к врем-

менному плану: *Ех, кога би имал мрежа голема колку озеро!* ‘Если бы у меня была сеть, большая, как озеро!?’; *Би могла да се излае, помисли тој* ‘Могла бы проболтаться, подумал он’; *Би сакал, знаеш колку би сакал, да не е вистина* ‘Хотел бы, знаешь, как хотел бы, чтобы это не было правдой’; *Мислата ме гореше, решетките са реце би ги искриш* ‘Мысль меня сжигает, что решетки переломил бы руками’.

СН может также выражать обусловленную возможность (когда условие содержится в придаточном предложении): *Кога би имал време, јас би отишол на кино* ‘Если бы у меня было время, я пошел бы в кино’; *Ако дојдеш, би ти кажал една новост* ‘Если придешь, я сообщил бы тебе одну новость’; *Уф, каква глупост би направил, да ги избиеш* ‘Какую глупость сделал бы, если бы его избил’; *Кога би ме оставиле да се расправам со тебе, бразо би свршил* ‘Если бы мне разрешили объясниться с тобой, я бы быстро это сделал’. Как видно из примеров, форма СН иногда употребляется и в главном и в придаточном предложениях. Б. Конески утверждает, что такое употребление характерно только для литературного, но не народного языка.

Подведем итог обзору синтаксических способов выражения СН в славянских языках. Нет сомнения в том, что во всех этих языках, в том числе в словацком, словенском и лужицких, здесь не рассматривавшихся, существуют АФ СН. Что в них общего и что различного?

1. Во всех славянских языках основным компонентом АФ СН является глагольная форма на -л/-1 (по происхождению – причастие).

2. В русском и македонском языках в состав АФ в качестве служебного компонента входит неизменяемая частица: рус. *бы*, мак. *би*. В польском, чешском, сербскохорватском и болгарском вспомогательный глагол изменяется по лицам и числам: чеш. *bych*, *bys*, *by...;* пол. *byt*, *byś*, *by...;* с.-х. *бих*, *би*, *би ...;* бол. *бих*, *би*, *би ...*. В современном разговорном сербскохорватском отмечается тенденция употреблять неизменяемое *би* для всех лиц и чисел, пока эта тенденция не закрепилась в литературном языке, хотя, вероятно, можно предположить, что развитие АФ СН пойдет по этому пути.

3. В русском, чешском и польском языках образуются сращения служебного компонента АФ с некоторыми союзами и частицами: рус. *чтобы*, *если бы*, *будто бы*, *хотя бы*, *лишь бы* и пр.; чеш. *aby*, *kdyby*; пол. *aby*, *gdyby*, *żeby* и пр. При этом в чешском и польском, где служебный компонент изменяется по лицам и числам, данные сращения также оказываются изменяющимися по лицам и числам: чеш. *abyoh*, *abys*, *aby...*, *kdybych*, *kdybys*, *kdyby...*; пол. *abym*, *abyś*, *aby..;*, *gdybyt*, *dgybyś*, *gdyby...*, *żebym*, *żebyś*, *żeby ...*. Это обстоятельство создает затруднения в выделении АФ глагола при лингвистическом анализе. Ни в болгарском, ни в сербскохорватском, ни в македонском языках таких сращений не образуется.

4. В чешском, польском, сербскохорватском и болгарском языках различаются так наз. сослагательное I и сослагательное II: чеш. *bych přinesl* и *byl bych přinesl*, пол. *chodziłbym* и *byłbym chodzić*, с.-х. *бих слушао* и *бих био слушао*, бол. *бих казал* и *бих би казал*. В современных польском и сербскохорватском сослагательное II употребляется редко, в болгарском эти формы вообще искусственны и реально не употребляются. Тем не менее следует признать существование в грамматических системах перечисленных языков этих двух серий глагольных форм СН. В русском языке есть только одно СН.

5. Болгарский язык отличается тем, в нем наряду с АФ существует некоторая СФ, которую нередко относят к СН. Ни в одном из остальных славянских языков подобной СФ нет.

6. Сербскохорватский язык выделяется возможностью употребления АФ СН в особом, не отмеченном в других славянских, значении привычного, повторяющегося действия в прошлом. Очевидно, здесь имеет место транспозиция СН, т.е. употребление формы этого наклонения не в его категориальном значении. Ср. явление транспозиции императива. Надо заметить, что транспозиция форм СН встречается в славянских языках реже, чем транспозиция форм императива.

Другие косвенные наклонения

В болгарском и македонском языках сочетания личных форм глагола с частицей *да* могут передавать значения, близкие к СН.

На этом основании некоторые лингвисты, например Ю.С. Маслов, считают возможным говорить об особом наклонении – конъюнктиве. Однако Ю.С. Маслов на этом не настаивает, предлагая не описывать *да*-конструкции в одном ряду с наклонением (Маслов 1981, 285–290). С последним утверждением трудно не согласиться, тем более что языковой материал, приведенный Ю.С. Масловым, позволяет прийти к выводу о том, что сочетания форм 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. наст. вр. с частицей *да* в болгарском языке правомерно трактовать как императив, о чем выше несколько раз уже было сказано; сочетания же других лиц и чисел наст. вр. с *да* – как свободные модальные сочетания слов, выражающие разные оттенки волеизъявления: приказ (*Да мълчат!* ‘Пусть они молчат!’), просьбу (*Да не тревожат за него* ‘Пусть не беспокоятся о нем’), пожелание (*Да живее Първи май!*), неуверенность, сомнение (*Какво да правим?* ‘Что нам делать?’ – часто в вопросительных предложениях, где императив не может употребляться). В близких семантических функциях используется модальная конструкция *да* + перфект, выражая 1/ эмфатическое запрещение производить действие (*Да не стъпила на прага ми вече!* ‘Чтоб ты никогда не ступала на мой порог!'; *Готови за утре. Ама да не си обадил никому* ‘Готовься на завтра. Но смотри, никому не проговорись’); 2/ долженствование в прошлом, оставшееся нереализованным (*Като си имал, да си ги вардил* ‘Если они у тебя были, ты должен был их беречь'; *Ако искаш удобства, да си стоял на работа у банкирите Ешкенази* ‘Если ты хочешь удобств, то тебе надо было оставаться работать у банкиров Э.’ и пр.).

От частицы *да* следует отличать омонимичный ей союз *да*, который в предложениях с формами СН участвует в выражении значения обусловленной возможности (*Да би мирно седяло, не би чудо видяло* ‘Если будешь сидеть неподвижно, чуда не увидишь’).

Вопрос о конъюнктиве в македонском языке не менее сложен, чем в болгарском. Обычно отмечается, что *да*-конструкция употребляется при описательном выражении значений императива, сослагательного и условного наклонений (Усикова 1985, 102–103). Однако убедительных доказательств существования отдельного косвенного наклонения, отличного от императивного и сослагательного, в лингвистической литературе не приведено. Не объяснено, в

частности, как объединить в одну категориальную форму наклонения такое разнообразие структур, как: *да* + синтетический императив, *да* + презенс, *да* + перфект I (со вспомогат. *сүм*), *да* + перфект II (со вспомогат. *има*), *да* + СН с частицей *би*. Представляется более логичным различать среди сочетаний с частицей *да* АФ императива для 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. (*Да одиме на прошетка!* ‘Пойдем на прогулку!’) и свободные сочетания глагольных форм с этой частицей, имеющие различные модальные значения. Чаще всего это эмоционально усиленное желание/пожелание, выраженное: 1) сочетанием частицы *да* и формы перфекта I (*Да сум ја слушнал!* ‘Хоть бы мне ее услышать!’); 2) сочетанием частицы *да* и формы СН (*Да би куршум те удрил!* ‘Чтоб в тебя попала пуля!’, *Да би волци те јале!* ‘Чтоб тебя волки съели!’).

Таким образом, представляется, что так наз. конъюнктив в болгарском и македонском языках следует признать набором аналитических модальных конструкций, а не особым косвенным наклонением.

Более убедительными кажется доводы некоторых лингвистов в пользу наличия в болгарском языке косвенного предположительно-го, или умозаключительного наклонения, или конклюзива (Маслов 1981, 193, 244, 277–278; Куцаров 1984, 10–21; 1987). Последний пока недостаточно изучен. Обычно считается, что конклюзив выражает констатацию говорящим действия на основе его собственного умозаключения или предположения, например, *Той е пишел сега нов роман* ‘Он (как можно заключить) пишет сейчас новый роман’. Для выявления категориального значения конклюзива вернемся к схеме наклонений, предложенной А.В. Исаченко (см. стр. 64). Естественно, конклюзив получает плюсы по признакам “нереальность действия выражена” и “ограниченность действия рамками 1-го и 2-го лиц не выражена”, оказываясь в одной графе с СН. Для различения этих двух наклонений можно использовать признак “субъективность в оценке действия выражена”. Конклюзив получит по этому признаку плюс, СН – минус. Тогда соответствующая часть схемы А.В. Исаченко приобретет следующий вид.

Ограниченностя действия рамками 1-го и 2-го лиц не выражена

Субъективность в оценке действия

Не выражена	Выражена
Сослагательное наклонение	Конклюзив
<i>бих җазал</i>	<i>җазал съм</i>
<i>би җазал</i>	<i>җазал си</i>
<i>би җазал</i>	<i>җазал е</i>
и т.д.	и т.д.

Формы конклюзива относятся к аналитическим, они состоят из спрягаемого вспомогат. глагола *съм* и причастия имперфекта на -л, частично совпадая с формами категории пересказывания. Различие проявляется лишь в том, что в пересказывательных формах (ПФ) вспомогат. *съм* в 3 л. ед. и мн.ч. обязательно опускается. Таким образом, в 1 и 2 лицах обоих чисел конклюзив омонимичен пересказыванию, отчетливо выделяются только конклюзивные формы 3 лица. В парадигму конклюзива обычно включают следующие темпоральные формы: презенс и имперфект (*пишел е* ‘он, как можно думать, пишет или писал’); аорист (*писал е* ‘он, как можно думать, написал’); плюсквамперфект (*бил е писал* ‘он, как можно думать, писал раньше, чем произошло что-то другое’); буд. и буд. в прош. (*щял е да пише* ‘он, как можно заключить, будет писать или собирался писать’); буд. предварит. и буд. предварит. в прош. (*щял е да е писал/пишел* ‘он, как можно думать, будет писать или должен был писать раньше, чем произойдет что-то другое’). Некоторые авторы, например Ю.С. Маслов, считают проблематичным включение в умозаключительное наклонение форм типа *писал е*, так как эти формы полностью, во всех лицах, омонимичны формам перфекта индикатива. Ив. Куцаров же принимает очень расширенную парадигму конклюзива, утверждая, что кроме перечисленных, существуют также ПФ конклюзива. Это наст. и имперфект (*пишел бил*), аорист. (*писал бил*), буд. и буд. в прош. (*щял бил да пише*), буд. предварит. и буд., предварит. в прош. (*щял бил да е писал/пишел*) (Куцаров 1985, 122). Поскольку ряд болгаристов относит ПФ к пересказывательному на-

клонению (НП), а не к отдельной грамматической категории, отличной от наклонения, часть из форм, названных Ив. Кузаровым пересказывательными конклюзивными (например, *щял бил да пише*, *щял бил да е писал*), трактуются как эмфатические (усиленные) формы ПН (Андрейчин 1949, 218–219). Надо сказать, что это очень сложные вопросы, требующие специального рассмотрения. Здесь они не анализируются, здесь представляется важным лишь обратить внимание на тот факт, что есть возможность усмотреть в болгарском языке особое умозаключительное наклонение. Тогда нужно будет признать, что в болгарском языке косвенных наклонений больше, чем в других славянских, – по крайней мере, на одно.

Как уже упоминалось, в болгарском (а также македонском) языке есть серия особых грамматических форм глагола – так наз. пересказывательных форм (ПФ), которые противопоставляются непересказывательным (НПФ). Этим болгарский и македонский отличаются от всех остальных славянских и почти всех европейских языков. ПФ сигнализируют, что говорящий делает сообщение на основании вторичной (непрямой, чужой) информации; НПФ сигнализируют о первичной (прямой, в том числе личной) информации или не содержат указаний на источник информации о действии¹². В других языках значение пересказывательности также выражается, но не морфологическими, а лексическими средствами – с помощью ряда частиц и некоторых лексических групп глаголов, чаще всего глаголов *dicendi*. Сравним в этом отношении болгарский с русским: *Изгорил се с бакър* (Д. Талев) – рус. *Говорят, он обжегся медью*; *Тая същата жена пушила тютюн в хана заедно с нашия даскал Райко Вардански* (Д. Талев) – рус. *Как говорят в городе, эта самая женщина курила табак на постоялом дворе вместе с нашим учителем Р.В.*; *Нямали сте работна ръка, тежало ви* (Е. Станев) – рус. *Тяжело, мол, вам, рабочих рук нет*¹³.

В русских примерах вторичность информации о действии выражается описательно – частицей *мол*, неопределенно-личной формой глагола *говорят*, придаточным предложением, содержащим глагол *говорить*, *как говорят в городе*. Сами по себе русские глагольные формы не содержат указаний на источник информации о действии,

не указывают ни на ее первичность, ни на ее вторичность, в то время как соответствующие формы болгарских глаголов *изгорил*, *пушила*, *тежало* сигнализируют, что говорящий сообщает о действии не на основании своего опыта, а с чьих-то чужих слов, по слухам и т.п.

Все ПФ в болгарском языке являются аналитическими, они состоят из спрягаемой формы вспомогат. глагола *съм*, которая в 3 л. ед. и мн.ч. последовательно опускается, и причастия, характеризующегося морфемой -л. (Опущение вспомогат. *съм* в 3 л. ед. и мн.ч. является, повторяю, обязательной особенностью ПФ). Как показали подсчеты Ив. Куцарова, ПФ 3 л. гораздо более частотны, чем 2-го и 1-го. Так, в его материале, извлеченном из художественной литературы, 88% всех встретившихся ПФ относятся к 3 лицу. При этом 74% из них – это формы аориста (*писал*) и имперфекта (*пишел*) (Куцаров 1984, 7).

Некоторые ПФ имеют крайне ограниченное употребление, так что ряд авторов их вообще не рассматривает. Например, Е.И.Демина (Демина 1959, 328–332) и Ю.С.Маслов (Маслов 1956, 312) не включают в систему пересказывания редкие формы типа *щял да е писал*, *щял бил да е писал*, выражающие, соответственно, буд. предварит. изъявительного и умозаключительного наклонений. Представляется, однако, что с grammaticalической точки зрения прав Ив. Куцаров, который учитывает все возможные, согласно логике данной системы, ПФ. Пересказывание пронизывает оба залога (активный и пассивный), все наклонения (изъявительное, императивное, сослагательное, а по мнению некоторых ученых, и умозаключительное), все времена, оба глагольных вида. Предложенная Ив. Куцаровым схема включает 18 теоретически возможных форм, некоторые из которых употребляются очень редко (Куцаров 1984, 7–17).

Воспроизведем для наглядности приводимые Ив. Куцаровым возможные в современном болгарском литературном языке ПФ, ради экономии места указывая лишь 1 л. ед.ч. и 3 л. ед.ч.

1. *Пишел съм, пишел*. Это наст. или имперфект изъяв. накл. акт. залога. Образуются от причастия имперфекта акт. залога спрягаемого глагола и наст. вр. глагола *съм*: *Съветваха майка ѝ и баща ѩ да я венчаят за Рачка Лилов, бакърджийчето, което луде ело за*

ней (Ив. Вазов) ‘Советовали ее матери и отцу, чтобы обвенчали ее с Р.Л., медником, который, как было известно, сходил по ней с ума’.

2. *Писал съм, писал*. Это аорист изъв. накл. акт. залога. Образуются от причастия аориста акт. залога спрягаемого глагола и наст. вр. глагола *съм*: *Казаха му и му повториха, че дядо Стоян се качил на едно конче и отишел някъде по работа* (Д. Талев) ‘Сказали ему и повторили, что дедушка С. сел-де на какую-то лошадь и поехал куда-то на работу’.

3. *Бил съм писал, бил писал*. Это перфект и плюсквамперфект изъяв. накл. акт. залога. Образуются от причастия аориста акт. залога спрягаемого глагола и ПФ аориста глагола *съм*: *Следователят го обвинява в опит за убийство на должностно лице, понеже бил стрелял по полицията* (Е. Станев) ‘Следователь обвинял его в попытке убийства должностного лица, поскольку предполагалось, что он стрелял по полиции’.

Эти же формы могут считаться аористом умозаключительного наклонения активного залога, так что, очевидно, здесь следует говорить об омонимии, т.е. в нашем перечне повторить эти формы после форм наст. и имперфекта умозакл. накл. акт. залога (после пункта 10).

4. *Щял съм да пиша, щял да пише*. Это буд. или буд. в прош. изъяв. накл. акт. залога. Образуются от ПФ вспомогат. глагола *ща* + частица *да* + наст. вр. спрягаемого глагола: *Към това решение го подтикнаха и думите на Георгиев, че щял да му каже защо го пита* (Е. Станев) ‘К такому решению его подтолкнули и слова Г., так как он бы ему сказал, о чем его спрашивает’.

5. *Щял съм да съм (бъда) писал, щял да е (бъде) писал*. Это буд. предварит., и буд. предварит. в прош. изъяв. накл. акт. залога. Образуются от ПФ буд. и буд. в прош. глагола *съм (бъда)* и причастия аориста акт. залога спрягаемого глагола. Данные формы встречаются чрезвычайно редко, поэтому некоторые исследователи не включают их в систему ПФ. Однако Ив. Куцаров приводит пример употребления такой формы с очень сложным темпоральным значением: *От казаното стана ясно, че те щели да са се записали преди крайния срок* (Д. Попов) ‘Из скзанного стало ясно, что они-де хотели бы записаться до крайнего срока’.

6. *Нека (да) съм пишел, нека (да) пишел*. Это императив акт. залога. Образуются с помощью частиц *нека* и *да* (или *нека + да*) + ПФ наст. и имперфекта спрягаемого глагола: *Нека научел накой европейски език! Нека станел културен и образован!* (Е. Станев) ‘Дескать, пусть бы он выучил какой-нибудь европейский язык и стал бы культурным и образованным!’.

7. *Да съм бил пишел, да бил пишел*. Это так наз. усиленный пересказ императива акт. залога. Образуются от вышеупомянутых ПФ (пункт 6) + причастие *бил*. Частица *нека* в них встречается очень редко: “*Да били биели барабана!*” – басово рече той и се засмял (Е. Станев) ‘‘Дескать, пусть они бьют в барабан!’’ – сказал он басом и засмеялся’.

8. *Писвал съм, писвал*. Это наст. и имперфект синтетич. сослагат. накл. акт. залога. Образуются от глагола *съм* в наст. вр. и причастия имперфекта акт. залога от СФ СН: *Пийвал едно кафе, ако имало* (А. Теодоров-Балан) ‘Он-де готов был бы выпить кофе, если бы оно было’.

9. *Писвал съм бил, писвал бил*. Это так наз. усиленный пересказ СН акт. залога. Упоминание об этих формах встречается у А. Теодорова–Балана, Л. Андрейчина, К. Попова и др. Но в материале Ив. Куцарова они не обнаружены.

10. *Бил съм пишел, бил пишел*. Это наст. и имперфект умозакл. накл. акт. залога. Образуются от ПФ наст. и имперфекта глагола *съм* + причастие имперфекта акт. залога спрягаемого глагола: *Искали сме били да го убиваме* (Й. Йовков) ‘Мы-де даже убить его хотели’.

11. *Щял съм бил да пиша, щял бил да пише*. Это буд. и буд. в прош. умозакл. накл. акт. залога. Образуются с помощью ПФ глагола *съм* в умозакл. накл. акт. залога: *щял съм да пиша, щял е да пише: Щял съм бил да го убивам! Какво ще го убивам, казах му, че видях пчели му при моите, меда ми крадат, туй му казах!* (Й. Йовков) ‘Как будто я убить его хотел! Зачем мне его убивать, сказал ему, что видел его пчел среди моих, крадут мой мед – только это я ему и сказал!’.

12. *Щял съм бил да съм (бъда) писал (пишел), щял бил да е (бъде) писал (пишел)*. Это буд. предварит. и буд. предварит. в прош. умозакл.. накл. акт. залога. Образуются с помощью ПФ глагола *съм*

(бъда) в умозакл. накл. акт. залога щял съм да съм (бъда) писал (пишел), щял е да е (бъде) писал (пишел). Эти формы употребляются очень редко: *Преди петелът да пропеел, той бил щял да се бъде трижды отрекъл от него* (Л. Андрейчин) ‘Прежде чем прокричит петух, он, я, думаю, трижды от него отречется’.

13. *Ще съм пишел, ще пишел*. Эти формы иногда встречаются у старых болгарских писателей. По значению они совпадают с формами щял съм да пиша, щял да пише (пункт 4): *Та колко ще им в земел за защитата?* (Ст. Даскалов) ‘Да и сколько, предполагают, он возьмет с них за защиту?’.

14. *Бил съм писан, бил писан*. Это наст., аорист, перфект, плюск-вамперфект изъяв. накл. пас. залога. Образуются от ПФ аориста глагола съм + прош. пас. причастие спрягаемого глагола. Употребляются очень широко: *Когато се заселвало селото, очите на хората били замъгленi от сълзи и не гледали къде слагат основите на къщите си* (А. Дгчев) ‘Когда село заселялось, говорят, глаза людей были затуманены слезами и они не смотрели, где закладывали фундаменты своих домов’.

15. *Бъдел съм писан, бъдел писан*. Это имперфект изъяв. накл. пас. залога. Образуются от ПФ имперфекта глагола бъда + прош. пас. причастие спрягаемого глагола: *Ако градът бъдел нападнат, защитниците си знаели работата* (Д. Попов) ‘Если бы, как думали, город подвергся нападению, его защитники знали бы, что им делать’.

16. *Щял съм да съм (бъда) писан, щял да е (бъде) писан*. Это буд., буд. в прош., буд. предварит. и буд. предварит. в прош. изъв. накл. пас. залога. Образуются от ПФ буд. и буд. в прош. глагола съм (бъда) + прош. пас. причастие спрягаемого глагола: *Казват, че съборът щял да бъде окървен* (Е. Станев) ‘Говорят, что собор будет обагрен кровью’.

17. *Нека (да) съм бъдел писан, нека (да) бъдел писан*. Это императив пас. залога. Образуются от ПФ императива глагола съм (бъда) + прош. пас. причастие спрягаемого глагола. Из-за сложной комбинации передаваемых значений употребляются исключительно редко: *Да бъдело всичко написано на чисто!* ‘Необходимо-де, чтобы все было написано начисто!’.

18. *Щял съм бил да съм (бъда) писан, щял бил да е (бъде) писан*
Это буд., буд. в прош., буд. предварит. и буд. предварит. в прош.
умозакл. накл. пас. залога. Образуются с помощью пересказа
форм глагола *съм* в умозакл. накл. пас. залога *щял съм да съм*
(бъда) писан, щял е да е (бъде) писан. Употребляются очень редко:
*Щял бил да бъде обезглавен! Не му вярвайте!*¹⁴ Говорят, что
будет обезглавлен! Не верьте ему!¹⁴ Нужно иметь в виду, что
переводы болгарских ПФ на русский язык могут быть только при-
близительными, поскольку в русском языке не выражается тако-
го разнообразия пересказывательных значений.

Приведенная схема ПФ может быть принята, если различать
четыре категориальные формы категории наклонения: прямое –
изъявительное и косвенные – императив, сослагательное и умо-
заключительное. Если же видеть систему наклонений болгарского
глагола иначе, например, как Г. Герджиков, то не все перечис-
ленные формы окажутся среди пересказывательных. Концепция
Г. Герджикова будет рассмотрена ниже, здесь укажем лишь, что
по Г. Герджикову, формы типа *читял бил* не являются пересказы-
вателями (это формы так наз. недоверительного модуса), в то
время как по Ив. Куцарову, они относятся к ПФ умозаключитель-
ного наклонения.

Относительно состава и грамматического статуса ПФ вы-
сказано очень много различных мнений. Не ставя целью дать
сколько-нибудь полный обзор литературы по данному вопросу,
отмечу некоторые точки зрения на это своеобразное явление бол-
гарской грамматики¹⁵. История вопроса о пересказывании ведет
свое начало от братьев Цанковых, которые впервые указали на
наличие особых глагольных форм, получивших позднее название
пересказывательных, в вышедшей в 1852 году на немецком языке
грамматике болгарского языка (Cankoff 1852). Пионерскую роль
братьев Цанковых в этой области установил Хр. Пыррев (Пыррев
1958). Обособить ПФ в отдельное наклонение, названное им под-
чинительным, первым предложил Т. Шишков (Шишков 1872). Важ-
ное место в истории исследования ПФ занимает А. Теодоров–Ба-
лан, также видевший в этих формах одно из наклонений (Теодоров–
Балан 1886–1887; 1940; 1957). Исключительное значение в изуче-
нии пересказывания имеют труды Й. Трифонова, который научно

обосновано выделил парадигму ПФ, противопоставленную НПФ, в особую морфологическую категорию болгарского языка, не со-впадающую с наклонением (Трифонов 1905). Вслед за Й. Трифоновым отдельную глагольную категорию, конституируемую с по-мощью ПФ, – способ высказывания (начин на изказване) – в со-временном болгарском языке утверждал в своей ранней работе Л. Андрейчин (Andrejczin 1938). В последующей книге "Основна българска граматика" он систематически описал все ПФ, их обра-зование и употребление (Андрейчин 1944). Им отмечены и синте-тические ПФ СН. Заслуга Л. Андрейчина состоит также в том, что он впервые – в 1942 году – в школьном учебнике ввел в лингви-стику термины "пересказывательные формы" и "пересказывание" (Андрейчин 1942). Однако позднее Л. Андрейчин принимает идею А. Теодорова-Балана о четвертом – пересказывательном – на-клонении, что нашло отражение, в частности, и в написанном им разделе в сравнительно недавно опубликованной Академической грамматике болгарского языка (Граматика 1983, 351–366). Та-кую же позицию занимал Ю.С. Маслов (Маслов 1956; 1956а; 1981, 192–193, 270–288). Как уже упоминалось, Ю.С. Маслов допускал существование в болгарском языке и еще одного наклонения – конъюнктива, в то же время справедливо замечая, что пересе-чение конъюнктива с "пересказывательным наклонением" (напри-мер, в формах типа *да правел, да сме били пишли*) "ставит конъюнктив в особое положение", ибо категориальные формы од-ной грамматической категории не могут пересекаться (Маслов 1981, 193, 288).

В российской болгаристике фундаментальные исследования ПФ принадлежат Е.И. Деминой (Демина 1959; Демина 1960; Дъ-мина 1970; Демина 1973; Демина 1974; Демина 1976; Demina 1978). Центральное место в ее работах занимает обстоятельный анализ употребления ПФ в различных контекстах. На основе этого анали-за определяется их категориальное значение – вторичность ин-формации о действии, по которому они противопоставляются НПФ. Е.И. Демина справедливо замечает несостоятельность определе-ния ПФ как форм ПН. Так, она показала, что императив и СН, с одной стороны, и "пересказывательное наклонение", с другой, противопоставляются изъявительному по разным основаниям. ПФ

могут иметь и изъявительное, и императивное, и сослагательное значения. Но вопреки очень многим справедливым заключениям и тонким наблюдениям, Е.И. Демина в своей первой работе еще не делает определенного вывода о том, что пересказывание представляет собой особую грамматическую категорию; она говорит лишь о противопоставлении систем первичных (непересказываемых) наклонений системе вторичных (пересказываемых) наклонений. Однако в сущности из анализа, проделанного Е.И. Деминой, следует, что пересказывание – это отдельная грамматическая категория. Члены данной категории противопоставляются по "принципиально новому признаку значения" – это "указание на первичный или вторичный характер оценки говорящим лицом отношения действия к действительности" (Демина 1959, 359).

Труды Е.И. Деминой оказались очень плодотворными, под их влиянием, а также с учетом идей Р. Якобсона (Jakobson 1957) и В. Георгиева (Георгиев 1957) в последующем ряд болгарских лингвистов сделал попытки прояснить явление пересказывания в болгарском и других балканских языках. Особого внимания заслуживают работы Св. Иванчева (Иванчев 1978, 80–91), Й. Пенчева (Пенчев 1957), В. Станкова (Станков 1967; 1969; 1981), Г. Герджикова (Герджиков 1977; 1982; 1983; 1984); Ив. Куцарова (Куцаров 1984; 1979; 1978; 1983; 1985). Наиболее интересными представляются исследования Ив. Куцарова и Г. Герджикова.

Ив. Куцаров, вслед за Е.И. Деминой, не считает, что ПФ относятся к грамматической категории наклонения, т.е. отрицает наличие ПН, ибо при пересказе речь идет не об отношении действия к действительности, не о его реальности или нереальности. ПФ могут выражать и реальные и нереальные действия, информация о которых не является прямой. Кроме изъявительных форм, есть императивные и сослагательные ПФ. Это свидетельствует о неверности интерпретации их как форм наклонения, так как в противном случае оказалось бы, что в одной и той же морфологической форме пересекаются два разных члена одной и той же грамматической категории (ПН и СН, ПН и императивное наклонение), а это, как уже давно доказано в лингвистике, невозможно (Смирницкий 1959, 8–9). Обсуждаемую морфологическую категорию пе-

рассказывания Ив. Куцаров называет "видом высказывания о действии". Название категории может быть и иным, это вопрос второстепенный. Данная категория выражает отношение говорящего к высказыванию о действии, которое может быть двух видов – пересказывательным или непересказывательным.

Как уже упоминалось, Ив. Куцаров отличается от других грамматистов тем, что среди косвенных наклонений болгарского языка он различает умозаключительное наклонение. К формам этого наклонения он относит, в частности, формы так наз. усиленного или эмфатического пересказа, утверждая, что бессмысленно говорить о более или менее сильной степени пересказывательности. Так наз. формы усиленного пересказа – это формы, выражающие значение пересказывательности и субъективности, характерной для умозаключительного наклонения. Ив. Куцаров усматривает следующие ПФ умозаключительного наклонения: *пишел бил* – наст. и имперфект, *писал бил* – аорист, *щял бил да пише* – буд. и буд. в прош. *щял бил да е (бъде) писал (пишел)* – буд. предварит. и буд. предварит. в прош. в акт. залоге и *щял бил да е писан* – буд., буд. предварит., буд. в прош. и буд. предварит. в прош. в пас. залоге. Из-за практической невозможности двукратного употребления причастия *бил* в рамках одной и той же формы нет ПФ, которые должны соответствовать НПФ умозаключительного наклонения *бил е писал* – перфект и плюсквамперфект акт. залога и *бил е писан* – наст., имперфект, аорист, перфект и плюсквамперфект пас. залога.

Суммируя выводы ряда исследователей, в том числе Е.И. Деминой, Ив. Куцаров пишет, что значения сомнения, недоверия или сдержанности в отношении к действию не присущи ПФ в изъявительном наклонении. Эти значения передаются другими языковыми средствами, они появляются в определенном контексте и под влиянием интонации. Например, в выражениях *Нямали пари!* и *Няма пари!* ‘У него нет денег!’, произнесенных с интонацией сомнения и недоверия, одинаково ощущается значение сомнения и недоверия, несмотря на различие глагольных форм (*нямал* – ПФ, *няма* – НПФ). Как известно, значение морфологической категории не может зависеть от контекста и интонации. Так что, Ив. Куцаров,

очевидно, прав в утверждении, что содержащееся в ПФ косвенных наклонений субъективно-модальное значение сомнения, недоверия по отношению к действию входит в семантику самих этих наклонений, а не в семантику пересказывания. Например, умозаключительные ПФ (которые, как упоминалось, нередко называют усиленными ПФ) типа *бил пишел, щял бил да пише* и т.п. действительно выражают субъективное отношение говорящего к реальности называемого действия (нет убежденности в его реальности), но не потому, что это ПФ, а потому, что это формы умозаключительного наклонения, для которого названное значение является категориальным.

Грамматический статус ПФ в македонском языке такой же, как в болгарском, – это формы особой модальной категории пересказывания, отличной от категории наклонения (Усикова 1985, 94, 104–106).

В связи с категорией пересказывания обычно рассматривают так наз. адмиратив и дубитатив. Категориальная сущность адмиратива в современном болгарском (а также македонском) языке с давних пор и по сей день вызывает споры. Речь идет о глагольных формах, совпадающих с пересказывательными и употребляемых в предложениях типа *Aх, то валило!* ‘Оказывается, пошел дождь!’ для выражения удивления и пр. при назывании неожиданного для говорящего действия. Л. Андрейчин не видел здесь особого наклонения, он считал эти формы пересказывательными, но без значения пересказывательности (Андрейчин 1944, 310–311). Ю.С. Маслов же относил адмиративное значение к одному из значений ПФ, т.е. говорил о грамматической полисемии (Маслов 1956, 312–313). Много внимания адмиративу уделяет Е.И. Демина (Демина 1959). Она ограничивает "адмиративные формы" как от умозаключительных, так и от пересказывательных и предлагает рассматривать адмиратив в качестве особой по своему значению и некоторым формальным признакам (имея в виду последовательное отсутствие вспомогат. глагола в ед. и мн.ч. З л.) группу форм, относящихся к изъявительному наклонению. Е.И. Демина подчеркивает, что в случае употребления адмиративных форм говорящему безразлично, узнал ли он о действии с чужих слов, из собственного опыта или в ре-

зультате умозаключения; с помощью адмиратаива он передает только свое эмоциональное отношение к неожиданности для него данного факта. Г. Герджиков определяет адмиративное значение как одно из значений непересказываемых субъективных форм (Герджиков 1977; 1982; 1984).

Наиболее убедительной представляется позиция Ив. Куцарова, который справедливо замечает, что адмиратив не имеет собственных формальных признаков, ибо особенности, указанные Е.И. Деминой, характерны и для ПФ. Следовательно, формально адмиратив не отличается от пересказывания, но не имеет общей с ним семантики (Куцаров 1984). Ив. Куцаров считает (и его позиция представляется убедительной), что в случае адмиратаива имеет место использование ПФ в несвойственной им функции, т.е. фактически указывает на транспозицию пересказываемости, не прибегая однако к этому термину. Пересказываемые формы в таком случае не выражают пересказываемости, они употребляются для передачи особого модального значения — удивления, при этом всегда сопровождаются другим модальным средством — адмиративной интонацией. Чаще всего в адмиративной функции используется глагол *съм*. По подсчетам Ив. Куцарова, в 88% случаев наличия адмиративного значения обнаруживаются формы этого глагола, например, *Та ти си бил жив!* (Ив. Вазов) ‘И ты жив!'; *Виж, каква била пустата му работа!* (Г. Караславов) ‘Посмотри, какой пустой оказалась его работа!' и т.д. В адмиративной функции часто употребляются также ПФ глагола *имам* (11% в материале Ив. Куцарова): *Боже мой, какви низости имало на света!* (Ив. Вазов) ‘Боже мой, какие на свете существуют низости!'; *Ex, че пари имал!* (Г. Караславов) ‘Ну и денег же у него!'. На остальные глаголы приходится всего 1 оставшийся процент.

Таким образом, нельзя не согласиться с Ив. Куцаровым, что об особом косвенном адмиративном наклонении говорить не приходится.

Много споров вызывает также проблема дубитатива в болгарском и македонском языках. Грамматисты отмечают в значении некоторых ПФ (формах так наз. усиленного пересказа = ПФ конклюзива) такие оттенки, как сомнение, недоверие, неодобритель-

ность, сдержанность – дубитативность – в отношении говорящего к называемому действию. Отсюда нередко делается вывод о существовании еще одной категориальной формы наклонения – дубитатива. Например, Л. Андрейчин писал, что формы так наз. усиленного пересказа обыкновенно употребляются, когда говорящий относится с сильным недоверием, неодобрением или иронией к чужим словам, которые передает (Л. Андрейчин 1944, 267). Противопоставление "дубитативность – недубитативность", передаваемое усиленными и обычными ПФ, обсуждает Г. Аронсон (Аронсон 1974, 87). Ив. Кузаров (Кузаров 1984) объясняет присутствие дубитативного нюанса в формах так наз. усиленного пересказа тем, что это формы косвенного субъективного (умозаключительного) наклонения; здесь значение дубитативности входит в семантику именно этого наклонения, а не пересказывательности. Обсуждаемый нюанс привносится также особой – дубитативной – интонацией и использованием дополнительно особых лексических единиц. При этом дубитативная интонация и специальные лексические единицы могут употребляться с указанным эффектом при любых ПФ, усиленных и обычных. Ив. Кузаров приводит большое количество примеров использования дубитативной интонации с 1) ПФ изъявит. наклонения (обычными): *Не можел, че не можел!* (Е. Станев) ‘Не мог-де, значит-де не мог!’ и 2) ПФ умозаключит. наклонения (усиленными): *Ня- мало было война!* (Й. Йовков) ‘Словно не было войны!’ и пр. (Кузаров 1984, 72–73). Наиболее типичными лексическими единицами с дубитативным значением, которые Ив. Кузаров называет дубитативными модификаторами, являются частицы *уж* и *май*: *И уж руснаци не искали война, уж щели да сключат мир* (Г. Караславов) ‘И русские будто бы не хотели войны, будто бы стремились заключить мир’ – ПФ в изъявит. наклонении; *Че уж бил паднал вече, а?* (Й. Йовков) ‘Будто бы он погиб, а?’ – ПФ в умозаключит. наклонении; *Тя май била нещо болна* (Д. Талев) ‘Она вроде болела’ – ПФ в умозаключит. наклонении. Частица *уж* может употребляться и при НПФ, придавая ей значение сомнения, недоверия, что еще раз подтверждает, что дубитативность не есть категориальное значение ПФ: *Той често твой искаше пари, само да за покаже, че уж ня-*

ма (Й. Йовков) ‘Он так часто просил денег, чтобы показать, что у него будто бы их нет’. Все это служит дополнительным свидетельством в пользу мнения, что нет оснований выделять особое дубитативное наклонение.

Не только дубитативная семантика, но и собственно пересказывательное значение (вторичность информации о действии) может выражаться в болгарском языке с помощью не грамматических, а некоторых лексических и интонационных средств. Как уже говорилось выше, во всех славянских, кроме болгарского и македонского, и в большинстве европейских языков значение пересказывательности манифестируется только последним способом. В болгарском же возможны грамматический (морфологический), интонационный, лексический и смешанный (грамматическая форма + интонация и/или лексема) типы реализации категориальной семантики пересказывания. К числу лексических средств относятся: 1) частицы (*кай*, *каже*), которые могут сочетаться и с ПФ и с НПФ глагола, например, *Андрей, кай, ще намери пари* (Й. Йовков) ‘А., говорит, найдет деньги’ (*ще намери* – НПФ); *Обичал, кай, българите* (А. Константинов) ‘Он, говорит, любит болгар’ (*обичал* – ПФ); 2) формы глаголов *dicendi*, например, *Инак, казват, ня мало никакъв колай* (М. Георгиев) ‘Иначе, говорят, не было никакого способа’ (*ня мало* – ПФ); *Всички, дума, са приготвили и те чакат* (Чудомир) ‘Все, говорит, приготовились и ждут тебя’ (*са приготвили* – НПФ); 3) некоторые предложные сочетания, например, *Песента, според Дамянча, изражавала сърдечната любов на графа към графинята* (Ив. Вазов) ‘Песня, по мнению Д., выражала сердечную любов графа к графине’ (*изражавала* – ПФ); *Едно бешелошо, според Рахни, ядеше много* (Й. Йовков) ‘Одно было плохо, по мнению Р., ешь слишком много’ (*ядеше* – НПФ). Неграмматические средства, используемые для выражения значения пересказывательности в разных языках, подробно описаны в работах Ив. Куцарова (Куцаров 1984, 55–63; 1978а; 1978б; 1978в; 1985).

Интерес к ПФ и их грамматическому статусу в болгарском языке характерен не только для болгарских и российских лингвистов. Большое количество интересных работ по этим проблемам опубликовано также в других странах (Ślawski 1954; Aronson 1967;

Aronson 1982; Валтер 1982; Валтер 1982а; Weigand 1925; Debraekeleer 1966; Friedman 1982; Roth 1979 и мн. др.).

В связи с проблемой места ПФ в грамматической системе языка вообще и адмиратива и дубитатива в частности очень интересна концепция грамматических категорий болгарского глагола, предложенная Г. Герджиковым (Герджиков 1984). Согласно Г. Герджикову, существует модальная категория "модус высказывания о действии" (не тождественная категории наклонения), которая выражает отношение говорящего к высказыванию о действии и к связи между высказыванием о действии и действительностью, в то время как категория наклонения (тоже модальная категория "модус действия") выражает отношение говорящего к действию и действия к действительности. Категория "модус высказывания о действии" состоит из 4-х членов: 1) удостоверительный модус (например, в рамках 3 л. ед.ч. имперфекта *четеше*), 2) умозаключительный модус (*четял е*), 3) пересказывательный модус (*четял*) и 4) недоверительный модус (*четял бил*). Эта категория образуется противопоставлениями по признакам пересказывательность/непересказывательность и субъективность/несубъективность. Соответственно удостоверительная форма *четеше* выражает непересказывательность и несубъективность, пересказывательная форма *четял* – пересказывательность и несубъективность, умозаключительная *четял е* – непересказывательность и субъективность, недоверительная *четял бил* – пересказывательность и субъективность. Категория же наклонения, по Г. Герджикову, состоит из 3-х членов: 1) индикатив, 2) императив и 3) условное (= сослагательное) наклонение. Г. Герджиков не исключает существования также четвертого наклонения – конъюнктива. Категории "модус высказывания о действии" и "модус действия" пересекаются. Так, в удостоверительном модусе возможны все наклонения, в пересказывательном модусе – изъявительное, аналитическое повелительное, синтетическое сослагательное, в недоверительном – изъявительное и конъюнктив. Те глагольные формы, которые Ю.С. Маслов и Ив. Куцаров относят к умозаключительному наклонению, Г. Герджиков считает принадлежащими умозаключительному и недовери-

тельному модусам. В вопросе о темпоральной парадигме членов категории "модус высказывания о действии" Г. Герджиков первый научно обоснованно объяснил причину отсутствия некоторых временных форм в пересказывательном и умозаключительном модусах. Он показал, что маркированные члены противопоставлений (ПФ маркированы по отношению к НПФ, субъективные маркированы по отношению к несубъективным) имеют редуцированную темпоральную парадигму, так как в них, согласно принципу компенсации, снимается оппозиция по временной относительности/неотносительности. Этот существующий в языках принцип требует устранения избыточности семантических противопоставлений — там, где есть признак пересказывательности (пересказывательный и недоверительный модусы), устраивается противопоставление по признаку временной относительности. Например, в удостоверительном (непересказывательном) модусе различаются формы наст. вр. и имперфекта (*пише* и *пишеше*), а ПФ не знают такого различия, там двум названным временными формам соответствует лишь одна (*пишел*); перфект и плюсквамперфект имеют одно пересказывательное соответствие (*бил писал*), буд. и буд. в прош. — одно пересказывательное соответствие (*щял да пише*) и пр.

Несмотря на очевидную серьезность и оригинальность работ Г. Герджикова, его идея о некоторой особой четырехчленной категории "модус высказывания о действии", включающей наряду с удостоверительным и пересказывательным умозаключительный и недоверительный модусы и трехчленную категорию наклонения (без конклюзива), представляется все же недостаточно убедительной. Ставшее широко распространенным мнение о том, что в болгарском языке есть четыре категориальные формы наклонения (прямое — индикатив и косвенные — императив, сослагательное и конклюзив) имеет гораздо более прочное обоснование.

Для проблематики категории пересказывания в современном болгарском языке чрезвычайно важным является вопрос о ее происхождении. Этот вопрос был и остается дискуссионным. Более того, мало вероятно, что он будет окончательно решен в ближайшее время. Первым заговорил о происхождении пересказывания Й. Трифонов. Он считал, что это чисто болгарское явление. Б. Цо-

нев высказывал предположение, что ПФ появились под влиянием турецкого языка (Цонев 1937). Разногласия по вопросу о происхождении ПФ в болгарском языке особенно ярко проявились на ученой сессии "История языка в связи с историей народа", организованной Институтом болгарского языка и Софийским университетом в 1952 году (Известия 1952). Л. Андрейчин настаивал на гипотезе о турецком влиянии, ему возражал Г. Гылыбов, утверждавший, что пересказывание возникло в результате развития болгарского языка по его внутренним законам. К. Мирчев был убежденным сторонником турецкого влияния (Мирчев 1958, 210–219). Такого же мнения придерживался В. Георгиев (Георгиев 1957). Специальную работу, имеющую целью доказать турецкое влияние на происхождение болгарских ПФ, позднее опубликовал Р. Леч (Леч 1971).

Все упомянутые лингвисты оперировали преимущественно гипотезами, во всяком случае, они не приводили убедительных доводов, основанных на исследованиях достаточно большого языкового материала. Г. Попов же предпринял попытку анализа обширных текстов, именно, влахо-болгарских грамот XIV–XVI вв. Это исследование дало ему возможность сделать вывод, что обсуждаемые формы структурно и семантически возникли в болгарском языке еще до турецкого нашествия, но турецкий язык при этом косвенно помогал их развитию, выступая в роли катализатора (Попов 1976). Серьезные работы, посвященные истории становления и развития ПФ в болгарском языке, принадлежат Е.И. Деминой. Анализируя тексты новоболгарских дамаскинов XVII–XVIII вв., она обнаружила, что оппозиция пересказывательность/непересказывательность в это время ограничивалась сферой прошедшего. Эти основанные на фактическом языковом материале свидетельства существования категории пересказывания в XVII веке, хотя и лишь в рамках прошедших времен, позволяют говорить о ее появлении значительно раньше XVII века. Е.И. Демина считает разумным искать происхождение специфической системы модальных категорий современного болгарского языка (категорий пересказывания, конклюзива) во всей сложной ситуации много вековых языковых контактов на Балканском полуострове (Демина

1960; 1973; 1974; 1976; 1993; Дъомина 1970). Г. Герджиков, давая собственное толкование известным фактам староболгарских памятников, утверждает, что категория пересказывания возникла в XII-XIII вв. и исключает влияние турецкого языка (Герджиков 1983). Таким образом, из этого беглого обзора видно, что существуют по крайней мере три основные гипотезы происхождения ПФ – турецкая, собственно болгарская и баланская, каждая из которых имеет своих приверженцев и противников. В самое последнее время в Болгарии начинает преобладать компромиссная точка зрения (ее, в частности, придерживается Ив. Куцаров), что явление пересказывания развило в болгарском языке самостоятельно, но тюркское (и турецкое и протоболгарское) влияние сыграло роль катализатора в его развитии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрев косвенные наклонения и способы их выражения в славянских языках, можно прийти в следующим общим выводам:

1. Во всех славянских языках, в том числе в словацком, словенском и лужицких, здесь не рассматривавшихся, общепризнано наличие двух косвенных наклонений – императивного и сослагательного.
2. В болгарском языке можно признать существование еще одного косвенного наклонения – умозаключительного, или предположительного, или конклюзива.
3. В чешском, польском, сербскохорватском и отчасти болгарском различаются две серии модальных форм СН – сослагательное I и сослагательное II. В русском языке есть только одно СН.
4. Формы буд. в прош. в болгарском языке не могут быть отнесены к категории наклонения.
5. Существование условного наклонения (в двух разновидностях) в македонском языке вызывает сильные сомнения. Скорее это формы категорий времени и таксиса – будущего и будущего в прошедшем.

6. Принадлежность конъюнктива к категории наклонения в болгарском и македонском языках не доказана.

7. ПФ в болгарском и македонском составляют не одно из косвенных наклонений, а особую грамматическую категорию пересказывания.

8. Адмиратив и дубитатив в болгарском и македонском следует рассматривать как транспозицию ПФ.

9. Императив во всех славянских языках выражается в основном синтетически. Аналитическими его формами можно назвать, с большой степенью осторожности, лишь болгарские сочетания частиц *да* и *нека* со 2 л. ед. и мн.ч. и 1 л. мн.ч. наст.вр. и *недей/недейте* с "сокращенным инфинитивом". Сослагательное же наклонение во всех языках и конклюзив в болгарском выражаются аналитически. Только в болгарском есть некоторая СФ, которую ряд лингвистов относят к СН.

10. Во всех славянских языках основным компонентом АФ косвенных наклонений является глагольная форма на *-л/-l* (по происхождению — причастие).

11. В русском и македонском языках в качестве служебного компонента АФ СН используется неизменяемая частица (*бы* и *би*). В остальных языках вспомогательный глагол изменяется по лицам и числам.

12. В русском, чешском и польском образуются сращения служебного компонента АФ СН с некоторыми союзами и частицами. При этом в чешском и польском, где служебный компонент изменяется по лицам и числам, данные сращения также оказываются изменяющимися по лицам и числам. Ни в болгарском, ни в сербскохорватском, ни в македонском языках такие сращения не образуются.

Примечания

¹ Из разных названий этого косвенного наклонения ("условное", "потенциальное", "желательное" и пр.) предпочтительным представляется термин "сослагательное". Преимуществом этого термина является его отвлеченность: он не описывает значение данной формы, а лишь условно ее называет.

2 Употребляю термин "императив", чтобы избежать обсуждения вопроса о том, что лучше -- "повелительное", "побудительное", "оптативное" и пр. наклонение. В современной лингвистической литературе этот термин весьма распространен.

3 Там же (РГ II 1980, 111), в частности, сообщается, что в непринужденной речи в некоторых предложениях с *пусть* могут сочетаться формы *ее*, *его*, *их*, вносящие оттенок смягчения, некатегоричности: *Пусть его идет*; *Пусть их шумят*.

4 Почти все приведенные примеры с пересказывательными формами заимствованы из: Маслов 1981 и Куцаров 1984, 11.

5 Примеры заимствованы из: Маслов 1981, 241.

6 Большая часть примеров заимствована из: Чолакова 1958.

7 Примеры заимствованы из: Конески 1954, 157–158; Lunt 1952, 76, 86, 102; Усикова 1985, 202.

8 Ср. Волоцкая, Молошная, Николаева 1964, где морфема СН описывается как представленная двумя алломорфами II уровня (т.е. АФ): 1) морф *-л* + морф *бы* и 2) морф *#=* + морф *бы*.

9 Следует отличать союз *žeby* от союза *že* с подвижным *by*, так как они передают разные значения, ср. *P. tówitič, žeby on to zrobít* ‘Р. сказал, чтобы он это сделал’ и *P. tówitič, že on by to zrobít* ‘П. сказал, что он бы это сделал’.

10 Примеры заимствованы из: Усикова 1985, 102; Lunt 1952, 83, 89.

11 Ср. также позицию В.М. Иллича-Свитыча, не видевшего в македонском языке условного наклонения (Иллич-Свитыч 1963, 563, 566).

12 Впервые такая формулировка значения ПФ была предложена Е.И. Деминой (Демина 1959, 340, 356 и др.), в настоящее время она стала широко распространенной.

13 Приводимые здесь и далее примеры заимствованы у Ив.Куцарова (Куцаров 1984, 6 и др.).

14 В последней книге Ив. Куцарова (Куцаров 1985) формы названные в пунктах 7 и 9, не упоминаются. Очевидно, он счел все же возможным исключить их из рассмотрения как очень редкие.

15 Детальный обзор истории изучения ПФ болгарского глагола см. в: Демина 1959; Герджиков 1984; Куцаров 1979; Roth 1979; Молошная 1989.

ЛИТЕРАТУРА

- АГ 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Андрейчин 1942 – *Андрейчин Л.* Българска граматика за VI клас на общеобразователните училища. София, 1942.
- Андрейчин 1944 – *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. София, 1944.
- Андрейчин 1949 – *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Апресян 1988 – *Апресян Ю.Д.* Языковая аномалия и точки роста новых явлений//Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов и сообщений. М., 1988.
- Аронсон 1974 – *Аронсон Г.* Морфонология болгарского словоизменения. М., 1974.
- Арутюнова 1965 – *Арутюнова Н.Д.* О критерии выделения аналитических форм//Аналитические конструкции в языках различных типов. М.–Л., 1965.
- Бирюлин, Храковский 1991 – *Бирюлин Л., Храковский В.* Параметрическая славянская императива с общетипологических позиций //Slavica, 89. Problemy teoretyczno-metodologiczne badań konfrontatywnych języków słowiańskich. Warszawa, 1991.
- Бирюлин, Храковский 1992 – *Бирюлин Л.А., Храковский В.С.* Повелительные предложения: проблемы теории//Типология императивных конструкций. С.–Петербург, 1992, с. 5–50.
- Бондарко 1967 – *Бондарко А.В.* К проблематике функционально-семантических категорий//Вопросы языкоznания, 1967, № 2.
- Бондарко 1971 – *Бондарко А.В.* Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1976 – *Бондарко А.В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1984 – *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко 1987 – *Бондарко А.В.* Введение: Основания функциональной грамматики//Теория функциональной грамматики:

- Введение: Аспектуальность: Временная локализованность: Таксис. Л., 1987.
- Бондарко 1990 – *Бондарко А.В.* Темпоральность//Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность. Л., 1990.
- Бондарко, Буланин 1967 – *Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Валтер 1982 – *Валтер Х.* Към проблемата за темпоралната и модалната семантика на така наречените "преизказни форми" в българския книжовен език//Езиковедската българистика в ГДР. София, 1982.
- Валтер 1982а – *Валтер Х.* За отношението между адмиративно и ренаративно значение при т. нар. "преизказни форми" в съвременния български език//Езиковедската българистика в ГДР. София, 1982.
- Валтер 1989 – *Валтер Х.* По въпроса за наклоненията в съвременния български книжовен език//Език и литература, 1989, № 1.
- Вержицка 1985 – *Вержицка А.* Речевые акты//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
- Виноградов 1938 – *Виноградов В.В.* Современный русский язык. Вып. II. М., 1938.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык. М.–Л., 1947.
- Виноградов 1975 – *Виноградов В.В.* О категориях модальности и модальных словах в русском языке //Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
- Володин, Храковский 1985 – *Володин А.П., Храковский В.С.* Падигма русского императива//Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 719, 1985.
- Волоцкая, Молошная, Николаева 1964 – *Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме. М., 1964.
- Генадиева-Мутафчиева 1970 – *Генадиева-Мутафчиева З.* Подчинителният съюз *да* в съвременния български език. София, 1970.

- Георгиев 1934 – *Георгиев Вл.* Отрицателната заповѣдъ въ гръцки, латински, български, староиндийски и инюнктивът//Годишникъ на Софийския ун-тъ, кн. XXXI, 4, София, 1934.
- Георгиев 1957 – *Георгиев В.* Възникване на нови сложни глаголни форми със спомагателен глагол "имам" //Известия на Института за български език, 1957, № 5.
- Герджиков 1977 – *Герджиков Г.* Една специфична глаголна категория в съвременния български книжовен език//Годишник на Софийския ун-т, ф-т по славянски филологии, 1976, LXIX, № 2. София, 1977.
- Герджиков 1982 – *Герджиков Г.* Тъй нареченото преизказване и въпросът за модалните категории, които глаголът може да притежава//Съпоставително езикознание, 1982, № 4.
- Герджиков 1983 – *Герджиков Г.* Хронология на преизказването на глаголното действие в българския език//Първи международен конгрес по българистика. Доклади. Исторически развой на българския език. I. София, 1983.
- Герджиков 1984 – *Герджиков Г.* Перизказването на глаголното действие в българския език. София, 1984.
- Граматика 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. II. Морфология. София, 1983.
- Демина 1959 – *Демина Е.И.* Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке //Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Демина 1960 – *Демина Е.И.* Система прошедших времен в новоболгарских текстах XVII–XVIII вв. //Учен. зап. Ин-та славяноведения, 1960. Т. XIX.
- Демина 1973 – *Демина Е.И.* К вопросу о генезисе модальных категорий болгарского индикатива//Симпозиум по грамматической типологии современных балканских языков. Предварительные материалы. М., 1973.
- Демина 1974 – *Демина Е.И.* Место прошедших времен в системе модальных оппозиций болгарского индикатива//В памет на проф. Ст. Стойков. Езиковедски изследвания. София, 1974.

- Демина 1976 – *Демина Е.И.* Опыт диахронического подхода к одному из явлений языковой интерференции на грамматическом уровне //Linguistische Studien. Reihe A, Arbeitsberichte 29/1. Berlin, 1976.
- Демина 1993 – *Демина Е.И.* К проблеме интерференции на грамматическом уровне //Типологические и сопоставительные методы в славянском языкоznании. М., 1993.
- Долинина 1992 – *Долинина И.Б.* Императивная парадигма: содержательная структура и механизм маркировки //Типология императивных конструкций. С.-Петербург, 1992, с. 275–284.
- Дъомина 1970 – *Дъомина Е.* Към историята на модалните категории на българския глагол//Български език, 1970, № 5.
- Ермакова 1973 – *Ермакова М.И.* Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. М., 1973.
- Зенчук 1971 – *Зенчук В.Н.* Отрицательные императивные конструкции в сербохорватском и других славянских языках//Вестник ЛГУ, 1971, № 8.
- Иванова 1963 – *Иванова К.* Остатъци от употребата на глаголи от свършен вид в отрицателна императивна форма //Български език, 1963, № 6.
- Иванова, Лашкова 1978 – *Иванова К., Лашкова Л.* Граматичните категории като средство за изразяване на субективна модалност в славянските езици//Славянска филология. Т. 15. София, 1978.
- Иванчев 1963 – *Иванчев Св.* Видово-надстроечни категории в системата на славянския глагол//Славистични студии. София, 1963.
- Иванчев 1978 – *Иванчев Св.* Приноси в българското и славянското езикоzнание. София, 1978.
- Ивић 1958 -- *Ивић М.* Употреба вида у словенском императиву с негацијом//Славянская филология. II. М., 1958.
- Ивић – *Ивић М.* Диференцијалне синтактичке особине у словенском језичком свету//Годишњак филоз. ф-та у Новом Саду, 1960, V.
- Известия 1952 – Известия на Института за български език. Т. II. София, 1952.

- Иллич-Свитыч 1963 – *Иллич-Свитыч В.М.* Краткий грамматический справочник//Македонско-русский словарь. М., 1963.
- Исаченко 1957 – *Исаченко А.В.* К вопросу об императиве в русском языке//Русский язык в школе, 1957, № 6.
- Исаченко 1960 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
- Конески 1954 – *Конески Б.* Граматика на македонскиот лите-турен јазик. Дел II. Скопје, 1954.
- Кузнецов 1952 – *Кузнецов П.С.* Глагол //Современный русский язык. Морфология. М., 1952.
- Куцаров 1978 – *Куцаров Ив.* Функционално-семантични полета на категорията преизказност в славянските езици//Славянска филология. Т. 15. София, 1978.
- Куцаров 1978а – *Куцаров Ив.* Преизказни модификатори в южните славянски езици //Съпоставително езикознание, 1978, № 4.
- Куцаров 1978б – *Куцаров Ив.* Преизказни модификатори в източните славянски езици //Съпоставително езикознание, 1978, № 5.
- Куцаров 1978в – *Куцаров Ив.* Преизказни модификатори в западните славянски езици //Съпоставително езикознание, 1978, № 6.
- Куцаров 1979 – *Куцаров Ив.* Граматичната категория преизказност/непреизказност в съвременния български език//Годишник на Софийския ун-т, ф-т по славянски филологии, 1977. Т. LXX, № 1. София, 1979.
- Куцаров 1983 – *Куцаров Ив.* По въпроса за дефинирането на глаголните морфологични категории в съвременния български език//Български език, 1983, № 2.
- Куцаров 1984 – *Куцаров Ив.* Преизказването в българския език. София, 1984.
- Куцаров 1985 – *Куцаров Ив.* Очерк по функционално-семантична граматика на българския език. Пловдив, 1985.
- Куцаров 1986 – *Куцаров Ив.* За мястото на т. нар. перфектоподобни форми в морфологичната система на съвременния български език//Годишник на Софийская ун-т, ф-т по славянски филологии, 1985. Т. LXXIV, № 1. София, 1986.

- Куцаров 1987 – *Куцаров Ив.* Българският конклузив и функционалните му еквиваленти в белоруския език//Съпоставително езикознание, 1987, № 1.
- Куцаров 1990 – *Куцаров Ив.* Конклузивът е четвъртото наклонение на българския глагол //Научни трудове на Пловдивския университет, 1990, т. 28, кн. 1 – Филология.
- Леч 1971 – *Леч Р.* О специфическом характере грамматической интерференции, связанной с происхождением так называемых пересказывательных форм болгарского языка //Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Мартынов 1982 – *Мартынов В.М.* Категории языка. М., 1982.
- Маслов 1956 – *Маслов Ю.С.* К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения //Сборник в честь на А. Теодоров-Балан. София, 1956.
- Маслов 1956а – *Маслов Ю.С.* Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
- Маслов 1981 – *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Мирчев 1958 – *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.
- Молошная 1989 – *Молошная Т.Н.* Категория пересказывания болгарского глагола//Советское славяноведение, 1989, № 2.
- Молошная 1990 – *Молошная Т.Н.* К вопросу о так называемых аналитических формах императива в русском языке // Russian Linguistics, 1990, v. 14, № 1.
- Молошная 1990а – *Молошная Т.Н.* Аналитические формы сослагательного наклонения в славянских языках. //Вопросы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
- Молошная 1991 – *Молошная Т.Н.* Аналитические формы косвенных наклонений в славянских языках //Советское славяноведение, 1991, № 4.
- Молошная 1991а – *Молошная Т.Н.* Аналитические формы косвенных наклонений в современном болгарском литературном языке // Болгаристика в системе общественных наук. Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной конференции по болгаристике. Харьков, 1991.

- Молошная 1992 – *Молошная Т.Н.* Об аналитических формах императива в славянских языках. //Slavica, 97. Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich. Warszawa, 1992.
- Молошная 1992а – *Молошная Т.Н.* Косвенные наклонения в славянских языках //Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции. М., 1992.
- Ницолова 1974 – *Ницолова Р.* Към въпроса за транспозицията на императива в български и другите славянски езици //Български език, 1974, № 6.
- Пенчев 1967 – *Пенчев Й.* Към въпроса за времената в съвременния български език //Български език, 1967, № 2.
- Пете 1991 – *Пете И.* Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных побудительных предложиях //Съпоставително езикознание, 1991, № 2.
- Попов 1968 – *Попов К.* Българският повествователен императив// Известия на Института за български език, 1968, кн. XVI.
- Попов 1976 – *Попов К.* Нови данни за произхода на преизказните глаголни форми в българския език //Език и литература, 1976, № 6.
- Попов 1976а – *Попов К.* По въпроса за "българския конюнктив" // Помагало по българска морфология. София, 1976.
- Попова, Ницолова 1978 – *Попова В., Ницолова Р.* Към въпроса за транспозициите на императива в славянските езици //Славянска филология. Т. 15. София, 1978.
- Първев 1958 – *Първев Хр.* Из "предисторията" на проблемата за преизказното наклонение //Български език, 1958, № 4–5.
- РГ I 1980 – Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- РГ II 1980 – Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
- Смирницкий 1956 – *Смирницкий А.И.* Аналитические формы //Вопросы языкознания, 1956, № 2.
- Смирницкий 1957 – *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий 1959 – *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.

- Станкевич 1974 – *Станкевич Э.* Апеллятивные формы (вокатив и императив) в болгарском языке // В памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974.
- Станков 1967 – *Станков В.* Категория на индикатива в съвременния български език // Български език, 1967, № 4.
- Станков 1969 – *Станков В.* Българските глаголни времена. София, 1969.
- Станков 1981 – *Станков В.* Стилистични особености на българския глагол. София, 1981.
- Стевановић 1974 – *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. II. Синтакса. Београд, 1974.
- Стойков 1968 – *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 1968.
- Теодоров-Балан 1886–1887 – – *Теодоров-Балан А.* Неуспехът по българския език в нашите училища // Периодическо списание на Българско книжовно дружество. Кн. 21–22. Средец, 1886–1887.
- Теодоров-Балан 1940 – *Теодоров-Балан А.* Нова българска граматика. София, 1940.
- Теодоров-Балан 1957 – *Теодоров-Балан А.* Четвърто наклонение// Български език, 1957, № 4.
- Трифонов 1905 – *Трифонов Й.* Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола *съм* в новобългарския език // Периодическо списание на Българско книжовно дружество. Кн. 66. София, 1905.
- Употребление глаголов движения 1967 – Употребление глаголов движения в русском языке. Изд-во МГУ. М., 1967.
- Усикова 1985 – *Усикова Р.П.* Македонский язык. Скопје, 1985.
- Храковский 1980 – *Храковский В.С.* Соотношение модальных и временных компонентов высказывания // *Oázky slovanské syntaxe*. IV/2. Вгпо, 1980.
- Храковский 1988 – *Храковский В.С.* Императивные формы ИСВ и СВ в русском языке и их употребление // *Russian Linguistics*, 1988, v. 12, № 3.
- Храковский 1990 – *Храковский В.С.* Повелительность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность. Л., 1990, с. 185–238.

- Храковский, Володин 1986 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.
- Цонев 1937 – *Цонев Б.* История на български език. Т. III. София, 1937.
- Чолакова 1958 – *Чолакова Кр.* Частиците в съвременния български книжовен език. София, 1958.
- Шахматов 1952 – Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М., 1952.
- Широкова 1988 – *Широкова А.Г.* Сопоставительное изучение структурных и функциональных особенностей неполнознаменательных частей речи в славянских языках //Вестник МГУ. Сер. 9 Филология, 1988, № 4.
- Шишков 1872 – *Шишков Т.* Начална българска граматика. Търново-Цариград, 1872.
- Якобсон 1972 – *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол //Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Andrejczin 1938 – *Andrejczin L.* Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej //Prace Komisji Językowej PAU. Kraków, 1938.
- Aronson 1967 – *Aronson H.* The grammatical categories of the indicative in contemporary Bulgarian literary language //To Honor Roman Jakobson. The Hague-Paris, 1967.
- Aronson 1982 – *Aronson H.* On “naturalness” and structure in the contemporary Bulgarian literary language //International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1982, v. XXV–XXVI, p.51–63.
- Bąk 1978 – *Bąk P.* Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1978.
- Cankoff 1852 – *Cankoff A. und D.* Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.
- Debraekeleer 1966 – *Debraekeleer R.* Une catégorie verbale complexe et originale du bulgare moderne: Le mode de la “Narration indirecte” //Extrait de L’Annuaire de l’Institut de Philologie et d’Histoire Orientales et Slaves. T. XVII. Bruxelles, 1966.
- Demina 1978 – *Demina J.* Theoretische Aspekte des Probleme der vergleichenden Sprachuntersuchung //Linguistische Arbeitsberichte. 20. Leipzig, 1978.

- Friedman 1982 – Friedman V. Reportedness in Bulgarian: Category or stylistic variant //International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1982, v. XXV–XXVI, p. 149–164.
- Grammatik 1980 – Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart, verfasst von H. Fasske unter Mitarbeit von S. Michałk, Bautzen, 1980.
- Grochowski 1986 – Grochowski M. Polskie partykuły. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1986.
- Jakobson 1957 – Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Harvard, 1957. Рус. пер. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол//Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Karlík 1980 – Karlík P. K problematice optativnosti //Otázky slovenské syntaxe. IV/2. Brno, 1980.
- Lehfeldt 1979 – Lehfeldt W. Zur Bestimmung der Imperativformen im Russischen //Slavistische Beiträge. Bd. 133. München, 1979.
- Lehfeldt 1981 – Lehfeldt W. К определению множества словоформ повелительного наклонения в современном русском литературном языке //Russian Linguistics, 1981, v. 5, p. 267–285.
- Lunt 1952 – Lunt H. A Grammar of the Macedonian Literary Language. Skopje, 1952.
- Orzechowska 1974 – Orzechowska H. Zachodniosłowiańskie opisowe formy zakazu – powiązanie z grupą języków południowo-słowiańskich // В памет на проф. Ст. Стойков. София, 1974.
- Orzechowska 1977 – Orzechowska H. Elementy struktury analitycznej i syntetycznej w systemie czasownika polskiego /Kategorie verbalne w języku polskim i bułgarskim. Materiały na konferencję naukowa polsko-bułgarska, w Warszawie 23–25.XI. 1977. Warszawa, 1977.
- Puzynina 1971 – Puzynina J. Jeden tryb czy dwa tryby? //Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1971, z. XXIX, f. XXIX.
- Rieger 1957 – Rieger J. O partykułach //Język polski, 1957, XXXVII, № 3.
- Roth 1979 – Roth J. Die indirekten Erlebnisformen im Bulgarischen. München, 1979.

- Ślawski 1954 – *Ślawski Fr.* Gramatyka języka bułgarskiego. Warszawa, 1954.
- Šuster-Šewc 1968 – *Šuster-Šewc H.* Gramatika hornjoserbskej rěče. Budyšin, 1968.
- Troubezkoy 1975 – N.S. Troubezkoj's Letters and Notes. The Hague-Paris, 1975.
- Weigand 1925 – *Weigand G.* Der Admirativ im Bulgarischen //Balkan Archiv. Bd. I. Leipzig, 1925.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ (МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ) КАТЕГОРИИ
ВРЕМЕНИ И ТАКСИСА
В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Как известно, грамматическое глагольное время есть такая грамматическая категория, посредством форм которой определяется временное отношение между процессом, обозначенным данной формой глагола, и моментом данной речи, причем именно этот момент выступает в качестве нуля на линии времени. Категория времени конституируется в современных славянских языках категориальными формами настоящего, прошедшего и будущего. Такое положение в чистом виде наблюдается в современном русском. В других славянских языках так наз. временных форм больше. Например, в системе польского глагола, кроме наст. (*czytam*), прош. (*czytałem*) и буд. (*będe czytać/będe czytać*), сохраняется давнопрошедшее, или плюсквамперфект (*czytałem być*). Эта форма употребляется в современном польском сравнительно редко, но не исчезает. Сходная ситуация в чешском: наст. (*nesu*), прош. (*nesl jsem*), буд. (*budu něst*) и плюсквамперфект (*byl jsem nesl*). Последняя форма в разговорном языке не употребляется уже давно, а в книжном сохранялась вплоть до XX века (не без влияния иностранных языков).

В сербскохорватском и македонском языках парадигма категории времени включает гораздо большее число членов. В сербскохорватском это наст. (*tresem*), прош. сов. = аорист (*tresox*), прош. несов. = имперфект (*tresijax*), прош. неопределенное = перфект (*sam tresao*), давнопрош. = плюсквамперфект (*beх tresao/bio sam tresao*), буд. I (*ja ţu трести/трешѣу*), буд. II = буд. предварит. (*будем tresao*). В македонском обычно говорят о следующих временных формах: наст. (*пишам*), прош. сов. = аорист (*пишав*), прош. несов. = имперфект (*пишев*), прош. неопределенное = пер-

фект (*сум. пишал*), предпрош. = плюсквамперфект (*бев пишел*), буд. (*ке пишам*), буд. в прош. (*ке пишев*). Кроме того, в македонском имеются также перфект II и плюсквамперфект II – формы, образованные вспомогательным глаголом *има* + причастие на *-и/-т*: *имам видено* (перфект II), *сум имал видено* (плюсквамперфект II). Формы с *имам* имеют в целом те же значения, что и перфект I и плюсквамперфект I. Они характерны для западной группы говоров. Исследователи отмечают, что в литературном языке их употребление прогрессирует (Усикова 1985, 101).

В болгарском языке грамматисты насчитывают наибольшее количество форм времени – 9 членов временной парадигмы: наст. (*пиша*), прош. сов. = аорист (*писах*), прош. несов. = имперфект (*пишех*), прош. неопредел. = перфект (*писал съм*), давнопрош. = плюсквамперфект (*бях писал*), буд. (*ще пиша*), буд. в прош. (*щях да пиша*), буд. предварит. (*ще съм писал*), буд. предварит. в прош. (*шиял да съм писал*).

Поскольку болгарская времененная система представляет самый сложный случай, остановимся на ней подробнее. В грамматической традиции принято различать абсолютные и относительные времена (Грамматика 1983, 289; Куцаров 1985, 85–103; Бунина 1970). Абсолютными называют те, которые соотносят действие или его результат (о последнем будет сказано ниже) с моментом речи – с ориентационным моментом M_1 . Это настоящее, будущее, аорист, перфект и будущее предварительное. Они выражают предшествование, следование и одновременность с моментом данной речи действия или его результата. В формировании значений глагольных временных форм также очень существен другой ориентационный момент (M_2) – это известный момент, о котором говорится, который имеется в виду и который конкретизирован либо данными самого времяисчисления, либо другими явлениями, происходящими в этот момент. Например, имперфект обычно обозначает действие, одновременное с другим прошедшим действием, или его "современность" с каким-то моментом прошедшего времени, с каким-то "тогда", обозначенным либо другой глагольной формой, либо обстоятельством времени, либо подразумеваемым: *Веднъж, докато траеше дъждът, чичо Митуш и Аю седяха на сундурмата пред да-*

ма ‘Однажды, пока продолжался дождь, дядя М. и А. сидели на завалинке перед хлевом’; *И ето, за спи в аше вече, когато му се стори, че някой ходи на пръсти по двора* ‘И вот он уже засыпал, когда ему показалось, что кто-то ходит на цыпочках по двору’; *После се обърна назад и погледна: мелница стоеше, накто винаги, неподвижна и черният кръст на крилата ѝ изглеждаше необикновено голям и страшен* ‘Потом он повернулся назад и посмотрел: мельница стояла, как всегда, неподвижно, и черный крест ее крыльев казался необыкновенно большим и страшным’; *Момичето се чудеше. Не знаеше, че бях а младоженци* ‘Девушка удивлялась. Она не знала, что они были молодоженами’. В данных примерах действия, выраженные формами *седяха, заспиваše, стоеše, бяха*, представлены как одновременные с прошедшими действиями, выраженными соответственно формами *траеше, се стори, изглеждаše, знаеше*. Длилось ли имперфектное действие после прошедшего ориентационного момента и продолжается ли оно и в момент речи, безразлично для его употребления, так как значение имперфекта охватывает лишь момент или промежуток времени, одновременный с прошедшим ориентационным моментом (M_2).

Иными словами, имперфект обозначает двоякое отношение ко времени: с одной стороны, само действие одновременно с моментом, о котором говорится, а с другой стороны, этот момент является прошедшим относительно момента речи. Таким образом, имперфект ориентирован на прошедший ориентационный момент так же, как настоящее ориентировано на момент речи. Поэтому В.Станков назвал имперфект презенсом в прошедшем (Станков 1965). Ив. Куцаров говорит об имперфекте как об относительном настоящем времени (Куцаров 1989). Конечно, это самое общее, категориальное, значение, которое может по-разному модифицироваться в разных контекстах.

Будущее в прошедшем обозначает действие, которое является будущим по отношению к какому-то прошедшему моменту: *Тежка ще ще да бъде жетвата, а при тия високи и гъсти стъбла на житата още по-тежка ще ще да бъде вършилбата* ‘Тяжелой будет жатва, а при этих высоких и густых колосьях еще тяжелее будет молотьба’. В этом предложении глагольная форма *щеще да бъде* представляет процессы жатвы и молотьбы как будущие по отноше-

нию к моменту, о котором здесь говорится и который выделяется в самом содержании речи как прошедший. (Русский перевод не позволяет передать это значение в полной мере). Чаще всего прошедший момент, о котором говорится (M_2), бывает обозначен другим прошедшим действием. Тогда будущее в прошедшем выражает следование за этим другим прошедшим действием: *Г. стигна до нивата и се спря на онъ край, отдето ще ѿ да почне да коси* ‘Г. дошел до нивы и остановился на том ее конце, откуда должен был начать косить’; *Две черни горящи очи чакаха да доловят тайната, която ще ѿ да разбули дядо Гено* ‘Два черных горящих глаза стремились разгадать тайну, которую собирался открыть дед Гено’. Формы *стигна* и *чакаха* передают прошедшие действия, а *ще ѿ да разбули* – действия, являющиеся будущими по отношению к *стигна* и *чакаха*. Следовательно, можно сказать, что будущее в прошедшем обозначает действие, которое, с одной стороны, является будущим по отношению к моменту, о котором говорится, с другой – этот момент является прошедшим по отношению к моменту высказывания, т.е. будущее в прошедшем ориентировано на M_2 и отчетливо выражает относительное временное значение.

Времена, которые соотносятся с M_2 , обычно называют относительными. Кроме имперфекта и будущего в прошедшем, к ним принадлежат плюсквамперфект и будущее предварительное в прошедшем.

Очевидно, что противопоставление ряда глагольных форм, соотнесенных с M_1 , ряду глагольных форм, соотнесенных с M_2 , не есть противопоставление внутри грамматической категории времени. Здесь присутствует другая грамматическая категория, за которой закрепилось название "таксис". Одним из первых к этому термину прибег Р. Якобсон. Он разграничил категории времени и таксиса: "Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения" (Якобсон 1972, 101). До того, как термин "таксис" стал широко употребительным, А.И. Смирницкий предлагал называть данную категорию грамматической категорией временной отнесенности (Смирницкий 1959, 291 и далее). Среди болгаристов принято

говорить об относительном таксисе (Куцаров 1987). Р. Якобсон считал таксис морфологической категорией, подобно лицу, числу, времени, наклонению, пересказывательности и др. А.В. Бондарко (Бондарко 1985) отнес таксис к синтаксическим явлениям и в соответствии со своей общей теорией рассматривает его как функционально-семантическое поле (Бондарко 1984; Бондарко 1990, 13–18). Й. Пенчев подтверждает, что таксисные значения могут выражаться синтаксически, но вслед за Р. Якобсоном признает его морфологической категорией (Пенчев 1985). Ив. Куцаров принимает точку зрения А.В. Бондарко, трактуя таксис как функционально-семантическое поле, имеющее морфологические, синтаксические и лексические средства выражения (Куцаров 1987). Нас интересует ядро этого функционально-семантического поля – морфологическая категория таксиса.

Признание, кроме морфологической категории времени, также и морфологической категории таксиса делает неизбежным признание неточности термина "временные формы", ибо в этих формах выражаются обе названные категории.

Привлечение категории таксиса, в дополнение к категории времени, позволяет исчерпывающе описать глагольные формы польского и чешского языков. Форма плюсквамперфекта, в отличие от всех остальных – настоящего, прошедшего и будущего – ориентирована не на M_1 , а на M_2 . Рассмотрим несколько польских примеров:

1. *Ale ona odwróciła się już do kuferka ... i bezmyślnie przekładając przedmioty, które tam była ułożyla* ‘Но она уже повернулась к сундучку... и машинально перекладывала предметы, которые туда (раньше) уложила’. Здесь как обычное прошедшее представлено время, когда героиня повествования повернулась к сундучку ... и перекладывала предметы; момент же, когда она уложила предметы в сундучок, предшествовал этому времени, и это изображено с помощью не обычного прошедшего, но плюсквамперфекта. Хотя в плюсквамперфекте мы дважды находим значение прошедшего, все же прошедшее значение как принадлежащее категории времени, достаточно четко отличается от того значения прошедшего (предшествующего), которое и есть значение временных глагольных форм, соотнесенных с M_2 .

2. *Z djęcia była prosty słomkowy kapelusz i ciemne jej włosy... tchnięty w porannym słońcu* ‘Она сняла простую соломенную шляпу, и ее темные волосы блестели в лучах утреннего солнца’. Глагольная форма *tchnięty* ‘блестели’ обозначает осуществление действия до момента данной речи, т.е. имеет значение прошедшего времени; форма же *zjęcia była* ‘сняла’, также относя действие к прошедшему времени, одновременно показывает, что по другой линии это прошедшее предшествует некоторому моменту в самом содержании высказывания – прошедшему моменту, когда волосы блестели (M_2).

3. *Jeden tylko Śremski, któremu przysłał był krótki list z Zarzewia, wiedział, gdzie Paweł się przez ten czas znajdował* ‘Один только Сремский, которому он прислал короткое письмо из Зажевя, знал, где Павел находился в это время’. Глагольные формы *wiedział* и *znajdował się* изображают момент действия по линии категории времени как ушедший в прошлое, а форма *przysłał był*, кроме этого значения, передает также значение момента, предшествующего тому моменту, когда совершались действия *wiedział* и *znajdował się* (M_2).

Вообще говоря, для плюсквамперфекта как такового определение по линии категории времени несущественно, для него важно именно определение момента, относительно которого он изображает данный процесс как предшествующий некоторому другому процессу или некоторой ситуации. Это значение предшествования характеризует одну из категориальных форм категории таксиса, вторая же категориальная форма этой грамматической категории выражает значение непредшествования, или непосредственной данности.

Материал древнечешского языка подтверждает то же значение предшествования некоторому прошлому моменту M_2 в формах плюсквамперфекта: *Když Gabriel bieše otsel, tehdy Maria jide do...* ‘После того как Гавриил ушел, Мария пошла в ...’. Форма *bieše otsel* – один из вариантов формы плюсквамперфекта, образованного при помощи имперфекта глагола *být* и причастия на *-l*. Интересно, что авторы последнего чешского учебника для русских (Широкова, Васильева, Едличка 1990, 264) пишут, что плюсквамперфект выражал состояние, которое явилось результатом

предшествующего действия. Это замечание окажется необходимым вспомнить ниже при рассмотрении болгарского плюсквамперфекта. А.Г. Широкова, В.Ф. Васильева и А. Едличка упоминают также, что значение предпрошедшего действия никогда не было полностью грамматикализовано и закреплено за формами чешского плюсквамперфекта. Очевидно, в частности поэтому для обозначения предпрошедшего действия иногда употребляются многократные глаголы в претерите: *Temná postava se zastavila u dveří pokoje, v němž by dlelval neštastný Jan Václav Pikkolomini* ‘Темная фигура остановилась в двери комнаты, в которой (раньше) жил несчастный Я.В.П.’ (Широкова 1965, 78). На случаи такого употребления указывал и Фр. Копечный, писавший, что различия между формами *nosil* и *nosíval* воспринимаются как временные: *nosíval* означает более отдаленное прошлое (*dávnější minulost*) (Корецкý 1958, 101). Однако, представляется, что скорее права А.Г. Широкова, утверждающая, что в современном чешском языке значение отнесенности к далекому прошлому не является собственной принадлежностью форм прошедшего времени многократных глаголов; оно, как правило, возникает под влиянием контекста (обычно при наличии лексических показателей давнего, глубокого прошлого), либо определяется общей ситуацией (например, описание действий предков и пр.) (Широкова 1965, 83). А.Г. Широкова опирается на А.В. Исаченко, который, анализируя русский материал, пришел к выводу что "... формы типа *хаживал* приобретают значение «отнесенности к далекому прошлому» лишь в «благоприятном» контексте (*лет восемь назад; в молодости он хаживал; раньше он хаживал; было, он хаживал*). Сами по себе многократные формы такого значения не имеют" (Исаченко 1960, 43?).

Заметим, что в словацком литературном языке плюсквамперфект до настоящего времени является живой и употребительной формой. Он чаще всего обозначает предпрошедшее действие, которое в той или иной мере оказывается актуальным для последующего периода прошлого (см. об этом Смирнов 1962, 14–17).

В русском языке значение давнопрошедшего действия может выражаться специальным средствами. Так, частица *было* в сочетании с глаголом прошедшего времени обозначает действие в прошлом, происходившее раньше другого прошедшего действия, то-

го, которое прерывает данное: *Он хотел было войти, но передумал.* Здесь мы имеем дело с относительным временем. Это значение очень близко к значению древнерусского давнопрошедшего времени, из которого сочетание с частицей *было* исторически и развилось (ср. Кузнецов 1952, 305). В современном русском языке морфологической формы плюсквамперфекта нет, упомянутые сочетания с частицей *было* являются лишь синтаксическими способами выражения подобной семантики.

Для более полного выяснения грамматического значения плюсквамперфекта можно рассмотреть и примеры из английского языка, в котором положение сходно с польским и чешским, с той только разницей, что в английском плюсквамперфект (*Past Perfect*) является живой и широко употребительной формой:

1. *The last drops of a shower were falling, but the sun had burst through, and the sky above the thicket was clear and blue* ‘Падали последние капли дождя, но солнце уже проглянуло из-за туч, и небо над чащой было ясным и голубым’. Здесь как обычное прошедшее (т.е. предшествующее моменту данной речи) представлено то время, когда падали капли дождя (*were falling*) и небо было ясным и голубым (*was clear and blue*). Действие же, когда солнце проглянуло, предшествовало этому времени (т.е. некоторому моменту в самом содержании речи), и это изображено с помощью не обычного прошедшего, но прошедшего перфекта (*had burst*). Так как момент по линии категории времени является прошлым, то и предшествующее ему, конечно, является прошедшим, и таковым оно и показано формой прошедшего перфекта (а не настоящего перфекта – *has burst* и не будущего перфекта – *will have burst*).

2. *Here Mr. Pickwick, who had been writing in silence for some time, gave a violent start* ‘Тогда мистер Пиквик, который в течение некоторого времени молча писал, сильно вздрогнул’. Оба названные в данном предложении действия (*Had been writing* и *gave*) выражены формами прошедшего и обозначают прошедшие по линии категории времени действия, одновременно с этим форма *had been writing* указывает на предшествование данного действия прошедшему действию *gave*.

Таким образом, плюсквамперфект сверх общего всем прошедшим формам – *were falling, had burst, had been writing, gave* –

значения прошедшего времени имеет второе и иное значение прошедшего – предшествование некоторому моменту в прошлом. Это значение относится к категории таксиса, а не к категории времени.

Заметим, что в английском языке перфектные формы могут быть как общего (*had burst*), так и длительного вида (*had been writing*) и вместе с тем они различаются по временам так же, как неперфектные формы (*has burst, had burst, will have burst*). Это очевидностью подтверждает, что перфект представляет собой особую по отношению к времени и виду грамматическую категорию (Смирницкий 1959, 289–316).

Временные (правильнее – временные и таксисные) формы польского и чешского языков могут быть представлены следующей схемой.

Соотнесенность с M_1			Соотнесенность с M_2		
Одновременность	Следование	Предшествование	Одновременность	Следование	Предшествование
Наст.	Буд.	Прош.			Плюсквам.
пол. <i>czytam</i>	<i>będe czytać</i>	<i>czytam</i>			<i>czytam byt</i>
чеш <i>nesu</i>	<i>budu něst</i>	<i>nesl jsem</i>			<i>byl jsem nesl</i>

Для описания болгарских форм так наз. абсолютных и относительных времен данная схема недостаточна. Дело в том, что важной особенностью болгарской темпоральной системы является различие глагольного действия и результата глагольного действия на грамматическом уровне. Внимание может быть сосредоточено не на действии, выражаемом глаголом, а на последствии, особенно состоянии, положении, которое наступило в результате имевшего место действия, т.е. такая глагольная форма указывает не на то, когда совершилось действие, а на то, когда наличествует его результат, когда этот результат актуален. Иначе говоря, действие имеет значение только в связи со своим результатом. Например, *Валяло е* (перфект) значит, что улица в настоящий момент мокрая (в результате того, что прошел дождь); *Иван е заспал* означает,

чает, что Иван и сейчас спит, также как *Пристигнал съм днес* означает, что я, придя, и сейчас нахожусь здесь; *Още не се е върнал* – ‘Он еще не вернулся’, т.е. ‘Его здесь еще нет’. Результат действия является основным в значении глагольной формы, само действие восстанавливается по этому результату. Перфект может означать и действие, которое не имело материального результата в момент речи: *Мислил съм по този въпрос*. Но и в таких случаях перфект характеризует положение в настоящем, возникшее вследствие совершившегося в прошлом действия. При этом говорящий считает, что фактическое время действия включается в момент речи, т.е. перфект означает введение прошедшего момента в плоскость настоящего (Пенчев 1985). Это абстрактно-грамматическое значение результата, или актуальности действия (Андрейчин 1976, 279) не имеет ничего общего со значением совершенного вида, представляющего другую грамматическую категорию.

Таким образом, можно говорить о результативных временах в болгарском языке. Они выражают отношение не действия, а его результата к ориентационным моментам M_1 и M_2 . Имеется настоящее результативное (одновременность результата действия с моментом M_1 – моментом речи) – это перфект (*писал съм*), будущее результативное (следование результата действия за M_1) – это будущее предварительное (*ще съм писал*). Плюсквамперфект выражает одновременность результата действия с M_2 (*бях писал*), а будущее предварительное в прошедшем – следование результата действия за M_2 (*щях да съм писал*).

При этом отношение действия и его результата к ориентационному моменту не совпадают. Если результат действия налицоствует в M_1 (перфект) или в M_2 (плюсквамперфект), то ясно, что само действие произошло до соответствующего момента, т.е. действие, обозначенное формой перфекта, совершилось до момента речи; одновременен моменту речи его результат. Перфект – это настоящее результативное.

В традиционных грамматиках обычно пишут, что болгарский плюсквамперфект передает действие, предшествовавшее некоторому названному моменту в прошлом, либо другому действию в прошлом. Однако, как убедительно показали Г. Герджиков (Герджиков 1976, 224–229) и П. Пашов (Пашов 1976, 186–209), основное значение этой формы – результат некоторого действия, одновре-

временный другому действию в прошлом. Если же искать место действия (а не его результата), обозначенного формой плюсквамперфекта, относительно M_2 , то следует иметь в виду, что оно, естественно, совершилось до момента M_2 , но форма плюсквамперфекта акцентирует не это обстоятельство, а одновременность его результата с другим действием в прошлом. Например, *Дъждът бе престанал. Гостите наставаха да си идат* ‘В результате того, что дождь прекратился, гости собрались уходить домой’; *Голямата дъщеря кърпеше новата покривка за маса, която бай Митъо бе изгорил с цигарата си* ‘Старшая дочь штопала новую скатерть, которую бай М. прожег своей папиросой’. Здесь плюсквамперфект (*бе престанал, бе изгорил*) имеет значение действия, которое совершилось в прошлом ранее другого действия, но оставило последствия, актуальные для какого-то момента прошлого, обычно обозначенного другой глагольной формой (*наставаха, кърпеше*).

Плюсквамперфект может употребляться и вне связного повествования о прошедших событиях, обозначая состояние в прошлом, порожденное предшествующим действием: *Челото му беше рунтаво, космато се бяха завили на малки колелца* ‘Лоб его был косматым, волосы завились в мелкие колечки’; *Слънцето беше излязло високо* ‘Солнце поднялось уже высоко (и стояло высоко в некоторый прошедший момент, о котором говорится)’.

Таким образом, плюсквамперфект в общем виде аналогичен перфекту, но относится к другой временной плоскости. Это настоящее результативное в прошедшем. Если отвлечься от различных конкретных оттенков, возникающих в различных контекстах, то значение результата действия, актуального для другого действия в прошлом или другого момента в прошлом (M_2), можно признать общим грамматическим значением формы плюсквамперфекта.

Значение формы будущего предварительного также включает результативность – данная форма обозначает некоторое действие, результат которого актуален для какого-то будущего момента, а само действие предшествует этому будущему моменту. Например, *Когато ние се пак се срещнем, вие ще сте вече забравили дори и името ми* ‘Когда мы снова увидимся, вы уже забудете даже мое имя (= даже мое имя уже будет вам неизвестно’); *Войната ще свърши и дърветата ще цъфтят в мир. И ние с вас ще*

с же оздравели, ще бъдем напълно здрави ‘Война закончится и деревья будут мирно цветти. И мы с вами выздоровеем (= будем уже выздоровевшими), будем совершенно здоровыми’. Это как бы прошедшее в будущем. Подобным двояким отношением к времени будущее предварительное напоминает перфект и плюсквамперфект.

Четвертой результативной формой болгарского глагола является редко употребляемое будущее предварительное в прошедшем. Его можно трактовать как будущее предварительное по отношению к M_2 . Это действие, результат которого ожидается в момент, будущий по отношению к прошедшему, или результат которого следует за некоторым действием, совершившимся в прошлом. Интерпретировать категориальное значение формы будущего предварительного в прошедшем достаточно трудно из-за сложности передаваемых им временных отношений и неизбежных дополнительных усложняющих значений, возникающих под влиянием контекста. Приведем несколько примеров, заимствованных из упомянутой статьи П. Пашова и грамматик Л. Андрейчина и Ю. С. Маслова: *Ако не бях се разболял и не бях загубил цяла година, тази пролет щях да съм завршил вече* ‘Если бы я не разболелся и не потерял целый год, этой весной я бы уже окончил (= имел бы как результат окончание)’; *И да бяхме съзnavали, да поставиме за своя новобългарски книжевен език азбучна система, както е предлагал тъкмо преди сто година В. Е. Аврилов, ние щяхме да се бъдем отдавна простили с толкова си неразбории от днешния си правопис* ‘Если бы мы сознавали это и установили для новоболгарского литературного языка систему правописания, которую предлагал А., то мы, наверное, давно уже (в результате) простились бы с путаницей современного правописания’; *До снощи щях да съм се върнал, но една друга работа ми попречи* ‘До вчерашнего вечера я должен был уже вернуться, но другое дело мне помешало’. Можно сказать, что форма будущего предварительного в прошедшем обозначает действие, результат которого должен был иметь место до определенного момента, бывшего предстоящим по отношению к прошлому моменту.

Нерезульвативные и результативные формы образуют пары: настоящее – перфект (*пиша – написал съм*), имперфект – плюсквамперфект (*пишех – бях писал*), будущее – будущее предварительное (*ще пиша – ще съм писал*), будущее в прошедшем – будущее предварительное в прошедшем (*щях да пиша – щял да съм писал*). Только аорист (*писах*), выражая нерезульвативность (действие, предшествовавшее моменту речи), не имеет результативного соответствия. Эта регулярность выражения результативного значения (в общем абстрактно-грамматическом смысле) позволяет говорить о наличии в болгарском языке еще одной особой грамматической категории – результативности, или актуализированности (Куцаров 1987; Куцаров 1989; Куцаров 1990), не имеющей, повторю, ничего общего с категорией глагольного вида. Очевидно, грамматическое значение этой категории выражается аналитически – сочетанием вспомогательного глагола *съм* с причастием на *-л* основного глагола. Соответственно, можно тогда считать, что грамматическая (морфологическая) категория таксиса (соотнесенность с M_2) выражается "морфемой имперфекта" *-x* в составе вспомогательного или основного глагола (ср. имперфект основного глагола *ходех* и имперфектную форму вспомогательных *щях* и *бях* в других формах, обозначающих соотнесенность с прошедшим моментом, *бях ходил*, *щях да ходя*, *щях да съм ходил*). Заметим, что в категории времени отчетливое выражение имеет значение следования – с помощью морфемы *-щ*. Одновременность сигнализируется отсутствием этой морфемы, предшествование передается единственно аористом, у которого нет специфического оформления (Герджиков 1976). Ив. Куцаров имеет другой взгляд на соответствующие формальные показатели. Он справедливо замечает, что поскольку морфема *-x* присутствует и в форме аориста, не выражавшего значения соотнесенности действия с прошедшим ориентационным моментом M_2 , ее нельзя считать показателем категории таксиса. Такой формальный показатель Ив. Куцаров видит в "морфеме имперфекта" – *'a/e/a* (варианты зависят от спряжения глагола и от фонетических изменений): *чeтъх*, *бъх* *чел*, *щъх да чета*, *щъх да съм чел*; *ходEx*; *гледAx*. Эта морфема является наследницей старой имперфектной морфемы, имеющей па-

раллели в ряде индоевропейских языков (ср. имперфектную морфему *-ai-* во французском) (Куцаров 1987).

Регулярность материальной формы выражения значения очень существенна. Единообразие внешнего строения результативных форм настоятельно требует, чтобы все эти формы рассматривались как единая система. То же относится к формам, выражающим соотнесенность действия или его результата с M_2 . "Ведь," – как писал А.И. Смирницкий, – "внешнее тождество или подобие, как правило, является в языке выражением внутреннего тождества или подобия: без этой закономерности язык не мог бы функционировать как средство общения, так как тогда можно было бы постоянно полагать, что то же самое звучание при всяком новом воспроизведении имеет новое, иное и непредвиденное значение" (Смирницкий 1959, 299).

Итак, обсуждавшееся выше значение соотнесенности действия или его результата не с моментом речи, но с другим моментом в прошлом, о котором говорится или который имеется в виду и который конкретизирован либо данными самого времязчисления, либо другими явлениями, происходящими в этот момент (M_2), и регулярное выражение этого значения "морфемой имперфекта" *-x* (или *-'a/e/a*) с очевидностью показывает, что таксис представляет собой особую по отношению ко времени грамматическую (морфологическую) категорию. Она образуется двумя противопоставляющимися категориальными формами: категориальной формой соотнесенности с моментом речи (M_1) и категориальной формой соотнесенности с другим моментом в прошлом (M_2). Первую составляют настоящее, будущее, аорист, перфект и будущее предварительное; вторую – имперфект, плюсквамперфект, будущее в прошедшем и будущее предварительное в прошедшем. Иначе говоря, категория таксиса выражается противопоставлением так наз. относительных и неотносительных времен.

Третья грамматическая (морфологическая) категория, представленная в временных формах болгарского глагола, – категория результативности, или актуализированности. Как уже говорилось, она образуется противопоставлением категориальной формы отнесенности результата действия к M_1 или к M_2 и категориальной формы отнесенности самого действия к M_1 или к M_2 . Первую

составляют перфект, будущее предварительное, плюсквамперфект и будущее предварительное в прошедшем; вторую – настоящее, будущее, аорист, имперфект и будущее в прошедшем.

Таким образом, в системе болгарского глагола различаются оппозиции по грамматическим категориям времени, таксиса и результативности. Настоящее противопоставляется будущему и аористу по линии категории времени (настоящее – одновременность с M_1 , будущее – следование за M_1 , аорист – предшествование M_1). Настоящее противопоставляется имперфекту по линии категории таксиса (настоящее выражает одновременность с M_1 , а имперфект – с M_2), то же относится к противопоставлению будущего и будущего в прошедшем (будущее – следование за M_1 , будущее в прошедшем – следование за M_2), перфекта и плюсквамперфекта (перфект – одновременность результата действия с M_1 , плюсквамперфект – одновременность результата действия с M_2), будущего предварительного и будущего предварительного в прошедшем (будущее предварительное – следование результата действия за M_1 , будущее предварительное в прошедшем – следование результата действия за M_2). Настоящее противопоставляется перфекту по линии категории результативности (настоящее – действие, одновременное с M_1 , перфект – результат действия, одновременный с M_1), то же относится к противопоставлению будущего и будущего предварительного (будущее – действие, следующее за M_1 , будущее предварительное – результат действия, следующий за M_1), имперфекта и плюсквамперфекта (имперфект – одновременность действия с M_2 , плюсквамперфект – одновременность результата действия с M_2), будущего в прошедшем и будущего предварительного в прошедшем (будущее в прошедшем – следование действия за M_2 , будущее предварительное в прошедшем – следование результата действия за M_2). Как видим, каждая глагольная форма, кроме аориста, входит в три разные оппозиции. Аорист, выражая лишь отношение к M_1 , не имеет коррелята ни по отношению к M_2 , ни по отношению к значению результативности.

Перечисленные оппозиции в системе так наз. временных форм болгарского глагола можно изобразить с помощью следующей схемы.

	Соотнесенность с M ₁			Соотнесенность с M ₂		
	Одновре-менность	Следо-вание	Предшест-вование	Одно-времен-ность	Следо-вание	Пред-ствование
Нерезуль-тативность	Наст. ходя	Буд. ще хо- дя	Аорист ходих	Импер- фект ходех	Буд. в прош. щях да ходя	
Резуль-тативность	Перфект ходил съм	Буд. пред- варит. ще съм ходил		Плюс- квампер- фект бях хо- дил	Буд. предва- рит. в прош. щях да съм хо- дил	

Г. Герджиков и П. Пашов предлагают подобные, но объемные схематические изображения (Герджиков 1976; Пашов 1976).

Конечно, следует помнить, что все высказанные соображения касаются лишь чисто категориальных грамматических значений и не отражают многообразия различных употреблений так наз. временных глагольных форм в славянских языках. Однако, даже если считать приведенные схемы огрубленными, они не лишены объяснительной силы, ибо репрезентируют общеграмматические противопоставления, позволяющие непротиворечиво описать соответствующие глагольные формы.

В болгаристике известны попытки представить временные формы глагола как выражающие не три, а две грамматические категории – категорию времени и категорию таксиса, без учета категории результативности (Пенчев 1967). Представляется, что такие описания гораздо менее удачны, так как они оказываются громоздкими построениями, не объясняющими все соотношения глагольных форм.

По-видимому категория результативности должна привлекаться также для описания глагольных форм в сербскохорватском и македонском языках. Эти языки отличаются от болгарского

меньшим числом форм будущего – в болгарском их четыре (см. таблицу), а в сербскохорватском и македонском по две. В остальном временные и таксисные системы всех трех языков подобны. Ср. значение актуальности факта совершившегося действия или его результата для настоящего момента в формах перфекта македонского и сербскохорватского языков: мак. перфект I *Tи сам знаеш дека јас сум ја работел земјата* ‘Ты сам знаешь, что я обработал землю’ = ‘земля уже обработана’; мак. перфект II *Членот се има развиено од показни заменки* ‘Членная морфема произошла из указательных местоимений’ = ‘произошла и имеется в настоящее время’; с.-х. *Његови родитељи су остарили* ‘Его родители состарились’ = ‘в настоящий момент стары’.

Плюсквамперфект в македонском и сербскохорватском выражает актуальность результата действия для прошедшего ориентационного момента M_2 : мак. плюсквам. I *Šирнав низ решетката, да си го видам езерото. Сонцето го беше позлатило* ‘Я взглянул сквозь решетку, стараясь увидеть озеро. От солнца оно сделалось золотым’ = ‘сделалось золотым до некоторого прошедшего момента и оставалось золотым в данный прошедший момент’; мак. плюсквам. II *Дотогаш уште не мав видено партизани* ‘До этого я не видел партизан’ = ‘не видел до некоторого момента в прошлом и не увидел в данный прошедший момент’; с.-х. *Село под Сусједом бијаше као мртво, све је спавало. А и на граду све је уснуло било* ‘Село под Суседом было как мертвое, все уснуло. Но и в городе всё (раньше) уснуло’ = ‘уснуло до некоторого прошедшего момента и спало в данный прошедший момент’.

Таким образом, без категории результативности, с учетом только ориентационных моментов M_1 и M_2 и временных противопоставлений одновременность/предшествование/следование, трудно объяснить, в частности, соотношение сербскохорватского и македонского перфекта с остальными формами: он окажется не отличимым от аориста (действие, предшествующее M_1).

Выше речь шла о выражении таксисных отношений исключительно в личных формах глагола славянских языков. Это так наз. независимый таксис, т.е. морфологическая категория глагола. Обычно говорят также и о зависимом таксисе, который выражает-

ся синтаксическими и лексическими средствами, например, деепричастными оборотами, самостоятельно употребляемыми причастиями, предложно-падежными конструкциями, сложноподчиненными предложениями с некоторыми причинными, уступительными, условными союзами и т.п.

Как известно, в русском языке таксисные отношения выражаются прежде всего в конструкциях с деепричастиями. Деепричастия не имеют абсолютного временного значения, им присуще реляционное значение, указывающее на относительную локализацию во времени дополнительного действия по отношению к основному действию предложения. Деепричастие несов. вида (наст. вр.) сигнализирует одновременность второстепенного действия с главным (*Отвечая на вопрос, ученик волновался*). При этом одновременность не зависит от временного плана, к которому отнесено главное действие (ср. *Он посещает вечерние курсы, работая на заводе; Он посещал вечерние курсы, работая на заводе; Он будет посещать вечерние курсы, работая на заводе*). Деепричастие сов. вида (прош. вр.) выражает предшествование второстепенного действия главному действию (*Ответив на вопрос, ученик сел на место*). Иначе говоря, формы деепричастия соотносят действие не прямо с моментом речи (M_1), а с другим моментом (M_2) — моментом основного действия в предложении. В этом смысле термины "деепричастие настоящего времени" и "деепричастие прошедшего времени" неточны — деепричастие не выражает временных значений, оно передает лишь таксисные отношения.

Подобное положение существует и в чешском языке: *J dou se tvoji, uvgavují tě o svém životě* ‘Идя со мной, рассказывает мне о своей жизни’. Здесь с помощью деепричастия обозначено временное совпадение дополнительного и основного действий. Ср. *Vykonal v svou práci, odešel domů* ‘Выполнив свою работу он ушел домой’ — деепричастие обозначает дополнительное действие, которое предшествует основному.

То же наблюдается в польском языке. Деепричастие наст. вр. несов. в. (*czytając*) передает одновременность, а деепричастие прош. вр. сов. в. (*przeczytawszy*) — предшествование. Напри-

мер, *Stado gołębi ... spada, kłaszczą skrydłamy* ‘Стадо голубей падает, хлопая крыльями’ и *Poszli ..., wywieźiąwszy się wcześniej, czy i ch transport nie ruszy* ‘Они пошли ..., разузнев сначала, не тронется ли их эшелон’.

Точно также в сербскохорватском языке деепричастие наст. вр. несов. в. на *-ju* выражает синхронность с основным действием в предложении (*Иду ѡи ... мислио сам* ‘Идя, я думал’), а деепричастие прош. вр. сов. в. на *-vши* – предшествование основному действия (*Расширившись крила ... остало непомично* ‘Расправив крылья, ... остался неподвижным’).

В современных болгарском и македонском языках деепричастие не имеет форм времени и вида и не выражает таксисных отношений. Это неизменяемая глагольная форма всегда обозначает действие, одновременное действию основного глагола в предложении: бол. *Една крава, идейки от Слатина или Горубляне, минаваше край царския двор* ‘Одна корова, идя из С. или Г., проходила мимо царского двора’; *Треперейки сладко аз ще да ви сличам* ‘Сладко трепеща, я буду вас слушать’; мак. *Трчаше, мавтажи са рака* ‘Бежал, махая рукой’.

Однако иногда, при наличии специальных лексических единиц, указывающих на предшествование, деепричастия могут обозначать действия в прошлом, предшествовавшие основному действию в предложении: *Съдинявайки се двете групи там, щяха да чакат ново нареддане* ‘Соединившись там, обе группы должны были ждать нового распоряжения’ (Маслов 1981, 283).

Таксисное значение предшествования может выражаться в болгарском языке самостоятельно употребленным причастием аориста сов. и несов. вида: *Или той видя частици от своето детинство, станало му чуждо, не негово* ‘Или он увидел частицу своего детства, ставшего (уже) для него чужим’; *Застанал найблизко от врата, той излезе пръв* ‘Встав (прежде) ближе всех к дверям, он вышел первым’; *Едно куче, чакало през всичкото време, бафна насреща ѝ* ‘Одна собака, все время ожидавшая (у дверей), тявнула ей навстречу’.

В русском языке, как, впрочем, и в болгарском, и в других славянских, причастные конструкции не направлены специально на передачу таксисного значения, их основная функция связана

с атрибутивными отношениями. Функция таксиса может сопровождать атрибутивные отношения, но может и отсутствовать. Так, в предложении *Видны были люди, слушающие* (ср. *слушавшие*) чтеца при выражении временной соотнесенности действий речь идет о вторичной предикации, связанной с атрибутивными отношениями. Поэтому причастные конструкции должны быть отнесены к периферии зависимого таксиса, в то время как деепричастные конструкции находятся в его центре (Бондарко 1985; Бондарко 1987, 240).

Как говорилось выше, таксисные значения могут выражаться и другими синтаксическими и лексическими средствами. Например, предложные обороты с отглагольными существительными типа *при рассмотрении ...*, *при переходе ...* и т.п. в сочетании с глаголом, которые допускают замену на деепричастные обороты, относятся к зависимому таксису: *При переходе через рельсы убедитесь, что путь свободен* = *Переходя через рельсы, убедитесь, что путь свободен*.

Таксисные отношения между действиями ярко выражаются в сложноподчиненных предложениях времени, условия, причины и др. с помощью таких союзов, как рус. *пока, в то время как, до того как, прежде чем, пока не, как вдруг* и т.п.; бол. *докато, след като, преди да* и пр.; пол. *podczas, gdy, jak tylko, róki, dopóki* и пр.; чеш. *zatím co, pokud, díkud, až* и пр. Ограничусь этими самыми общими упоминаниями возможных синтаксических и лексических периферийных средств выражения таксисных значений. В данной статье, посвященной морфологической категории таксиса, нет смысла углубляться в их подробное рассмотрение.

В качестве общего вывода повторю, что 1) во всех славянских языках, кроме русского, в дополнение к морфологической категории времени есть морфологическая категория таксиса; 2) в системе так наз. глагольных времен болгарского, сербскохорватского и македонского языков объединены три различные морфологические категории: собственно время, таксис и результативность (или актуализированность).

ЛИТЕРАТУРА

- Андрейчин 1949 – *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Андрейчин 1976 – *Андрейчин Л.* Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Бондарко 1984 – *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бондарко 1985 – *Бондарко А.В.* О таксисе // Zeitschrift für Slawistik, 1985, XXX, № 1.
- Бондарко 1987 – *Бондарко А.В.* Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение: Аспектуальность: Временная локализованность: Таксис. Л., 1987.
- Бондарко 1990 – *Бондарко А.В.* Темпоральность // Теория функциональной грамматики: Темпоральность: Модальность. Л., 1990.
- Бунина 1970 – *Бунина И.К.* История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива. М., 1970.
- Герджиков 1976 – *Герджиков Г.* Българските глаголни времена като система // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Граматика 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Т. 2. Морфология. София, 1983.
- Исаченко 1960 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
- Кореčný 1958 – *Korěcný Fr.* Základy české skladby. Praha, 1958.
- Кузнецов 1952 – *Кузнецов П.С.* Глагол // Современный русский язык. Морфология. М., 1952.
- Куцаров 1985 – *Куцаров Ив.* Очерк по функционально-семантична грамматика на български език. Пловдив, 1985.
- Куцаров 1987 – *Куцаров Ив.* Категорията таксис в съвременния български език // Доклади от II международен конгрес по българистика. Т. 3. Съвременен български език. София, 1987.

- Куцаров 1989 – *Куцаров Ив.* Още едно мнение за характера на противопоставянето аорист/имперфект //Съпоставително езикознание, 1989, № 4.
- Куцаров 1990 – *Куцаров Ив.* За деветчленната категория време на глагола в съвременния български език //Научни трудове на Пловдивския ун-т "Паисий Хилендарски", 1990, т. 28, кн.1. Филология.
- Маслов 1981 – *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Пашов 1976 – *Пашов П.* Българските глаголни времена // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
- Пенчев 1967 – *Пенчев Й.* Към въпроса за времената в съвременния български език // Български език, 1967, № 2.
- Пенчев 1985 – *Пенчев Й.* Време, таксис, синтакс //Български език, 1985, № 6.
- Смирницкий 1959 – *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Смирнов 1962 – *Смирнов Л.Н.* Значение и употребление форм прошедшего времени в современном словацком литературном языке. Автореф. канд. диссертации. М., 1962.
- Станков 1965 – *Станков В.* Имперфектът в съвременния български книжовен език – презенс в миналото //Български език, 1965, № 3.
- Усикова 1985 – *Усикова Р.Л.* Македонский язык. Скопје, 1985.
- Широкова 1965 – *Широкова А.Г.* Основные значения многократных глаголов в чешском языке //Вопросы языковедения, 1965, № 2.
- Широкова, Васильева, Едличка 1990 – *Широкова А.Г., Васильева В.Ф., Едличка А.* Чешский язык. Изд-во МГУ, 1990.
- Якобсон 1972 – *Якобсон Р.О.* Шифтеры, глагольные категории и русский глагол //Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

A.B. Головачева

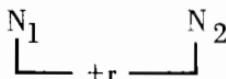
СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОСЕССИВНЫЕ
СТРУКТУРЫ В ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Глава посвящена анализу глагольных семантико-синтаксических структур (*r-Str*), которые условно можно обозначить схемой [Ps V R] (где Ps – имя посессора, R – имя объекта обладания, V – глагол, обозначающий действие, актантами которого являются Ps и R); *r-Str* представляет собой определенным образом организованную семантико-синтаксическую структуру, включающую имена Ps и R и имплицитно содержащую отношение посессивности *г* между ними, что исключает необходимость выражения этого отношения с помощью *Pron_{poss}*, *Gen_{poss}*, *Attr_{poss}*. Этот факт объясняется тем, что *r-Str* обладает свойством "согласованности по посессивности", или "согласованности по *г*" (по аналогии с несколько более узким понятием согласованности по рефлексивности [см. Вольф 1974, 1977], охватывающим структуры с посессором-агенсом).

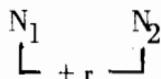
С точки зрения согласованности по *г* можно выделить несколько типов отношений между двумя синтаксически связанными именами Ps и R:

1) Устойчивая согласованность по *г*, ср.:

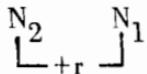
Петр открыл глаза

Петр поднял стул за ножку

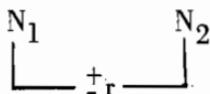
Петр спас жизнь Павлу

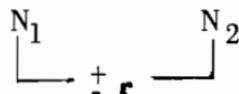
Для таких семантико-синтаксических структур характерен, как правило, нулевой показатель посессивности (**0**) при N_2 (соответствующий в артикльевых языках определенному артиклю и заменяющий собой притяжательное местоимение или другой показатель посессивности, кореферентный N_1). Подстановка показателя посессивности, имеющего другую кореференцию, лишает высказывание смысла (*Петр открыл твои глаза, глаза Павла).

2) Неустойчивая согласованность по г:

Петра ждут друзья

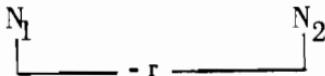
Петр порвал пальто

Г здесь имеет то же значение, что и в 1). Однако возможно сочетание N_2 с $\text{Pron}_{\text{poss}}$, кореферентным N_1 (ср.: *Петра ждут его друзья*, *Петр порвал свое пальто*), а также показателями посессивности, не кореферентными N_1 , и при этом образуется семантико-синтаксическая структура, рассогласованная по г, ср.: *Петра ждут мои (наши и т.п.) друзья, друзья Ивана; Петр порвал мое (твое и т.п.) пальто, пальто Ивана* (ср. ниже п. 3).

3) Рассогласованность по г:

Петр нуждается в поддержке

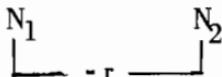
Петр украл пальто

N_2 может сочетаться только с показателем посессивности, не кореферентным N_1 (ср.: *Петр нуждается в моей/твоей поддержке*, но: **Петр нуждается в своей поддержке; Петр украл мое/твое пальто*, но: **Петр украл свое пальто*).

4) Несогласованность по г (только для имен R, не содержащих релятивных сем):

Петр взял карандаш

В таких структурах имя N_2 всегда потенциально неопределенно; посессивная связь между именами N_1 и N_2 в структуре от-

существует, однако с помощью эксплицитных средств выражения посессивности можно достичь согласованности (или рассогласованности) по г между именами N_1 и N_2 , ср.: *Петр взял свой карандаш* (+г) / *Петр взял мой, твой, Олин карандаш* и т.п. (-г).

Сопоставляя описанные выше типы отношений между именами N_1 и N_2 , можно прийти к выводу, что согласованность по г зависит от семантики предиката V, семантики имени N_2 (в первую очередь от присутствия релятивной семы), а также от синтаксических свойств данной структуры, в частности, от синтаксических позиций входящих в нее имен посессора и объекта обладания. В данной работе анализировались глагольные r-Str польского, чешского, словацкого и русского языков. Исследование семантико-синтаксических свойств этих структур потребовало составления нескольких классификаций r-Str в зависимости от синтаксической позиции имен Ps и R и внутри каждой классификации – в зависимости от семантики R и семантики V.

Классификация посессивных семантико-синтаксических структур в зависимости от синтаксической позиции имени посессора

В зависимости от синтаксической позиции имени Ps r-Str могут быть разделены на три основные группы: r-Str, в которых Ps может быть только агенсом, r-Str, в которых Ps может быть и агенсом, и пациентом, и, наконец, r-Str, в которых Ps может быть только пациентом. Эта классификация будет служить одновременно кратким экспресс-обзором всех глагольных r-Str, который облегчит их анализ при следующем типе классификации.

A. Глагольные r-Str, в которых Ps может быть только агенсом.

A1: r-Str, в которых R обозначает часть тела Ps.

Типы предикатов таких r-Str весьма разнообразны. Предикат V может обозначать:

1) Действие, совершающееся Ps, при котором R является и объектом, и участником действия ("прямое телесное действие" по Вежбицкой [Wierzbicka 1979, 320]), т.е. r-Str имеет вид: Ps_{nom}

R_{acc} (где Ps_{nom} – имя посессора в номинативе, R_{acc} – имя объекта обладания в аккузативе), ср. русск. *X открыл глаза, поднял руку*; польск. *X wyciągnął dłoń*: чеш. *X podal rękomi dlan*.

2) Действие, совершающее Ps с помощью R ($Ps_{nom} R_{instr}$): русск. *X ищет (что-л.) глазами, чувствует (что-л.) спиной*; польск. *X wymachiwa rękoma*; чеш. *X hledá očima*; при этом, если Ps может являться единственным исполнителем действия, имя R обязательно опускается, ср. польск. *X chodzi (*nogami)*, *mówi (*językiem)* и т.п.; ср. также: *X mówi (swoim) głupim językiem*, т.е. имя инструмента упоминается в этом случае только при наличии атрибута.

3) Действие, при котором R играет роль некоторого "вместища" ($Ps_{nom} R_{loc}$): чеш. *X vzal něco do ruky*; русск. *X выпустил (что-л.) из рук*; сюда следует отнести также западнославянские локативные конструкции с глаголом 'иметь': чеш. *X má něco napřáno mezi očima*; *X má něco v hlavě*; польск. *X ma nieco w ręku* и т.п.

4) Принятие некоторого нежелательного для посессора действия со стороны внешнего агента ($Ps_{nom} R_{loc}$); сюда относятся просторечные формы типа русск. *X получил по морде*, польск. *X wziął po pysku*.

5) Положение или движение Ps в пространстве относительно некоторого предмета: русск. *X лежит головой к окну, X встал спиной к двери* и т.п.

A2. г-Str, в которых R обозначает некоторый предмет, тесно связанный с лицом и играющий роль "вместища" для Ps ($Ps_{nom} R_{loc}$) (дом, постель, одежда и т.п.); набор V ограничен, что связано с отсутствием релятивной семьи у всех предметных имен, кроме частей тела: польск. *X idzie do domu, do łóżka, X ma coś w domu* [большинство предикатов обусловливают неустойчивую согласованность по посессивности, ср. польск. *X leży w (swoim, czyimś) łóżku*, или несогласованность по г, ср. польск. *X zobaczył (czyjeś, jakieś) łóżko*], ср. также устойчиво согласованные по г конструкции типа польск. *X rozebrał się z płaszcza, X rozebrał się do koszuli*; чеш. *X svlékl se z kabátu*. Вообще конструкции с V, обозначающим одевание/раздевание, могут считаться устойчиво согласованными по г лишь в том случае, если латентным предикатом

для R считать не собственно принадлежность ('его одежда' = 'одежда, которая ему принадлежит'), а принадлежность по функции ('его одежда' = 'одежда, которую он носит'); при латентном предикате, обозначающем собственно принадлежность, r-Str с V 'снять' становятся неустойчиво согласованными по г: польск.

X *zdjęt* (*swój*) *płaszczy*-*łaszcz*, а r-Str с V 'надеть' – несогласованными по г: X *włożyć* (*swój*) *płaszcz* / X *włożyć* *czyjś*, *jakiś* *płaszcz* (напр., в офисе, в магазине).

A3. r-Str, в которых R обозначает действие или абстрактное понятие, тесно связанное с лицом. Набор V для каждого R ограничен, ср. чеш. X *položil*, *dal život*, X *príšel o život*, русск. X *отдал жизнь*, X *предается размышлению* и т.п.; сочетание других V с теми же именами R требует эксплицитного выражения посессивности: X *рассказывает о своей жизни*, X *прервал свои размышления* (ср. X *рассказывает о твоей жизни, о жизни Петра*; X *прервал мои размышления* и т.п.); соотнесение же с посессором (эксплицитное или имплицитное) для имен группы A3 обязательно, поскольку все они включают релятивные семы.

B. Глагольные r-Str, в которых Ps может быть и агенсом, и пациентом.

В таких r-Str V обозначает действие, которое может совершаться Ps по отношению к себе и своему R и некоторым другим агенсом по отношению к Ps и его R.

B1. r-Str, в которых V обозначает некоторое воздействие на R, затрагивающее Ps ($Ps_{dat} R_{acc}$). Такие r-Str носят название дативно-посессивных структур: имя Ps (или заменяющее его $Pron_{pers}$) или $Pron_{refl}$ (в рефлексивных r-Str) стоит в Dat. В такие r-Str входят только одушевленные Ps, поскольку неодушевленный предмет не может быть затронут действием, совершааемым с его R. При этом имя R может обозначать:

1) Часть тела Ps; при наличии дополнения в дативе r-Str с именами частей тела всегда устойчиво согласованы по г: чеш. X *poranil si* / Y-*owi prz*, польск. X *wytywa sobie* / Y-*owi wlosy*. В польском и русском языках рефлексивные r-Str при некоторых V

употребляются без $\text{Pron}_{\text{refl}}$, что делает их неустойчиво согласованными по г; так, $\text{Pron}_{\text{refl}}$ регулярно опускается при V, обозначающем привычное (косметическое или гигиеническое) воздействие на R: польск. *X tuje ręce, maluje usta* и т.п. Чешский язык, по-видимому, избегает неустойчивой согласованности по г; почти все чешские г-Str данного типа вне зависимости от конкретной семантики V оформляются с помощью Dat_{poss} : чеш. *X umyl si ruce, podmaloval si ústa, pohládil si knír, oštíhl si nehty, vousy.*

2) Предметные и абстрактные понятия. Семантика V при этом сводится к двум основным группам значений:

а) действия, не связанные с нарушением отношения посессивности между Ps и R (обычно соотносимые с "ключевыми" значениями 'испортить/исправить'). При таких предикатах формируются г-Str с именами родства, названиями одежды и других предметов постоянного пользования, именами абстрактных понятий, тесно связанных с лицом и т.п.: польск. *X poprawia sobie / Y-owi okulary, X zepsuł sobie / Y-owi życie, weekend*, чеш. *X kazl si / Y-ovi úspěch, štěstí* и т.п.

б) Действия, связанные с нарушением отношения посессивности между Ps и R (соотносимые обычно с "ключевыми" значениями 'отнять/вернуть'); г-Str с такими V, помимо вышеперечисленных типов имен R, включают имена, обозначающие понятия, которые не мыслятся как обязательно принадлежащие лицу, т.е. относительно неотчуждаемые и отчуждаемые [Головачева, 1989, с.49 сл.]; сюда относятся имена-предикаты, обозначающие качества и различного рода преимущества, имена чисто временного значения и др.: польск. *X odjął Y-owi wóz, wdzięk, X przywrócił Y-owi spokój*, чеш. *X vzal Y-ovi svobodu, čas*; характерно, что с глаголами такой семантики употребляются в основном г-Str с Ps-пациенсом; рефлексивные структуры с Ps-агенсом встречаются редко: польск. *X odebrał sobie życie*, чеш. *X vzal si život*.

В русском языке в лишительных конструкциях Dat_{poss} вообще не употребляется, ср.: *X отнял у Y-а здоровье, жизнь, свободу, портфель, земельный участок*.

В2. г-Str, в которых V обозначает воздействие на Ps посредством воздействия на его R ($\text{Ps}_{\text{acc}} \text{R}_{\text{loc}}$). В таких г-Str более все-

го употребимы имена частей тела, но возможны *r*-Str и с R другой семантики, ср. польск. *X pogładził się po brzuchu / X pogładził Y-a po głowie; X chwycił Y-a za ramię surduta*, русск. *X хлопнул себя / Y-а по колену, X схватил Y-а за руку, за рукав.*

B3. *r*-Str, в которых V обозначает действие, совершающее Ps или внешним агентом, происходящее в локусе R и затрагивающее Ps ($Ps_{dat}R_{loc}$). Семантика имени R почти столь же разнообразна, как и в *r*-Str типа B1: чеш. *X vytrhl si / Y-ovi trn z nohy, látku z kalhot, X povešil se Y-ovi kolem krku*, польск. *ziemia osiwa się X-owi spod nog*, русск. *X положил нечто себе / Y-у в карман*; при другом направлении действия в русском языке вместо Dat_{poss} употребляется *y*-локализатор: *X вынул нечто у себя / у Y-а из кармана.*

C. Глагольные *r*-Str, описывающие нечто происходящее с R.

В *r*-Str такого типа V обозначает действие или процесс, происходящий с R и в той или иной степени оказывающий влияние на Ps.

C1. *r*-Str, описывающие нечто происходящее с R и затрагивающее Ps ($Ps_{dat}R_{nom}$), в русском – конструкция с *y*-локализатором.

1) V обозначает некоторый процесс, происходящий с R, причина которого находится внутри Ps: чеш. *X-ovi se chvějí rty, Y-owi serce X-owi zamiera, X-owi się przekrobiło skarpetki*, русск. *у X-а дрожат руки, замирает сердце.*

2) *r*-Str обозначает некоторый внешний по отношению к Ps процесс, происходящий с R и затрагивающий Ps: чеш. *Y-ovi syn řel na vojnu, Y-owi utarla żona, Y-owi koń zwisnął nogę*, русск. *У X-а порвалася костюм*; следует заметить, что семантический диапазон русской конструкции с *y*-локализатором шире, чем Dat_{poss} , поскольку она может включать и неодушевленное имя Ps, у которого нечто происходит с его R (частью от целого), ср. *у стула отломалась ножка*, что наводит на мысль, что конструкция с *y*-локализатором вообще не обозначает затронутости посессора действием, а лишь свидетельствует о том, что действие происходит в "локусе" (посессивном пространстве) Ps.

C2. *r*-Str, описывающие действие или процесс, происходящий с R и оказывающий воздействие на Ps ($Ps_{acc}R_{loc}$); в первую очередь

это структуры, обозначающие физическое страдание, испытываемое Ps в локусе его части тела R: чеш. *Y-a bolí hlava, svědí oko, surbí kůže*, польск. *Y-a boli głowa, swędzi palec*; в русском используется конструкция с *y*-локализатором: *y X-a болит голова, ноет рука*.

Приведенное выше краткое описание r-Str западнославянских и русского языков с устойчивой согласованностью по посессивности позволяет выделить некоторые наиболее существенные черты r-Str:

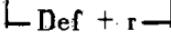
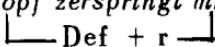
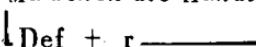
1) r-Str возможны в первую очередь для одушевленных Ps, поскольку они обозначают событие, касающееся как посессора, так и его объекта обладания.

2) в r-Str входят такие имена R, семантика которых каким-то образом связана с лицом, и чем теснее связь, тем больше вероятность образования r-Str.

3) сопоставление дативно-посессивных и аккузативно-посессивных r-Str показывает, что только дативно-посессивные r-Str могут быть трансформированы в конструкцию с эксплицитным показателем посессивности, ср. чеш. *X zkazil nám štěstí / X zkazil naše štěstí*, но: *X uhodil Y-a do prsou / *X uhodil do jeho prsou, *X uhodil do prsou Y-a*; невозможность такой трансформации характеризует также те дативно-посессивные r-Str, которые обозначают событие, связанное с нарушением отношения посессивности между Ps и R, ср. польск. *X odebrał sobie/ Y-owi życie*, но: **X odebrał swoje życie / życie Y-a*; можно предположить, что аккузативные r-Str и дативные "лишительные" r-Str характеризуются большей "жесткостью" отношения посессивности между Ps и R, в отличие от более "свободных" остальных дативных структур. Это связано с семантикой предиката V, актантами которого являются имена Ps и R. Чем в большей степени действие, обозначенное предикатом V, "затрагивает" Ps, тем более вероятно, что именно r-Str станет единственным возможным средством выражения отношения посессивности г между данным посессором и объектом.

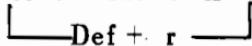
Резюмируя вышесказанное, заметим, что первые два из вышеперечисленных условий построения r-Str не связаны со свойствами конкретного высказывания и описываемым этим высказыва-

нием событием; семантика имени Ps (наличие сущ личности/неличности, одушевленности/неодушевленности) и семантика имени R отражают свойства соответствующих концептов и отношения между ними как фрагмент картины мира, т.е. статику посессивных отношений; именно семантика Ps и R определяет степень paradigmaticской связности (ПС) концептов Ps и R: абсолютная/ относительная/окказиональная неотчуждаемость и отчуждаемость. Третье условие (семантика предиката V и синтаксические свойства r-Str) отражают некоторую динамическую ситуацию, возникающую под воздействием сил, внешних и внутренних по отношению к Ps, которые вызывают в Ps и в R взаимосвязанные между собой процессы. Такие динамические ситуации выражаются в языке разнообразными r-Str, общим свойством которых является то, что, отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и в R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений, что в большинстве случаев исключает необходимость в статическом показателе посессивности ($\text{Pron}_{\text{poss}}$, Gen_{poss} , $\text{Attr}_{\text{poss}}$), который в безартикльных языках в таких структурах обычно отсутствует, а в артикльных заменяется на определенный артикль. В "Анкете по категории определенности-неопределенности", составленной И.И.Ревзиным, имеется вопрос: "Можно ли описать значение посессивности как сумму: одно из значений определенности +указание на отношение?" [Ревзин, 1977]. Очевидно, что ответ на этот вопрос будет утвердительным, если возможно формально "расщепить" (т.е. заменить без изменения смысла) притяжательное местоимение $\text{Pron}_{\text{poss}}$ на некоторые два языковые средства, выражающие соответственно определенность (Def) и отношение посессивности (r): Poss=Def+r. Именно такое расщепление происходит в r-Str,ср. нем.:

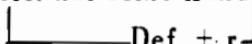
1. *Er ist am Leben zerbrochen*

2. *Der Kopf zerspringt mir fast vor Schmerzen*

3. *Räuber haben dem Mädchen die Handtasche entwendet*

В этих примерах показатель определенности дан эксплицитно, а отношение г заключено в самой семантико-сintаксической структуре, важную роль в которой играет семантика предиката V, ср.:

4. *Peter wäscht die Hände*

5. *Peter hat seine Hände im Spiegel erblickt*

В 5-м примере индивидуализация R осуществляется эксплицитно, что обусловлено семантикой V, "разрушающего" парадигматические связи между Ps и R; в примерах 1–4 представлен семантико-сintаксический способ индивидуализации R путем соотнесения объекта-денотата R_D с соответствующим концептом R_C , включенным в посессивное пространство Ps_C -лица; при этом важную роль играет семантика V, "подкрепляющая" парадигматические связи; вторым условием индивидуализации (не всегда жестким для абсолютно неотчуждаемых R) является количественное совпадение между денотатом (референтом) и концептом (экстенсионалом), ср. нем. *sich einen Zahn ausbrechen / sich in den Fingerschneiden* (во втором случае, возможно, имеет место генерализация); в генерализованном значении могут употребляться и относительно неотчуждаемые R (при условии, что экстенсионал представляет собой конечное множество объектов данного рода), ср. *Мне звонил брат /*Мне звонил один брат* (даже если братьев несколько), но: *Мне звонила подруга (одна подруга)*; жестко соблюдается условие количественного соответствия между денотатом и концептом для окказионально неотчуждаемых R, ср. нем. *Er stahl ihr ein Buch / Er stahl ihr die Handtasche*. Подобные предметные имена, употребленные вне соотнесения с посессором, могут быть определенными или неопределенными в зависимости от условий контекста. Можно предположить, что притяжательное местоимение не имеет постоянной семьи определенности. Это подтверждается результатами семантико-сintаксического "расщепления" *Proposs*, которое может давать не только определенность, но и неопределенность имени R, что зависит от количественного фактора, а также от степени ПС между соответствующими концептами Ps_C и R_C .

Приведенные рассуждения позволяют предположить, что г-Str возникают как результат наложения друг на друга по крайней мере трех "стереотипных ментальных структур" (фреймов):

- 1) СМС данного Ps_C , представляющей собой сложное структурированное посессивное пространство, содержащее набор R_C с различной степенью ПС по отношению к данному Ps_C ;
- 2) СМС некоторого действия или процесса Ac_C , представляющей собой набор актантов Act_C ;
- 3) СМС некоторой ситуации.

Наложение СМС друг на друга способно изменить степень ПС между соответствующими Ps и R , "сдвигая" данный R в пространстве посессивных отношений либо к "центру", "ядру", в направлении неотчуждаемости, либо от центра — в сторону отчуждаемости. Так, объект, неотчуждаемый для данного Ps , может явиться "отчуждаемым" для конкретной ситуации, противоречащей некоторой СМС, ср.: *X пришел на работу в пожатой одежде* (атрибут указывает на некоторое отступление от стереотипа, содержащееся в признаке R , однако сама динамическая ситуация использования одежды не нарушена, поэтому существует запрет на фразу: **X пришел на работу в одежде/X лег спать в одежде* (динамика отношений между Ps и R противоречит стереотипу, поэтому такая структура информативна и атрибут при имени R необязателен). Имена релятивной семантики коррелируют с R_C , входящими в СМС соответствующего Ps_C и поэтому требуют обязательного указания на обладателя; если г-Str не "включает" R_C , то указание на Ps осуществляется лексическим способом, ср.: *Он поднял руку, вытер лицо* (элементарное и рутинное действия включают R_C и поэтому исключают необходимость в $Pron_{poss}$) / *Он увидел в зеркале свое лицо* (динамическая ситуация представляет соответствующие Ps и R как самостоятельные сущности, что обуславливает необходимость в $Pron_{poss}$, восстанавливающем утраченные в динамике статические связи). И наоборот, посессивные связи достаточно свободные, необязательные в статике, в парадигматике, могут восприниматься как отношения неотчуждаемости в динамической ситуации (явление окказиональной неотчуждаемости), ср. *мне порвали кофту, починили транзистор*.

Возможность представить одно и то же действие как затрагивающее Ps, может быть использована в языке для выражения различных смысловых оттенков; так, например, русский язык обнаруживает 4 ступени затронутости Ps ласкателем действием:

- 1) действие, не затрагивающее Ps : *X поцеловал руку Y-a;*
- 2) действие в локусе (пространстве) Ps : *X поцеловал руку у Y-a* (ср.: *это твой посаженный отец, поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит*) – слабая затронутость Ps действиями;
- 3) действие, затрагивающее Ps : *X поцеловал руку Y-y;*
- 4) действие, направленное на Ps : *X поцеловал Y-a в голову.*

В польском языке употребляются только крайние (1 и 4) позиции (типы структур), ср. польск. *Pan Andrzej przykłęknął na jedno kolano i ucałował ze czcią dłoń królowej (*królową w dłoń), która go jeszcze pogłaskała po głowie /* русск. *Пан Анджей стал на одно колено и с почтительностью поцеловал руку королевы (*королеве), которая его при этом погладила по голове.* На этом примере ярко видно, как языковой менталитет дифференцирует иерархию человеческих отношений: действие королевы выражено аккузативно-посессивной (наиболее "фамильярной") моделью, действие ее подданного – конструкцией "не затрагивающего" действия; ср. также – в различных социумах – ритуалы целования края одежды, земли у ног владыки, земли на почтительном расстоянии от него и т.д. – чем больше социальная дистанция, тем выше страх "затронуть действием". Таким образом, в формирование языковых структур с успехом вторгаются стереотипные ментальные структуры, относящиеся не только к картине мира, но и к модели мира [Головачева 1994].

Проведенный выше краткий анализ статических и динамических условий построения r-Str позволит приступить к подробному описанию различных типов r-Str, базирующемуся на их классификации в зависимости от синтаксической позиции имени R.

Классификация посессивных семантико-синтаксических структур в зависимости от синтаксической позиции имени объекта обладания

В начале раздела следует ввести понятия элементарной и комплексной r-Str и элементарного и комплексного действия.

Элементарной мы называем r-Str, в которой имя (или имена) R занимают одну актантную позицию: русск. *X вымыл руки, махнул рукой, держал в руке* и т.п.; комплексная r-Str представляет собой комбинацию элементарных r-Str одного и того же или разных типов и включает имена R в двух или более актантных позициях; при этом упоминаемые в высказывании имена R могут соотноситься как с одним и тем же посессором [$R', R'' \dots \in X$,ср. русск. *X рукой (R' \in X) пригладил волосы (R'' \in X) на голове (R''' \in X)*], так и с разными посессорами [$R' \in X, R'' \in Y \dots$,ср. русск. *X положил Y -у руку (R' \in X) на плечо (R'' \in Y)*]. Элементарным действием мы называем действие, которое может совершить только сам Ps и которое не может быть совершено другим агенсом по отношению к нему: русск. *X поднял руку, махнул рукой*; комплексным действием называется действие, которое может быть совершено как самим Ps, так и другим агенсом по отношению к нему: русск. *X расчесал волосы/ X расчесал волосы Y-у, X положил руку на колено/ X положит руку на колено Y-у*.

I. Семантико-синтаксические структуры с аккузативной позицией имени R

В зависимости от синтаксической позиции имени Ps в этом классе r-Str можно выделить номинативно-аккузативные и дативно-аккузативные r-Str, а внутри каждого подкласса – различные комплексные r-Str, включающие, кроме аккузативной, и другие актантные позиции R.

r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$)

Элементарные r-Str этого подкласса включают r-Str элементарного и комплексного действия.

Элементарное действие совершается посессором при участии его части тела R, играющей в этом действии активную

роль и в то же время являющейся пациентом действия ("прямое телесное действие"). Поэтому в г-Str такого рода могут входить только переходные глаголы, семантика которых тесно связана со свойствами и функциями части тела, участвующей в действии. Отличительной чертой элементарных действий, выраженных г-Str $Ps_{nom} R_{acc}$, является их однонаправленность, в отличие от элементарных действий, выраженных инструментальной г-Str, ср.: *протянуть руку / махнуть рукой*.

В табл. 1 приводятся наиболее характерные для каждой движущейся части тела элементарные действия, выражаемые г-Str $Ps_{nom} R_{acc}$ и соответствующими предикатами V. Как видно из таблицы, некоторые предикаты, относящиеся к одной и той же части тела, оказались помещенными одновременно в несколько колонок, соответствующих различным аспектам движения данной части тела. Наибольшим разнообразием характеризуются конструкции с именем руки – наиболее активно функционирующей части тела. Подобные элементарные конструкции близки к фразеологизмам, поскольку они обозначают привычные ("рутинные" в терминологии А. Вежбицкой) действия, тесно связанные с соответствующей частью тела и абстрагирующиеся в языковом сознании от Ps -агента, ср. слвц. *Carlini ho dokonca naučil, ako sa podáva ruká*.

Элементарными действиями следует считать также и такие, которые сопряжены с перемещением части тела в некоторое пространство, соприкосновение ее с каким-либо посторонним предметом или, наоборот, – удаление части тела из некоторого пространства, напр., действия типа *вложить, всунуть, приложить / вытащить, вынуть* и т.п.: чеш. *strkat hlavu do díry*, польск. *wyciągać stopy z łóżka* и т.п. При этом если часть тела перемещается вместе с другой, частью которой она является, то такое действие осознается языковым менталитетом рассматриваемых языков также как элементарное, ср. польск. *przyłożyć ucho do ściany*, чеш. *přiložit ucho na dveře, strkat kamsi nos* и т.п. Подобным же свойством, по утверждению А. Вежбицкой, обладают испанский и итальянский языки в отличие от французского, который расценивает такое действие как комплексное, что выражается в обяза-

Таблица 1

Часть тела	Движение в вертикальном направлении	Движение в горизонтальном направлении	Встречные движения парных частей тела	Движения типа ‘согнуть’, ‘сморщить’/‘разогнуть’, ‘разжать’
‘Голова’	<i>r. поднять/ опустить, наклонить, склонить, ложу</i>	<i>r. повернуть голову</i>		
	<i>П. podnieść/pochylić, sklonić głowę</i>	<i>П. odwrocić, obrócić głowę</i>		
	<i>Ч. zvednout, vznímit/ schyliť, sklopiť hlavu</i>	<i>Ч. otočit, obrátiť hlavu</i>		
		<i>С. zdvíhnout/sklonit' sklopit' hlavu</i>	<i>С. otocit', obratit' hlavu</i>	
‘Глаза’ (‘веки’)	<i>r. поднять/ опустить глаза (веки, ресницы), открыть/ закрыть глаза</i>	<i>r. устремить/ отвести глаза (веки)</i>	<i>Р. открыть, вытаращить/ закрыть, зажмурить глаза</i>	<i>Р. отворить, вытрезверить/ замкнуть, засунуть очи</i>
	<i>П. otworzyć, podnieść/zamknąć, opuścić oczy, spuścić powieki</i>	<i>П. utkwić/odwrócić oczy, obrócić oczy</i>		

Продолжение табл. 1

Часть тела	Движение в вертикальном направлении	Движение в горизонтальном направлении	Встречные движения парных частей тела	Движения типа ‘согнуть’, ‘сморщить’/‘разогнуть’, ‘разжать’
ч.	<i>zvednout, otevřít/ sklopit, privřít oči</i>	<i>upříčí/odvrátit, odtrhnout oči (pohled)</i>	<i>č. otevřít, vytřesit/ prívnít, zamhouřit oči</i>	
с.	<i>zdvihnut², otvorit²/ sklopiť², zavriť² oči</i>	<i>uprieť²/obrátiť², odtrhnúť² oči (pohl'ad)</i>	<i>c. otvoriť², vytreštiť²/ zavrieť², zažmuriť² oči</i>	
	‘Губы’ (‘рот’)	p. <i>otkrytъ/закрытъ рот</i>	p. <i>otkryto/закрыто рот, смажь, стиснuto зубы</i>	
		II. <i>otworzyć/c/zaawrzec ustą</i>	II. <i>otworzyć/c/zaawrzec², ścisnąć usta</i>	
		ч. <i>otevřít/zavřít ústa</i>	ч. <i>otevřít/zavřít zati² ústa</i>	
			c. <i>otvorit²/zavriet² ústa</i>	
			c. <i>otvoriť²/zavrieť², za- ťat², zaseknúť ústa (perý)</i>	
			p. <i>стиснуть зубы (челюсти)/оска- лить зубы</i>	
			‘Зубы’, ‘челюсти’	

Продолжение табл. 1

Часть тела	Движение в вертикальном направлении	Движение в горизонтальном направлении	Встречные движения парных частей тела	Движения типа ‘согнуть’, ‘сморщить’/‘разогнуть’, ‘разжать’
‘Шея’				
‘Рука’				
‘Движение в горизонтальном направлении	Движение в горизонтальном направлении	Движения парных частей тела		
‘Рука’	p. поднять / опустить руку	p. вытащить (выдерг.) руку (руки)	p. скрестить, скрутить р. согнуть / разогнуть руку (руки)	
	п. <i>uniɛsć/opuścić</i>	п. <i>wy ciągnąć rękę</i>	п. <i>skrzyżować, spleść</i> п. <i>zgiąć/wyprostować</i>	
	<i>rękę (rece)</i>	<i>(rece)</i>	<i>rozkrezyżować ręce</i>	
	ч. звать/спустить руку (руце)	ч. натянуть руку (руце)	ч. <i>sepnąć, zkręcić/ rozeprawić ręce</i>	
	ч. <i>z dźwignąć/spuskać</i>	ч. <i>naciągnąć rukę</i>	ч. <i>sepnot, zkręcić/ rozeprawić ruke</i>	
	<i>rukę (rukę)</i>	<i>(rukę)</i>	<i>rukę (rukę)</i>	
‘Рука’				
‘Шея’				
‘Рука’				

тельности $\text{Pron}_{\text{poss}}$ при имени R: *Pierre pressait son (*le) nez contre la fenêtre* (ср.: *Pierre a levé la tête* – прямое телесное действие, не требующее указания на принадлежность части тела агенту). К элементарному типу рассматриваемые языки относят также действия, связанные с естественной сменой верхнего покрова (кожа, панцирь) у некоторых животных, ср. чеш. *had svlékl kůži, rak svléká krunýř*, слвц. *had zlienil sa z kože (= had sa zlienil)*, польск. *Po obudzeniu się gąsieniczki żrzucają skórki.* Важно отметить, что вышеприведенные конструкции характеризуются согласованностью по рефлексивности между агентом и пациентом, что достигается семантико-сintаксическими параметрами таких конструкций, а именно сочетанием синтаксической структуры с соответствующей семантикой R и V, ср. русск. *X открыл глаза (свои) / X открыл дверь (какую-то), X поднял голову (свою)/ X поднял камень (какой-то).* Любая согласованная по рефлексивности (и шире – по посессивности) семантико-сintаксическая структура представляет собой семантико-сintаксическое единство, включающее посессивные отношения между Ps и R; событие, происходящее с R, представляется здесь имеющим отношение к Ps, в отличие от конструкций с $\text{Pron}_{\text{poss}}$, где событие с R воспринимается как автономное, не связанное с Ps, ср. русск. *Глаза у него сияли / Его глаза сияли.*

Элементарным следует считать также взаимное действие, совершающееся двумя посессорами по отношению друг к другу с участием идентичных R, ср. польск. *X i Y podali sobie ręce (= X podał rękę Y-owi & Y podał rękę X-owi).* Следует отметить, что Ps-агентом в вышеописанных элементарных r-Str элементарного действия $\text{Ps}_{\text{nom}} \text{R}_{\text{acc}}$, как правило, является некоторое лицо или животное, поскольку только одушевленный агент способен манипулировать своими составными частями, однако в художественных текстах такие r-Str могут встречаться при условии персонификации агента, особенно по отношению к растениям, часто воспринимаемым как одушевленные, ср. польск. *W szarym skwarze usycha miasteczko. Georzinie po chyliły głowy (J. Tuwim); Karczochy z ciękałością wystawiają ciemnoniebieskie głowy (K. Chłędowski).*

Элементарными следует считать также действия, при которых активная часть тела перемещается по отношению к некоторой другой части тела или к предмету одежды, играющим в этом случае пассивную роль; такие ситуации описываются комплексными г-Str [P_s _{nom} R_{acc} R_{loc}], где R_{acc} – активная часть тела, R_{loc} – пассивная часть тела Ps. При этом в зависимости от семантико-синтаксических свойств г-Str они могут описывать три типа ситуаций:

1) Ситуация, при которой R' играет роль места действия, ср. чеш. *Vypadám, jako Ženská s dítětem, jak chovám na prsou tu hluipou ruku.*

2) Ситуация, при которой R' – исходный пункт действия, совершающего Ps при участии его активной части тела R и связанного обычно с удалением активной части тела R из локуса предмета одежды R', ср. чеш. *vytáhnout ruku z kapsy*. Существенно, что действие "удаления" может быть представлено только нерефлексивной структурой, что связано с языковым менталитетом: всякое разъединение предполагает предшествующую этому связь, соединение же такой обязательной связи не предполагает, ср. чеш. *vytáhnout ruku z kapsy / zastrčit si ruku do kapsy*, русск. *засунуть руку (к себе) в карман / вынуть руку (*у себя) из кармана* и т.п. (ср. ниже).

3) Ситуация, при которой R' – конечный пункт действия; в этом случае в качестве R' могут выступать:

а) часть тела, в локус которой Ps помещает свою активную часть тела R, ср. слвц. *Yvetta si dala ruku pred ústa* (JT-172); *Starec položil si prsty na oči* (JT-152); *Poruci sklonil tvár do dlaní*;польск. *Zielony ptak w koszu cichutko ukucnął do snu, wsunąwszy głowę pod zdrowe skrzydło*;

б) предмет одежды, в локус которой Ps помещает свою часть тела R, ср. чеш. *strčit / zastrčit si ruce do kapes* / русск. *сунуть (засунуть) руки в карманы*; наличие возвратной частицы в чешских и словацких г-Str типа 3) указывают на то, что обозначаемое ими действие можно расценивать не только как элементарное, но и как комплексное; в самом деле, возвратная клитика показывает, что совершающее посессором элементарное действие может произойти и таким образом, что активная часть тела R переместится

не в локус его же пассивной части тела (предмета одежды), а в локус соответствующего R', принадлежащего другому Ps, ср. слвц. *X položil si prsty na oči / X položil Y-ovi prsty na oči*. Необходимость в возвратной клитике (даже в тех языках, где она наиболее частотна) отпадает в случае, если вероятность принадлежности R' самому Ps достаточно высока, ср. слвц. *sklonit' tvář do dlani, stiahnuť hlavu medzi plecia*, русск. *втянуть голову в плечи*, польск. *wsunąć głowę pod skrzynię*; в частности, вероятность принадлежности R' самому Ps сильно повышается, если действие носит привычный, "рутинный" характер, ср. чешск. *X strčil ruce do kapas* (привычным, неосознанным движением) / *X zastrčil si ruce do kapas* (например, чтобы их согреть или чтобы продемонстрировать свою независимость).

Комплексное действие, выражаемое r-Str Ps_{nom}R_{acc}, совершается Ps по отношению к своему R без участия этого R; поскольку подвергаемая действию часть тела пассивна, то действие должно производиться с помощью другой части тела (инструмента), принадлежащей тому же Ps, однако в принципе активная часть тела может принадлежать и другому лицу. Поэтому может возникнуть необходимость в возвратной клитике (в Dat_{poss}), указывающей, что некоторое лицо производит действие именно со своей частью тела, ср. русск. *X расцарапал себе лицо / X расцарапал лицо Y-y* (дательный падеж имени лица при глаголе, не управляющем дательным падежом, указывает на затронутость лица событием, описываемым в предложении, ср. *Ветер дует – Мне дует; Кран починили – Мне кран починили*, где ветер и починка крана затрагивают лицо). Можно предположить, что необходимость в возвратной клитике тем больше, чем более вероятно выполнение данного действия другим лицом, отличным от Ps, что, в свою очередь, зависит от характера действия, выраженного предикатом в данной конструкции. Кроме того, некоторые действия, направленные на пассивную часть тела, в частности, действия, совершаемые самим Ps, могут рассматриваться как не затрагивающие Ps; в таких случаях употребляется не возвратная клитика, а притяжательное (а при Ps-агенте – притяжательно-возвратное) местоиме-

ние, указывающее на наличие посессивных отношений между агентом и пациентом. В связи с этим семантико-синтаксические структуры комплексного действия с R_{acc} могут быть трех типов.

А. Элементарная невозвратная r -Str комплексного действия,ср. русск. *X вымыл лицо*; возвратная клитика отсутствует, поскольку действие, выраженное предикатом V, достаточно привычно, рутинно, хотя в принципе оно может быть осуществлено другим лицом по отношению к Ps,ср. *У вымыл лицо Y-у*.

В. Элементарная возвратная r -Str комплексного действия; X *расцарапал себе лицо*; возвратная клитика обязательна, поскольку велика вероятность выполнения данного действия не Ps, а другим лицом.

С. Элементарная местоименная семантико-синтаксическая структура комплексного "не затрагивающего" действия: X *рассматривает свое лицо* / X *рассматривает лицо Y-а*.

Приведенные типы семантико-синтаксических структур различаются семантикой предиката V, обуславливающей, возможность/вероятность/невозможность выполнения данного действия другим лицом (выбор между структурами А и В), а также возможность/невозможность затронутости Ps данным действием (выбор между r -Str A и B с одной стороны и структурой C – с другой). При этом релевантными оказываются следующие семантические признаки предикатов: 1) сохранение/нарушение отношения часть–целое; 2) при сохранении отношения – наличие/отсутствие деформации части тела; 3) при деформации – преднамеренность/непреднамеренность действия; 4) при отсутствии деформации – наличие/отсутствие соприкосновения активной части тела с пассивной (тактильность/нетактильность); 5) при тактильном действии – характер действия: косметическое/ласкательное; 6) при нарушении отношения часть–целое – отторжение постоянной (невосстановимой)/отрастающей (восстановимой) части тела. Исходя из перечисленных выше признаков можно выделить 6 семантических типов предикатов.

1) V обозначает действие с сохранением отношения часть–целое, отсутствием деформации и тактильности.

Такими признаками обладают в первую очередь глаголы, обозначающие действия, связанные с перцепцией или презентацией,

т.е. глаголы типа 'видеть', 'разглядывать', показывать и т.п. Такие действия не могут затрагивать ни соответствующую часть тела, ни ее обладателя, поскольку не производят в R никаких изменений. Поэтому для обозначения такого рода ситуаций используется r-Str типа C,ср. польск. *Oglądać a w lusterku swą mięg buzię; Stryjek pokazał publiczności swojej obandażowanego palec.* В первом примере действие (перцепция) предполагает преимущественное исполнение его другим лицом, что исключает r-Str типа A; r-Str типа B также исключается, поскольку данное действие не затрагивает ни R, ни Ps. По этой же причине во втором примере (репрезентация) также невозможна r-Str типа B; как правило, при репрезентации неупотребительна и r-Str типа A, поскольку в большинстве случаев такое действие не может считаться рутинным, что ослабляет линейную связь между именами Ps и R. Поэтому r-Str типа C здесь также предпочтительна. Кроме того, в эту семантическую группу входят глаголы, обозначающие некоторое действие, в результате которого часть тела открывается внешнему миру или, наоборот, заслоняется от него (глаголы типа 'открыть', 'обнажить', 'закрыть', 'заслонить'). В этом случае на пассивную часть тела оказывается некоторое воздействие, например, *накрыть голову платком* – защитить ее от солнца, холода, дождя, *заслонить глаза от света* – чтобы легче было смотреть и т.п. Действие, направленное на R оказывает воздействие и на Ps ("обратная связь", которая и была целью действия, произведенного Ps). В то же время такое действие может восприниматься и как рутинное (тип A), и как "не затрагивающее" (тип C). Т.е. здесь возможны все три типа структур:

Тип А: польск. *X przykrył głowę kapeluszem, osłonił głowę kapeluszem, osłonił brodę; X odśtonił oczy, twarz;* чеш. *X odhalil obličeji, obnážil krk, páže, hlavu;* слвц. *X odhalil plecia;* русск. *X прикрыл голову платком, обнажил плечи (зубы и т.п.).*

Тип В: чеш. *X odhalil si tvář, zahalil si tvář rouškou; stínil si obličeji před sluncem, zakryl si oči před sluncem;* слвц. *X odhalil si tvár, obnážil si plecia.*

Тип С: польск. *X odśtonił swe piersi, przykrył swe ułosy.*

По-видимому, польский и русский языки склонны оформлять действие, приближающееся к рутинному, по типу А, в чешском и

словацком решающую роль играет то обстоятельство, что действие является комплексным, поэтому они предпочитают тип В. Тип С чаще встречается в польском языке.

2) V обозначает тактильное действие с сохранением отношения часть-целое и отсутствием деформации.

К этому типу относятся косметические и гигиенические действия, а также ласкательные действия.

Косметические и гигиенические действия (предикаты типа 'умыть', 'намылить', 'покрасить', 'почистить', 'напудрить', 'править', 'причесать' и т.п.) чаще носят рутинный характер и близки к элементарному действию. В русском и польском предпочтительна модель А: польск. *X myje twarz, ręce, mydli twarz, szczególnie policzki, pudruje nos*; русск. *X вымыл, намылил лицо, руки, покрасил губы, напудрил нос* и т.д. Если действие носит достаточно специфический характер, возрастает возможность выполнения его другим лицом, и в этом случае используется модель В: польск. *X umył sobie nogi od kolan w dół* (P); русск. *Желая казаться старше, она накрасила себе губы и ресницы* (т.е. выполнила нехарактерные для себя действия), ср. также использование моделей А и В представительницами двух разных эпох в "Бане" Маяковского: "Ундертон: – Сократили. Фосфорическая женщина: – Что это значит? Ундертон: "Губы, говорят, красила. Фосфорическая женщина: – Кому? Ундертон: – Себе... Фосфорическая женщина: Не понимаю. Если бы вы еще кому-нибудь другому, скажем, приходящим за справками на работе красили бы, ну, тогда бы могли сказать – мешает, посетители обижаются. А так..." Чешский и словацкий языки также могут использовать модель А: чеш. *X učesal vlasy hřebenem, podmaloval oči tmavým líčidlem*; слвц. *X umyl ruky, X odhrnul vlasy z čela*; однако предпочтение в этих языках отдается модели В: чешск. *X namydil si ruce, umyl si ruce, obličeje, podmaloval si oči, ústa*; слвц. *X podmaloval si oči, ústa, umyl si tvár, rúby, hlavy, utrel si tváť, čelo, odhrnul si vlasy*. По-видимому, в этих языках имеет место корреляция между использованием моделей А или В и наличием/отсутствием у предиката V дополнительных актантов, конкретизирующих ситуацию, ср. чешск. *X podmaloval oči tmavým líčidlem / X podmaloval si oči; X učesal vlasy hřebenem / učesal si vlasy*; слвц. *X odhrnul vlasy z čela /*

X odhnul si vlasty. Можно предположить, что эти конкретизирующие актанты каким-то образом укрепляют линейную связь между Ps и R, чем ослабляется неустойчивость согласованности по рефлексивности, свойственная модели A.

Ласкательные действия, осуществляемые самим Ps, гораздо реже носят рутинный характер, т.к. гораздо более вероятно их выполнение другим лицом. В чешском и словацком из трех типов моделей возможна только модель B: слвц. *X pochladił si Čelo, vlasty, tvář, poškriabal si bradu, hlavu*; чешск. *X pochladił si čelo, vousy.* В русском такая модель тоже возможна: *X погладил себе живот.* В польском модель B не употребляется; самая распространенная конструкция в структурах $Ps_{nom} R_{acc}$ – модель A: польск. *X skubał wąsy, brodę; X skrobał czoło, gładził wąsy, policzki;* модель C используется, например, при наличии атрибута при имени R, ср.: *Gładził swojego czarnego wąsik, rozgarniał swoje długie włosy;* чем более специфическое свойство называет атрибут, тем более вероятно появление $Pron_{poss}$, "восстановливающего" как бы утраченную связь между посессором и объектом. Если же тактильное действие совершается с целью оказать на себя воздействие, употребляются структуры $Ps_{acc} R_{loc}$ (см. ниже), особенно характерные при ласкательных глаголах для польского языка.

3) V обозначает действие, связанное с деформацией или каким-либо другим изменением части тела.

Пассивная часть тела подвергается преднамеренному действию, в результате которого она претерпевает физические изменения (предикаты ‘испортить’, ‘вывихнуть’, ‘отморозить’, ‘сломать’, ‘свернуть’). В чешском и словацком языках используется модель B: чеш. *X vymknul si pří lyžování kotník, poškrábal si ruku trnem, podřel si ruce od trnů, podrapal si ruku bodlákem, X upadl a odřel si kolena do krve, X zlamal si ruku, vyvrhl si ruku, prst, poranil si prst, rozbil si koleno, hlavu, zranil si ruku; X podřezal si žily;* словац. *X zlomil si ruku, X láme si prsty od očakávania, X láme si hlavu, X poškriabal si chrbát, X vyvrhl si nohu, podrezal si žily.* Модель A встречается редко и употребляется в случае, если деформация произошла случайно и не причинила Ps большого ущерба: слвц. *X rozbil*

hlavi, nos. Иное положение в русском и польском языках. Модель В употребляется только для обозначения преднамеренного действия или действия, результата которого был бы нежелателен для посессора, но он мог его предвидеть, ср. польск. *Pośliznął się na ulicy, upadł i zwilchnął rękę* (нечаянно), но: *Ziewali przy tym tak zastrasza-*jąc, że pani Barbara mówiła: — *Dla bogów, zwilniecie sobie szczećę;* ср. также: *X zepsuł oczy* (нечаянно), но: *Mamusia krzyckała, że by światło gasic, a ja pod kołdrą czytałam, oczy sobie puśtam* (посессор предвидел последствия); *Znalazł ją pokrwawioną w kaziencie; próbował sobie żyły przeciąć rozbijać szklanką* (преднамеренное действие). Если деформация части тела является результатом некоторого действия посессора, последствий которого он не предполагал, то употребляется модель А (т.е. такое действие, являясь в жизни не таким уж редким, может восприниматься почти как рутинное): *Pośliznął się na łodzie i lewą nogę wywilchnął.*

Из приведенных примеров следует: чем выше преднамеренность действия, тем выше вероятность выполнения его другим лицом и тем более необходима возвратная клитика. В том же направлении возрастает и вероятность совершения соответствующих взаимно-возвратных действий, заключающихся в причинении друг другу взаимного вреда, ср., польск. *Poroździerały sobie odzienie, tby sobie potargat.*

4) V обозначает действие, связанное с нарушением отношения часть/целое.

Такого рода действия, связанные с отторжением части тела, чаще совершаются другим лицом по отношению к Ps, чем самим Ps, поэтому во всех рассматриваемых языках используется в большинстве случаев модель В, ср. чеш. *X usekl si prst, vytrhl si vlas,* польск. *X wyrywał sobie włosy;* поскольку причинение себе серьезного вреда, тем более усекновение собственной части тела — явление мало типичное, то интересующие нас конструкции чаще встречаются употребленными в сослагательном наклонении, ср. чеш. *Raději bych si ruku utřala, než tohle napsat; Raději bych si jazyk utřízla, než bych to řekla.* Модель А используется только при обозначении действий, связанных с укорачиванием отрастаю-

щих частей тела (волос на голове, усов, бороды, ногтей), поскольку такие действия воспринимаются обычно как ординарные, рутинные, т.е. такие, которые совершают обычно сам **Ps** по отношению к себе (то, что в реальности действие осуществляется в большинстве случаев другим лицом – парикмахером, в языке обычно не учитывается, ср. русск. *Я постриглась*, что совершенно не означает, что женщина осуществила эту операцию сама): польск. *X zgolił włosy i brodę, ściął włosy, obciął paznokcie*, чешск. *X oholil vousy*; слвц. *X ostříhá vlasy, nechty, oholí fúzy*; однако в чешском и словацком языках и здесь лидирует модель В: чешск. *X ostříhá si nehty, vlasy, vousy*, *X odstříhl si kadeř vlasů*; слвц. *X ostříhá si vlasy, X odstříhl si vlasy*. В польском модель В используется для обозначения специфического характера стрижки и т.п.: польск. *Pan Anastazy oszrygł sobie włosy przy samej skórze* (ср. приводимый выше пример специфического гигиенического действия). Специфический характер действия лишает его признака рутинности, вследствие чего возрастает возможность выполнения действия другим лицом, что обуславливает необходимость возвратной клитики. Отращивание волос, бороды, усов в чешском и словацком также выражается моделью В, в отличие от польского и русского, для которых характерна, как правило, модель А, ср. чеш. *nechal si narůst bradu, vousy*; слвц. *dal si narásť bradu, fúzy* / польск. *zapuścił brodę, włosy*; русск. *Он отрастил бороду, усы*. Модель В употребляется в русском и польском языках в тех случаях, когда отращивание волос, и особенно бороды и усов (связанное с возникновением нового объекта обладания) приводит к принципиальному изменению внешнего вида **Ps**, что воспринимается как событие, затрагивающее **Ps**, ср. русск. *Он был одет казаком, отрастил себе бороду* (Пушкин); польск. *Zapuściłem sobie wspaniałą grzywę, nosiłem binokle i prenumerowałem "Prawdę" Świętochowskiego. Wystarczyło, żeby mnie wytykano palcami* (Reymont).

Итак, объектом действия в **r-Str** типа **Ps_{nom}R_{acc}** является часть тела, которая может играть активную и пассивную роль. В первом случае имеет место прямое телесное (элементарное) действие, в котором принимает участие и сам **Ps**, и его активная часть

тела. Такое действие может быть осуществлено только самим P_s , оно не оказывает обратного действия на P_s – не имеет обратной связи. Во втором случае P_s (с помощью не называемой в конструкции части тела – инструмента) совершают действие, направленное на его пассивную часть тела и испытываемое самим P_s ("обратная связь"). Поскольку такое действие может быть совершено не только самим P_s , но и другим лицом по отношению к нему, то для указания на P_s -агента может быть использована возвратная клитика, осуществляющая обратную связь между пассивной частью тела и посессором. Необходимость в возвратной клитике зависит от характера действия, в большей или меньшей степени предполагающего исполнение его внешним агентом, и от свойств данного языка, в большей или меньшей степени склонного избегать конструкций с неустойчивой согласованностью по рефлексивности.

Комплексные г-Str комплексного действия.

Комплексные модели, ядром которых является г-Str ($P_{s_{nom}} R_{acc}$) могут образовываться путем комбинации этой г-Str с другими R , принадлежащими данному P_s и занимающими позицию инструмента и/или локуса.

В г-Str ($P_{s_{nom}} R_{acc} R_{instr}$) активная часть тела – инструмент "материализуется", что отличает эти г-Str от вышеописанных элементарных г-Str, описывающих комплексное действие (типапольск. *X myje twarz, pudruje nos*, чеш. *X podmalował si oczy*, польск. *X skrobac z oczem*, чеш. *X zlaml si ruku*, польск. *X wyrywał sobie włosy*). Описываемое такой г-Str действие совершается активной частью тела – орудием и направлено на пассивную часть тела – объект. В элементарных г-Str комплексного действия орудие (обычно рука/руки) эксплицитно не называется, за исключением случаев: 1) если действие может быть совершено не только рукой, но и другим инструментом, например:

а) действия типа 'закрыть', 'заслонить': чеш. *zastavit si tvář dlaněmi / zastřít si tvář škraboškou*;

б) действия типа 'переместить', ср. чеш. *Po chvíli ženština vztyčila hlavu a odhrnula rukou pramen vlasů nazad* (откинуть назад волосы можно и движением головы); ср. также чеш.

nadzvihl malý pán ukazoval čkem vříčka a smutně se povídval [предполагается, что в обычной ситуации веки поднимаются движением самих век –ср. пример, приводимый А.Вежбицкой: *Pierre s'est levé la tête* (avec les mains)];

2) если действие обычно совершается не рукой, а другим инструментом, ср. чеш. *utíra si rukama obličeje* (глагольное сочетание "вытереть лицо" – без указания инструмента – предполагает скорее использование полотенца или платка, а не рук).

г-Str комплексного действия типа ($Ps_{nom} R_{acc} R'_{loc}$) описывают действие, совершающееся посессором, направленное на часть тела (предмет одежды) R и происходящее в локусе части тела R'. Следует заметить, что в отличие от г-Str ($Ps_{nom} R_{acc} R'_{loc}$), обозначающих элементарное (простое телесное) действие и описанных выше (с. 190), объект обладания R_{acc} играет пассивную роль; активная часть тела – инструмент при этом не называется. Такие г-Str, так же, как и вышеописанные, могут отражать три основных типа ситуаций:

1) Ситуация, при которой R' играет роль места действия.

При этом R может обозначать:

1a) Часть (или часть части) тела, расположенную в локусе R':
чеш. *Rval si vlasy na hlavě; Ani oholený nejsem, mrzi se Standa a ohmatává si pod nosem a na bradě těch pář štětinyek;*
польск. *Skubać wciąż jakiś kosmyk w swojej brodzie.* При этом в русском языке может быть использована возвратная частица как в дативе, так и в локативе (у-локализатор), в зависимости от того, подчеркивается ли затронутость агента совершающим действием или локус размещения R на теле Ps, ср. *Она поправила волосы (себе, у себя) надо лбом.* Приведенные выше конструкции наиболее частотны с именами отрастающих частей тела, поскольку для остальных частей тела, как правило, не возникает необходимости указывать их координаты на теле человека. R' может представлять также предел, до которого распространяется действие, направленное на R, ср. польск. *Pan Anastazy ostrzygł swoje włosy przy samej skórze.*

1b) Часть тела, включающую в себя локус R' , например, *Она оцарапала себе ногу под коленкой*, где R обозначает локус части R' , подвергнутой некоторому воздействию.

1c) Предмет одежды, расположенный на части тела R' ;ср. чеш. *Napravila si dívka věnec na hlavu*; слвц. *Io Sing si ohmatával na prsiach zakrvavenú blúzu*; польск. *Pasa poprawił na brzuchu sporym*.

2) Ситуация, при которой R' играет роль конечного пункта действия. Обычно в этой ситуации Ps перемещает предмет одежды R в локус части тела R' , например: чеш. *vložil si věnec na hlavu*; польск. *Włożywszy na nos okulary sylabizował cicho list; Panna Józefa na ręce naciągała ciemne rękawiczki*.

3) Ситуация, при которой R' играет роль исходного пункта действия.

Такого рода ситуации могут быть трех типов:

3a) Ps удаляет часть тела (или часть части тела) R из локуса части тела R' . Подобные действия часто связаны с причинением себе вреда – сознательно, под влиянием душевного потрясения, или по неосторожности: польск. *Wyrywał sobie włosy z głowy i klął od jasnych piorunów; Przy upadku starła sobie do krwi skórę z obu kolan i z lokci*.

3b) Ps удаляет с поверхности R' неотчуждаемую материальную субстанцию R , выступившую "изнутри" части тела R' , например, чеш. *umyl si s obličeje krev* (модель B); слвц. *Pokúsal sa utriť s tváre krev, ale bola už zaschnutá* (модель A).

3c) Ps удаляет предмет одежды или другой предмет R с поверхности (изнутри) части тела R' , например, чеш. *svlékl prsten s prstu*; слвц. *Dávali si dole iba kuklu z hľavy a tak jedli v pracovním odevie*; польск. *Wyjął fajkę z ust i strzasnął popiół na podłogę*.

Следует подчеркнуть, что ядром комплексной $r\text{-Str}$ ($Ps_{nom} R_{acc} R_{loc}$) комплексного действия является $r\text{-Str}$ ($Ps_{nom} R_{acc}$), что подтверждается тем обстоятельством, что в большинстве случаев локальный член может быть опущен, ср. слвц. *Io Sing si ohmatával (na prsiach) zakrvavenú blúzu*; польск. *Włożywszy (na nos) okulary sylabizował cicho list; Wyrywał sobie włosy (z głowy)*.

Возможна комбинация инструментальной и локативной в результате чего образуется более сложная аккузативно-инструментально-локативная r-Str ($Ps_{nom} R_{acc} R_{instr} R'_{loc}$), ср. русск. *Гимнаст руками прижал колени к животу*; польск. *Ruchem głowę odrzuciła z czoła wicher swych bardzo jasnych włosów*; чешск. *Odmul rukou vlasy z čela* и т.п.

r-Str ($Ps_{dat} R_{acc}$)

В таких r-Str агентом является некоторый внешний по отношению к Ps агент, поэтому точнее такие r-Str было бы обозначить схемой ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc}$), где X – агент, внешний по отношению к Ps , совершающий некоторое действие, направленное на $R \in Ps$.

В принципе действие, направленное на R , может затрагивать Ps , и в зависимости от этого возможны два типа синтаксических структур: структуры незатрагивающего действия и r-Str затрагивающего действия (дативно-посессивные).

В структурах незатрагивающего действия отношение посес-сивности выражается статическим, т.е. категориальным показателем посесивности – $Prop_{poss}$, Gen_{poss} или $Attr_{poss}$. Предикатами таких конструкций являются обычно глаголы восприятия, созерцания, мышления, т.е. такие, семантика которых связана с процессами, протекающими "внутри" агента, а не пациента, ср. слвц. *Rada by som stála po boku niekoho, ktorého tvář, oči, úsměv som si uchovala v pamäti; Duval videl lvine žiaracie oči*; польск. *Widziała teraz jej twarz blisko przed sobą*. В этой связи интересно отметить существующую в ряде языков разницу в семантике глаголов ‘видеть’ и ‘смотреть’: первый обозначает действие, направленное “внутрь” агента, а второй – “наружу”, во внешний мир. Эта особенность отмечена для польского языка А. Бежбицкой, ср.: *Patrzył na twoje nogi / ci na nogi – Widziała twoje nogi / *Widziała ci nogi*. Такая же дифференциация значений свойственна и многим другим языкам, ср. русск. *смотреть на чью-либо спину / кому-либо в спину – видеть чью-либо спину / *видеть кому-либо спину* и т.п.

r-Str затрагивающего действия ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc}$) отличаются разнообразием семантических групп предикатов, участвующих в

их построении, при этом наблюдается ряд различий с семантическими группами предикатов, входящих в $r\text{-Str} (Ps_{nom} R_{acc})$. Следует отметить также, что многие предикаты могут входить в структуры как затрагивающего, так и незатрагивающего действия:

1) Косметические и гигиенические действия; такие предикаты более распространены в $r\text{-Str} (Ps_{nom} R_{acc})$, поскольку они обозначают рутинные действия, осуществляемые обычно самим Ps , однако возможно осуществление их и другим лицом по отношению к Ps ,ср. польск. *Fryzjer mydlęcę mi policzki z szybkością rionymi, mówiąc dalej;* слвц. *Masťoval som mi ramená.*

2) Ласкательные действия, осуществление различных требований этикета и т.п. Такие действия могут восприниматься как затрагивающие Ps , ср. например, чеш. *pohládil dítěti hlavou*; *zlibal ji tváře, ruce;* слвц. *Matka hladkala im tváre.* Ласкательные действия совершаются обычно с целью доставить радость другому лицу, поэтому чаще объектом действия является не часть тела, а сам человек, а часть тела играет роль локуса действия [ср. ниже $r\text{-Str} (X_{nom} Ps_{acc} R_{loc})$]. Если же такое действие совершается в соответствии с требованиями этикета, то оно не рассматривается как затрагивающее Ps (ср. приводимый выше пример с поцелуем руки королевы – с. 184). Не затрагивающее действие может совершаться и в том случае, когда оно имеет целью доставить себе (агенту) радость, удовольствие, ср. польск. *Siadał przy bufecie, pit piwo, całował w rękę baranki, gryzł skórki i chramiona.* В этом примере также представлено два типа действий: первое – целование рук – с целью расположить к себе (т.е. "для Ps "), второе – "для себя". Особенность польского языка по сравнению с другими исследуемыми языками в отношении $r\text{-Str}$, выражющих ласкательные действия в том, что в польском языке почти не употребительны $r\text{-Str} (Ps_{dat} R_{acc})$ для выражения ласкательных действий (см. выше с. 184), ср. польск. *całował w rękę baranki/ целовал руки официанткам*, чеш. *libal ruce čísničkám*. Русский язык при обозначении ласкательных действий дифференцирует части тела, по-видимому, по принципу близости/удаленности от центра, ср. доточия Ps . Признаком "близкий" наделяются такие части тела как голова, глаза, губы, щеки, шея, спина, плечи; признаком "да-

лекий" – в первую очередь конечности. Первые в большей степени "репрезентируют" Ps и поэтому служат локусом воздействия на него, вторые служат объектом действия, затрагивающего Ps, ср.: *X поцеловал Y-а в голову* (**Y -у голову*)/ *X поцеловал Y-у руку* (**Y-а в руку*). Характерно, что структуры незатрагивающего действия также наиболее употребительны с более удаленными от центра частями тела, ср.: *поцеловать чью-либо руку* / **поцеловать чью-либо голову*. С именем руки возможна в русском также конструкция с *y*-локализатором, занимающая по своей семантике промежуточное положение между моделями затрагивающего и не затрагивающего действия, ср.: "... это твой посаженный отец, поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит" (Пушкин).

3) Действия типа 'заслонить'/'открыть', 'осветить' (часть тела по отношению к внешнему миру), например, польск. *Trzymaj, myśliwce, ptaka na dloni, zakryj mi oczu złotym kapturem;* слвц. *Zapchaj mi ústa, kedž začal volat⁹ o pomoc; Aby mi v nosu osvetl⁹ovala tvář aj jedna malá bodka.* Zem.

4) Действия типа 'сжать', 'сдавить', 'схватить' и т.п., например, слвц. *Ešte raz stisol majorovi ruku; O' Brien je j chytil ruku, bola horúca;* заметим, что глагол 'схватить' в конструкциях затрагивающего действия из рассматриваемых языков встречается только в словацком; глагол 'взять', еще в меньшей степени затрагивающий Ps, чем глагол 'схватить', может быть употреблен только в конструкциях не затрагивающего действия, ср. польск. *Więzniarka wzięła moją rękę i zaczęła naciągać kolejny pasek.*

5) Действия, которые можно объединить в семантическую группу, обозначенную ключевыми предикатами 'испортить'/'исправить', например:

'Испортить':

a) 'поцарапать': польск. *Gągazie krzewów twarz mi podrapał rąkę;*

b) 'вывихнуть': чеш. *Vymknul soupeři pri zápase palec;*
c) 'перерезать': польск. *Widziałem, jak jeden rękę flaszki odbiął, to mi żyły przeciągnęto;*

- f) 'ранить': польск. *Dostać kule, która zraniła mi nogę*;
- e) 'разбить': чеш. *Rozbili neříkatelem hlavy*;
- f) 'затянуть': чешск. *zadrhnou mu chytán provazem*;
- g) 'сжечь', 'обжечь', 'подпалить': слвц. *lba vlas y som jej spalil*;

'Исправить': чеш. *V nemocnici mu spravili ruku*; слвц. *Môj záchrancie mi preveratal plúca mocnými dôvkami kyslíka*. Существенно отметить, что конструкции с глаголами группы 'исправить' встречаются значительно реже, что объясняется человеческим менталитетом: исправлять творение природы не следует, а нанести ему вред легко; не случайно глаголы типа 'исправлять' в сочетании с именами частей тела часто имеют отрицательный, и даже угрожающий, смысл: чеш. *Ten jim hlavy spraví*; *Radili množí: Dejte jej odvésti, aby vojna tu křivou hlavu natočovala*; в связи с этим интерес представляет польская лексема *przarczać* 'палач', 'мучитель'.

6) Действия, связанные с нарушением отношения посессивности между Ps и R ("лишительные" конструкции):

'Изъять': польск. *Przechodzić jakis o mało mi oka nie wyjrzeć parasolem*; чеш. *vyndal mu zub*;

'Отрезать': польск. *Mieczem okrutnie przez głowę i twarz go ranił i lewą rękę mu usiągł*; чеш. *Turci u sekali křešťanům ruce a nohy*; такие действия, совершаемые по отношению к лицу или животному, обычно расцениваются как затрагивающие Ps, однако в некоторых контекстах посессор рассматривается как неодушевленный, а действие как имеющее значение только для агента, а не для посессора, и в таких случаях может употребляться конструкция незатрагивающего действия, ср. польск. *W lewej ręce miał taką siłę, że jednym zamachem odcinał łeb konia*; приведенная конструкция показывает, что говорящего в данном случае совершенно не интересует судьба животного, оставшегося без головы, а существенно для него лишь умение владеть мечом и физическая сила, характеризующие агента с положительной стороны;

‘снять кожу (шкуру)’; такое действие может расцениваться как затрагивающее Ps, ср. польск. *W mig mu (wołowi) złupili skórę i – na ćwierci*; незатронутость Ps действием выражается обычно предложной конструкцией, аналогичной конструкции с именем неодушевленного предмета, ср. польск. *Zdzierala skórę z bąraną*; слвц. *Stahnite z nieho kožu!*; русск. *снять кожицу с апельсина*.

Комплексные r-Str, включающие r-Str ($Ps_{dat} R_{acc}$)
 $r-Str (R_{nom} Ps_{dat} R_{acc})$

Конструкции этого типа описывают действие, совершающееся с участием двух объектов обладания: части тела R, являющейся объектом действия, и некоторой материальной или абстрактной неотчуждаемой субстанции R, являющейся субъектом действия. В таких конструкциях могут участвовать предикаты следующих семантических групп:

1) ‘Открыть’ – ‘закрыть’ часть тела от внешнего мира. При этом R может представлять собой:

1a) материальную субстанцию, являющуюся результатом психофизиологического процесса: польск. *Czolo mu okrył pot; Rumieńiec twarz mu osłonił*; чеш. *Ruměnec (bledost) pokryl(a) její tvář*;

1b) душевное состояние Ps: чеш. *Chmúra zastírala jeho čelo*; польск. *Szał mu śmił oczy, myśli i rozum*;

1c) предмет одежды: польск. *Krótkie rękawy zielonkawej, biało cętkowanej sukienki obnażaty jej szczupłe muskularne ramiona*.

2) ‘Сдавливать’, ‘распирать’; ‘обрамлять’. При этом R может представлять собой:

2a) душевное состояние Ps: польск. *Gwałtowny spazm strączu zwart mu szczególnie; Przeróżenie scisnęło im gardło; Nawal myśli rozsadzał mu głowę; Nie może skulić w sobie pytania, które otali że nie rozsadza mu pierśi*;

2) предмет одежды Ps: польск. *Maty krepowy kapelusz ze spływanym na ramiona woalem żabobnym i jutowat w sposób zakonny jej gładkie, siwe skronie; Szeroki skórzany pas sciskający mu biodra*.

Приведенные примеры показывают, что действия типа ‘открыть’ – ‘закрыть’ могут трактоваться языковым менталитетом и как затрагивающие, и как не затрагивающие Ps; действия типа ‘обрамлять’ – как не затрагивающие Ps, действия типа ‘сжимать’ (об одежде) рассматриваются как затрагивающие Ps (например, в русском языке) только в том случае, когда такое действие оказывает физическое давление на Ps, ср. *Пояс сжимал ему бедра ‘давил на бедра, создавая для Ps неудобства’ / Пояс сжимал его бедра ‘плотно охватывал, придавая стройность, привлекательность в восприятии внешнего наблюдателя’*; действия типа ‘сжимать’ (о чувствах), безусловно, затрагивают Ps, и при этом R, представляющий собой психофизиологический процесс, связан с Ps двойной связью: душевное состояние Ps – мышечное напряжение – физическое состояние Ps под действием мышечного напряжения.

$$r\text{-Str}(X_{\text{ном}} \text{Ps}_{\text{dat}} R_{\text{acc}} R'_{\text{loc}})$$

Конструкции этого типа описывают действие, направленное на часть тела или предмет одежды R и совершающееся в локусе части тела R' внешним по отношению к Ps агентом X. При этом R' может играть роль:

a) Места действия: слвц. *Nikomu sa nesmel skri viti ani vlások na hľave* (при этом R является частью R': $R \in R'$); *Síali jsme mřtvému kislíkovú masku, skrížili ruky na prsiaach* (R не является частью R': $R \not\in R'$);

b) Исходного пункта действия: чеш. *Z hlavý jím oči vynáty, ruce i nohy utáty* ($R \in R'$); польск. *Gdy pies stanął albo myśliwy upatrzył ptaszki, zrywano sokołowi kapturek z głowy* ($R \not\in R'$).

c) Конечного пункта действия: слвц. *Videl, ako vietor hádzíe vlasty ľene do tváre*; очевидно, что в конструкциях такой семантики R не может быть частью R', поскольку соединение, со-прикосновение двух сущностей всегда предполагает их предшествующую этому событию раздельность.

Комплексные модели, включающие объекты
обладания разных посессоров

1) r-Str ($\text{Ps}^2_{\text{nom}} \text{Ps}^1_{\text{dat}} R^2_{\text{instr}} R^1_{\text{acc}}$)

В таких конструкциях один из посессоров Ps^2 с помощью своей активной части тела R^2 (инструмента) совершает действие, направленное на часть тела R^1 посессора Ps^1 : слвц. — *Młc, — z o v r e l a m u p e r y k o n c e k m i p r s t o v*; польск. *Wielki szary wilczur postuś znie rzucią się na Czeszka, przewraca ją i drze zębam i jej u da*; интерес представляет конструкция незатрагивающего действия в последнем примере; по всей вероятности, она отражает специфичность ситуации: немецкая овчарка, по приказу (*poslusznice*) бросающаяся на свою жертву, не видит в ней человека, "с позиции овчарки" это цель, объект, подлежащий растерзанию.

2) r-Str ($\text{Ps}^1_{\text{nom}} \text{Ps}^2_{\text{dat}} R^1_{\text{acc}} R^2_{\text{loc}}$)

Такие конструкции описывают ситуацию, при которой один из посессоров Ps^1 с помощью своей активной части тела R^1 совершает элементарное действие, направленное на R^1 в локусе части тела R^2 посессора Ps^2 ,ср. польск. *Podbiega do niego i krągłe, obnażone ręce zarzucają się mu koło szyi, po całowała go w same usta*; слвц. *Akademik ustal, polozil mu ruku na plece*.

Взаимно-возвратные r-Str [$(\text{Ps}^1 \text{Ps}^2)_{\text{nom}} (\text{R}^1 \text{R}^2)_{\text{acc}}$]

Такие конструкции отражают ситуацию, при которой два посессора Ps^1 и Ps^2 совершают идентичные действия, направленные на идентичные части тела друг друга R^2 и R^1 ,ср. польск. *Po rozdzieraly na siebie odzień, t by sobie potargat*.

Выше были описаны конструкции с аккузативной позицией имени объекта обладания, в качестве которого выступает часть тела. Конструкции с именами других неотчуждаемых объектов обладания, а также объектов, неотчуждаемых в некоторой ситуации (оккзиональная неотчуждаемость) во многом сходны с вышеописанными конструкциями с именами частей тела, однако имеют свои особенности.

Так, вышеописанные r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$) элементарного действия (не требующие возвратной клитики) употребляются с предикатами типа 'лишиться', 'утратить' и могут включать любые абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемые имена:

X лишился руки, отца, дома, красоты, работы и т.п. / польск.

X stracił ręce, ojca, dom, wdzięk, pracę и т.п. Кроме того, к элементарным r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$) следует отнести также конструкции с некоторыми физическими и психическими константами, соответствующие конструкциям с глаголами движения, типа 'устремить взгляд', 'напрячь мозг, силы, память'; и конструкции с некоторыми неотчуждаемыми переменными типа 'замедлить движение'.

В r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$) комплексного действия с предикатами типа 'испортить' / (реже) 'исправить' преобладает модель В: 'испортить себе костюм, настроение, свадьбу, путешествие' и т.п.. По модели А строятся конструкции с названиями одежды, в которых одежда выступает в роли принадлежащей Ps по функции (предикаты 'снять—надеть', 'повязать—развязать', 'поправить' и т.п.), ср. польск. *zdjąć czapkę, kurtkę, włożyć suknię, uchylić kapelusza, obciągnąć marynarkę*; чеш. *opravovat boty*. Такого рода действия, по справедливому замечанию А. Вежбицкой, расцениваются языковым менталитетом обычно как "рутинные", по своей частотности и обыденности близкие к прямым телесным действиям (в нашей терминологии — к элементарным). Для чешского и словацкого языков и здесь предпочтительна модель В: чеш. *sulékat si kabát, vymrouti si nohavici, sundat si brýle*; слвц. *dáť si dolu kabát* и т.п.

Комплексные r-Str на базе r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$) — как правило, аккузативно-локативные r-Str ($Ps_{nom} R_{acc} R_{loc}$) — характерны для имен предметов одежды и личного обихода, ср. чеш.

Uložila pudřenku do kabelky; польск. Wpuścił marynarkę w spodnie
и т.д.

r-Str ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc}$) очень широко употребляются в рассматриваемых языках с именами всех типов неотчуждаемых объектов обладания. Такие r-Str обозначают воздействие на R, затрагивающее Ps и совершающее некоторым агентом, отличным от

Ps. При этом наибольшее распространение имеют следующие семантические группы предикатов:

a) 'испортить-исправить': польск. *X poprawić Y-owi pościel, X zepsuć Y-owi życie, weekend*; чеш. *X zkazil Y-ovi štěstí, X pokazil Y-ovi šaty* и т.д.

b) 'отнять-вернуть': польск. *X odjął Y-owi władzę, wdzięk, X przywrócił Y-owi spokój*; чеш. *X vzal Y-ovi svobodu, čas.*

Различие между двумя типами предикатов в том, что предикаты типа 'испортить-исправить' трактуют объект обладания как часть пространства Ps, ср. чеш. *Nekazilo mi to žaludek i spisování*, где и желудок, и писательский труд воспринимаются как часть одного пространства; предикаты 'отнять-вернуть' трактуют объект обладания как окказионально неотчуждаемую собственность, поэтому конструкции с этими предикатами включают более широкий круг объектов обладания (признаки, социальные привилегии, различные отчуждаемые абстрактные сущности); в то же время конструкции с этими глаголами отличаются и от конструкций с глаголами, обозначающими 'приобретение' и трактующих объект отчуждаемую собственность, ср.: 'отнять/дать (взять) власть, время'.

r-Str на базе r-Str ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc}$) – в первую очередь аккузативно-локативные: ($X_{nom} Ps_{dat} R_{acc} R'_{loc}$), ср. чеш. *X vylehl Y-ovi na koleně látku z kalhot*. Встречаются и более сложные комплексные r-Str, например, ($R''_{nom} Ps_{dat} R_{acc} R'_{loc}$), т.е. такие, в которых позицию агента занимает один из объектов обладания: предмет одежды, абстрактная субстанция, принадлежащая Ps, и т.п., ср. польск. *Futrzane czapę nakrywały im czółka po brwi; Ta myśl spędzała mu sen z powiek.*

Аккузативно-инструментальные r-Str ($Ps^2_{nom} Ps^1_{dat} R^2_{instr} R^1_{acc}$), так же, как и аналогичные r-Str с частями тела, возможны только при условии, что один из объектов обладания – инструмент – принадлежит одному посессору, а другой объект обладания – объект действия – другому, ср. слвц. *Zena mu bozkom zaurela ústa.*

Описанные выше r-Str с аккузативной позицией имени объекта обладания объединяет то, что все они описывают объекты облада-

ния как неотчуждаемые, вне зависимости от релятивных свойств имен, ср. польск. *X zabił Y-owi córkę / X zabił Y-owi konia*; большинство таких конструкций трактуют объекты обладания как ‘часть пространства’ Ps и восходят к конструкциям с именами частей тела. В то же время в русском языке существует отличие между лишительными конструкциями с именами частей тела и лишительными конструкциями с остальными объектами обладания: отчуждение части тела выражается в русском, как и в западнославянских языках, дативно-посессивной r-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$), ср. ‘*отрезать кому-либо волосы, отнять кому-либо руку*’ и т.п., отчуждение других объектов обладания, включая неотчуждаемые абстрактные субстанции, выражается конструкцией с *y*-локализатором, ср. *отнять у кого-либо душу, жизнь, рассудок*, а также *отнять у кого-либо портфель, красоту, время* и т.п.

Помимо дативно-посессивных r-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$), следует назвать еще локативно-посессивные ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{loc}} R_{\text{acc}}$), в которых действие, направленное на объект обладания, расценивается как происходящее в локусе Ps. Сюда следует отнести русские r-Str с *y*-локализатором, а также некоторые другие маргинальные r-Str, например, такие, которые обозначают снятие верхнего покрова (ср. выше с. 44): польск. *Zdzięrai skórkę z bawala*, или причинение какого-либо вреда верхнему покрову Ps, ср. русск. *X разодрал на Y-е одежду*. Возможен и взаимно-возвратный вариант такой r-Str, ср. польск. *Potrzdzieryły na sobie odzieńie*. Заметим попутно, что в русском, в отличие от западнославянских, взаимно-возвратные действия обозначаются не с помощью возвратной клитики, а с помощью словосочетания *друг друга*, ср. *Они разодрали друг на друга одежду*.

В заключение обзора r-Str с R_{acc} следует отметить, что для неодушевленного Ps дативно-посессивные r-Str невозможны, поскольку действие, направленное на объект обладания, не может затронуть неодушевленный Ps, ср.: *сломать кому-либо ногу / сломать ножку стола; обрезать кому-либо волосы / обрезать конец проволоки*; русские конструкции с *y*-локализатором, также воз-

можные для неодушевленных Ps, выражают действие, происходящее в локусе Ps, но не затрагивающее Ps, ср. *обрезать конец у проволоки, отшлифовать ножку у стола*, но даже и такие пространственные структуры, отражающие отношения посессивности в их динамике, редки и обычно уступают место структурам, отражающим отношения между неодушевленным Ps и его объектом обладания в их статике, ср. *обрезать конец проволоки, отшлифовать ножку стола*. Конструкции, обозначающие снятие верхнего покрова с Ps, аналогичны таким же конструкциям для одушевленного Ps и также не выражают затронутости Ps действием, ср. русск. *Снять с ребенка пальто/снять кожуцу с апельсина*.

Итак, г-Str с R_{acc} могут выражать действие, совершающееся самим Ps, а также действие, совершающееся внешним по отношению к Ps агентом или объектом обладания. Синтаксически структуры с Ps —агенсом могут быть трех типов: г-Str типа А (без возвратной клитики и притяжательного местоимения: *поднять руку, вымыть руки*), г-Str типа В (содержащие возвратную клитику, указывающую на то, что совершающее Ps действие, направленное на объект обладания R, затрагивает Ps: *накрасить себе брови и ресницы*) и типа С (с притяжательным местоимением при имени R, указывающим, что действие направлено на объект обладания, принадлежащий самому агенту: *увидеть в зеркале свое лицо*).

Выбор между структурами А, В и С осуществляется в зависимости от типа действия, возможности осуществления его только самим посессором или другим агентом по отношению к нему; модель А выбирается при устойчивой согласованности по рефлексивности между именами Ps и R, в первую очередь для обозначения элементарного (простого телесного) действия, которое может быть осуществлено только самим Ps: *поднять руку, открыть глаза*; при комплексном действии модель А выбирается в случае, если это комплексное действие достаточно рутинно, т.е. является привычным для Ps: *вымыть руки, расчесать волосы*; однако такие синтаксические структуры обладают неустойчивой согласованностью по рефлексивности, поскольку глагол обозначает действие, кото-

рое в принципе может быть осуществлено не только самим Ps, но и другим лицом по отношению к нему: *вымыть руки ребенку*, *расчесать волосы клиенту* и т.п. Из рассматриваемых языков чешский в большей степени, чем остальные языки, старается избегать структур, неустойчивых по рефлексивности; ср. *umýt si ruce, namydlit si obličeje*, т.е. в чешском языке большее распространение имеют r-Str типа В. Модель типа С выбирается в том случае, когда выражаемое глаголом действие не затрагивает часть тела, т.е. не производит в нем никаких изменений, что, соответственно, не может оказать обратного воздействия на Ps, ср. *Она увидела в зеркале свое лицо*. Обязательное в этом случае притяжательное местоимение как бы восстанавливает утраченные в динамике посессивные связи.

Выбор между моделями В и С, т.е. между моделями затрагивающего и не затрагивающего действия, происходит и при оформлении r-Str, обозначающих действие, совершающееся другим агентом по отношению к Ps и направленное на его R, ср.: *Он расчесывает ее волосы* (модель В) / *Он видит ее волосы* (модель С).

Конструкции с именами неодушевленных посессоров отличаются, во-первых, тем, что здесь невозможны конструкции с Ps-агентом, и, во-вторых, тем, что для обозначения действия, направленного на объект обладания может использоваться только модель С (модель не затрагивающего действия), ср. *покрасить волосы девушки* / *покрасить крышу дома* (*дому). Таким образом, на примере рассмотренных синтаксических структур с аккузативной позицией имени объекта обладания можно сделать вывод, что динамические посессивные семантико-синтаксические структуры (r-Str) формируются под влиянием следующих факторов: семантики имени посессора (признак одушевленности / неодушевленности), семантики имени объекта обладания (степень неотчуждаемости объекта обладания по отношению к посессору данного класса) и семантики глагола, выражающего действие, направленное на объект обладания некоторого Ps, а именно, чем в большей степени семантика глагола связывает посессор с его объектом обладания, тем в меньшей степени возникает необходимость в статическом пока-

зателе посессивности (притяжательное местоимение, родительный принадлежности), а для структур с посессором-агенсом — в динамическом показателе посессивности (возвратная клитика).

II. Семантико-сintаксические структуры с инструментальной позицией имени R

Инструментальные г-Стр характеризуются в первую очередь тем, что посессор может занимать в таких г-Стр только позицию агensa, т.е. речь идет об г-Стр ($Ps_{nom} R_{instr}$). Вторая их особенность в том, что в качестве объекта обладания — инструмента в выражаемых этими г-Стр действиях выступают в первую очередь части тела, реже — предметы одежды. В инструментальных г-Стр с именами частей тела в наиболее явном виде предстает характер посессивных отношений между одушевленным Ps и его частью тела — принадлежность по функции. Действия, описываемые г-Стр ($Ps_{nom} R_{acc}$) и ($Ps_{nom} R_{instr}$) различаются по признаку односторонности/неодносторонности, ср.: *протянуть руку* 'переместить из точки A в точку B' — *захватить рукой* 'переместить из точки A в точку B и обратно', а также различаются по цели действия: в первом случае целью является перемещение R (*поднять руку* 'сделать так, чтобы рука поднялась'), цель инструментального действия никак не связана с инструментом, который только служит достижению цели: рука — чтобы, например, писать или ударить, глаза — чтобы смотреть и т.д.; В инструментальных конструкциях основную семантическую нагрузку несет глагол, при этом имя части тела, обозначающее орудие, в ряде случаев может быть опущено.

С этой точки зрения целесообразно выделить два типа действий, обозначаемых инструментальными конструкциями.

а) специфические действия, т.е. такие, которые могут быть осуществлены только с помощью данной части тела. Для некоторых частей тела таких специфических действий может быть несколько и в этом случае следует выделить среди специфических действий: а1) первичные действия, являющиеся основной функцией и "пред-

"назначением" данной части тела (в частности, органов речи, органов чувств и т.п.) при глаголах, обозначающих такие функции, опущение имени инструмента обязательно, ср. *юхать *носом, говорить *языком, думать *головой* и т.п.; названия соответствующих частей тела входят в семантику таких глаголов в скрытом виде и материализуются только при наличии атрибута: *думает своей мудрой головой, смотрит удивленными глазами, говорит своим глупым языком* и т.п., а также при несовпадении агента с посессором: *смотреть его глазами, думать чужой головой* и т.п.; а2) вторичные действия, т.е. не основные для данной части тела, но совершаемые только с помощью данной части тела; при таких глаголах опущение имени части тела факультативно, ср. русск. *моргнуть (глазами), кивнуть (головой), топнуть (ногой), махнуть (рукой)* и т.п.

б) неспецифические действия, т.е. такие, которые могут быть совершены и другим инструментом, в частности, другой частью тела; в конструкциях, обозначающих такие действия, опущение имени инструмента невозможно, ср. *подкинуть мяч ногой (рукой, головой, ракеткой), сверкать глазами (улыбкой, остроумием, бриллиантами)*; не для всех частей тела в языке имеются все три типа предикатов, что объясняется спецификой функционирования, в частности, степенью двигательной активности данной части тела. Поэтому целесообразно рассмотреть инструментальные конструкции для каждой части тела в отдельности.

Рука: Человеческая рука с момента появления человека является первым и главным орудием трудовой деятельности, поэтому первичным специфическим предикатом может считаться любой предикат, обозначающий действие, совершаемое человеком вручную (в частности, с использованием ручных инструментов). Если для остальных частей тела языковой менталитет, диктующий структуру инструментальной конструкции, носит, по-видимому, универсальный, вневременной характер, то инструментальные конструкции с именем руки структурируются под влиянием социальных и временных факторов, связанных с распределением машинного и ручного труда в данном обществе и в данную эпоху; это способствует постепенному переходу многих предикатов, обозначающих

трудовую деятельность, из первичных во вторичные, ср.: ‘стирать’ (сейчас можно сказать *стирать руками*, т.е. не в стиральной машине) и т.п. Кроме глаголов, обозначающих трудовую деятельность, к первичным предикатам следует отнести такие, которые обозначают действия, не связанные с трудовой деятельностью, но являющиеся первичными, характерными для руки, например, ‘держать’, ‘хватать’, ‘касаться’, а также ряд других, для которых рука по-прежнему является уникальным инструментом; с предикатами, обозначающими такие действия, имя руки может быть названо только в сочетании с атрибутом: слвц. *Mokrými rukami sa dotkol spánkov*; польск. *chwyciła drżącymi rękami garnuszek*.

Среди вторичных специфических предикатов следует назвать такие как ‘махать (рукой)’, ‘шарить’, ‘колупать’ и т.п.: польск. *Ki w at nam przyjaźnie ręką*; чеш. *Dloubá se prstem v růdě kolem nejakých sazenic*. Неспецифические предикаты, употребляемые с именем руки, очень разнообразны, например: ‘показывать (рукой)’, ‘достать (рукой)’, ‘шевельнуть’, ‘двинуть’ рукой, ‘барабанить рукой (пальцами)’ и т.д.: чеш. *Standa se netříze dostat tou levicí kou do rukávu; Hans ukázal rukou, podržte mi tu tyč*; слвц. *Prstami bubenoval do taktu na okenici*.

Нога (ноги): Специфические предикаты с именем ноги (ног): ‘ходить’, ‘шагать’: слвц. *Prekracovala dlhými nohami trošky*; следует заметить, что для специфического действия ‘стоять’ ноги воспринимаются не как инструмент, а как опора (ср. *стоять на ногах* – при невозможности **стоять ногами*). К неспецифическим предикатам можно отнести такие как ‘шевельнуть’, ‘толкнуть’, ‘ударить’ и т.д.

Плечо. Спина: Специфические предикаты отсутствуют. Среди неспецифических предикатов для плеча следует выделить фразеологически связанные: ‘пожимать’, ‘передернуть’ и т.д.: слвц. *Zehná mykla plecom*; остальные предикаты достаточно разнообразны, например, ‘шевельнуть’, ‘двинуть’, ‘подпереть’, ‘почувствовать’, ‘толкнуть’ и т.д.: чеш. *Zvedáme svými zády tuzemskou kůru*. Кроме того, спина и лицо олицетворяют переднюю и

заднюю стороны человеческого тела (или тела животного), с помощью которых тело может быть ориентировано в пространстве: слвц. *Sedel chrbot k vatre; Padol čelom obratený k Nové;*, чеш. *Holka stála zády k nám; Lehá tváří na holou podlahu* (ср. также использование в этой же функции головы и ног — для ориентирования горизонтально расположенного тела в пространстве: русск. *лежать головой / ногами к окну*).

Голова: Первичный специфический предикат с именем головы — ‘думать’, который сочетается с соответствующим именем только при особых условиях (см. выше), например, слвц. *Skústme rozmýšľať jeho hlavou.* Вторичный специфический предикат — ‘кивать’, ср. слвц. *Carlini prikývol.* Следует заметить, что если первичный специфический предикат имеет идентичную семантическую структуру (т.е. включает в себя название соответствующей части тела) во всех славянских языках, ср. болг. *мисля *с глава*, польск. *myśleć *glowa*, то вторичные специфические предикаты не обладают такой универсальностью. Так, в русском глагол *кинуть/кивать* включает в себя название головы и означает соответствующее движение, выражющее согласие; такому значению частично соответствуют чешский и словацкий приставочные глаголы *přikývnout, přikývnut*, сербские глаголы *mahati, klimnuti*; эти глаголы могут быть употреблены как с соответствующим именем, так и без него: чеш. *přikývnout (hlavou)*, сербск. *. mahati / klimnuti (glavom)*. Однако, например, польск. *kiwać / kiwąć*, чеш. *kývat/kývnout*, слвц. *kývat² / kývnut²* не включают в свою семантику имя инструмента, ср. чеш. *Kývá kabelkou v ruce; kývá nohama, kývl rukou*; польск. *kiwa nogami, kiwa laseczką*; из приведенных примеров видно, что глаголы, родственные в данных языках русскому *кивать*, не являются специфическими и означают только разнонаправленное перемещение в пространстве некоторой части тела или другого предмета внешнего мира; и само “кивание” головой не всегда соответствует в этих языках выражению согласия: чеш. *Osel kývá při chůzí hlavou*; слвц. *Inžinier len neurčito kýval hlavou*; значение согласия должно быть в этих языках подкреплено эксплицитно: польск.

Słuchać i ważnie i potakując głośno kiewać; чеш. *Kývá na souhlas*. Из неспецифических глаголов с именем головы можно назвать такие как русск. *махать, трясти, крутить головой, указывать головой* и т.п., а также фразеологические сочетания типа русск. *качать головой*,ср. также слвц. *Potriásala hlavou a odchadzala*.

Глаза: Первичные специфические предикаты – ‘смотреть’, ‘видеть’, их употребление с R_{instr} возможно только при наличии атрибута или другого детерминатива:польск. *Spoglądać wokół oczami jakby powleczonymi mgły*; слвц. *Velitel'ka nať roziela olivovými očami*; русск. *Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*; последний пример интересен тем, что в выделенном сочетании наглядно представлено наложение трех пластов высказывания: сигнификативного, денотативного и коммуникативного [Николаева 1986, 104]: сигнifikативный пласт: *Старичок поглядывал на меня с любопытством*; денотативный пласт: *Старичок одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*; коммуникативный пласт: *Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*; в первом предложении семантика глагола *поглядывал* включает в себя инструмент, соответствующий сигнifikату (концепту), в частности, в количественном отношении. То же и в третьем примере, где местоимение *свой*, являясь избыточным в своей основной функции (указание на наличие посессивных отношений), выполняет чисто коммуникативную функцию, отсылая сообщение о признаке к предшествующему тексту (“... *крайний старичок в офицерском мундире...*”).

Зубы: Первичные специфические предикаты – ‘грызть’, ‘кусать’, ‘жевать’; номинация инструмента может появиться при наличии атрибута или в экспрессивных высказываниях, а также в случае отступления описываемой ситуации от соответствующей СМС (например, при необычном объекте действия, как в слвц. *Posledné rozbúšky si hryzla zubami, kedy ich chcela prievnúť k šnúru*).

Инструментальные r-Str с именами частей тела также обладают согласованностью по рефлексивности, в отличие от конст-

рукций с именами рукотворных инструментов, ср. *писать рукой* (*своей*) / *писать авторучкой* (*своей, чужой, какой-то*); рассогласованные по рефлексивности инструментальные конструкции всегда метафоричны, например слвц. *Skúste rozmýšlat' je ho hlavou* ‘попробуем поставить себя на его место’, русск. *чужими руками* *жар зажечь*, польск. *wyciągać kasztany z ognia* *с помощью рękami* ‘использовать результаты чужих усилий’.

III. Семантико-синтаксические структуры с адвербиальной позицией имени R

Адвербиальные r-Str ($P_s^{\text{ном}} R_{\text{adv}}$) содержат имя R в творительном падеже с предлогом ‘с’ и служат для указания на некоторый (чаще временный) признак R в момент совершения посессором действия. Обычно этот временный признак представляет собой результата движения и/или некоторого процесса, происходящего в R и являющегося отражением душевного (реже – физического) состояния Ps, ср. русск. *Он стоял с вытянутыми руками* (признак R – результат прямого телесного действия) / *Он стоял с опущенной головой* (признак R – результат прямого телесного действия как следствия эмоционального состояния Ps) / *Он стоял с перехошим горлом* (признак R – результат процесса, произошедшего в R под действием эмоционального или физического состояния Ps). В таких r-Str возможны четыре типа предикатов:

1) Глаголы речи (при этом обычно сообщается о признаке лица или глаз): слвц. *Běl to zbabělec, – povídala s červenou tvárou*.

2) Глаголы движения (полнозначные): польск. *Wracał do domu z gołą głową*; слвц. *Chvíľu stál so sklonenou hlavou, premýšľal*.

3) Глагол движения (служебный): ‘ходить’; этот глагол в адвербиальных r-Str часто играет роль связки, и тогда вся конструкция используется лишь для сообщения о признаке R, характеризующем эмоциональное состояние Ps; в роли характеризуемой части тела выступает обычно голова, положение которой является отра-

жением (а также символом) эмоционального состояния Ps', ср. русск. *Ходит с поднятой головой* / *Ходит с опущенной головой*; ср. также чеш. *Vzali tu tam nějak třípec, chodí s hlavou s věšenou*.

Сопоставление западнославянских и русских адвербиальных r-Str позволяет сделать вывод о том, что русский язык обнаруживает тенденцию к "свертыванию" по мере возможности конструкции "с + твор". в деепричастия и прилагательные (в конструкциях типа 1), 2)), ср.: слвц. *povedala s červenou tvárou* / русск. *сказала, покраснев*; слвц. *oznámil s pobledlou tvárou* / русск. *сообщил, побледнев*; слвц. *stál so sklonenou hlavou* / русск. *стоял, склонив голову*; польск. *wracam z gołą głową* / русск. *возвращаюсь бритый на голо*. Такого свертывания не происходит при служебном глаголе, поскольку деепричастие может сопутствовать только полнозначному глаголу, выражая дополнительное действие, ср.:

Словацкий язык

Ide so sklonenou hlavou

Chodi so sklonenou hlavou

Русский язык

Идет опустив голову

Ходит с опущенной головой

Лексемы типа *покраснеть*, *побледнеть*, *бритый* и т.п. представляют интерес в том отношении, что они относятся к классу слов, включающих в свою семантику и соответствующую часть тела (ср. прилагательные типа *хромой*, *косой*, *слепой*, *глухой*, *лохматый*, *лысый*, *голый*, *босой*; *инеий*, *каурый*, существительные типа *блондин*, *брюнет*, *шатен*; глаголы типа *хромать*, *косить*, *седеть*, а также глаголы типа *смотреть*, *слышать*, *думать* и т.п., рассмотренные в предыдущем разделе).

4) Глагол 'иметь' (соответствующий русской конструкции с *у*-локализатором) в сочетании с конструкцией "с + твор." обозначает некоторое состояние R, имеющее отношение также и к Ps, например, русск. *У него плохо с глазами (сердцем)*; чеш. "...jak to máš s tou rukou?"

Общим свойством r-Str ($Ps_{nom} R_{adv}$), ($Ps_{nom} R_{instr}$), а также r-Str ($Ps_{nom} R_{acc}$), обозначающих элементарное (постоянное телесное) действие, является то, что агенсом таких r-Str может быть

только сам Ps, поскольку только сам Ps может выполнять указанные действия, так или иначе связанные с его частью тела.

r-Str ($Ps_{nom} R_{adv}$) может служить ядром комплексной r-Str ($Ps_{nom} R_{adv} R_{loc}$), представляющей собой комбинацию адвербиальной и локативной r-Str, ср. польск. *Leżeli w zamierającej trawie z rękami pod głową, z podciagniętymi kolanami; Z zatoczonymi na piersiach rękami stał w kąciku jak skamieniał*; чеш. *Chodí srukama v kapsách*. Такие r-Str отражают ситуацию, при которой Ps совершает некоторое действие, во время которого его часть тела R находится в локусе его части тела или предмета одежды R.

IV. Семантико-синтаксические структуры с номинативной позицией имени R

Номинативные r-Str подразделяются на три типа в зависимости от того, в какой степени действие или событие, происходящее с частью тела или другим объектом обладания, затрагивает Ps. С этой точки зрения можно выделить следующие типы предикатов:

а) Предикаты, обозначающие действия, не затрагивающие Ps и тем самым не образующие r-Str, например, глаголы бытия, ср. слвц. *Velitel' ove oči ostali prisne*, а также глаголы, обозначающие действия, направленные "вовне", во внешний мир, например, польск. *Twarzę tych dzieci wczął zdradzały jakąś mieszkaninę dziecinności i niegodzinności*; следует заметить, что затронутость-незатронутость по-разному расценивается менталитетом разных языков, поэтому набор таких предикатов для каждого языка различен [ср. Вежбицка 1979].

б) предикаты, обозначающие действия, которые в пределах данного языкового менталитета могут расцениваться и как затрагивающие, и как не затрагивающие Ps, ср. чеш. *její oči zářily / oči jí zářily* (в первом случае действие рассматривается как направленное наружу — свет глаз в восприятии внешнего наблюдателя, во втором случае действие расценивается как связанное с внутренним состоянием Ps).

с) предикаты, обозначающие действия, которые не могут не затронуть Ps или не могут не воздействовать на него.

Три семантико-синтаксических типа r-Str с R_{nom} следующие: локативно-посессивные, дативно-посессивные и аккузативно-посессивные.

Локативно-посессивные r-Str с y-локализатором характерны в основном для русского языка; они обозначают действие, совершающееся R и происходящее в пространстве Ps: (R_{nom}Ps_{loc}), ср. русск. *У него сияют глаза, колотится сердце, дрожат руки, болит нога* и т. п.

Дативно-посессивные r-Str (R_{nom}Ps_{dat}) характерны для всех трех рассматриваемых западнославянских языков; они обозначают действие, совершающееся R и затрагивающее Ps, и образуются с помощью предикатов следующих семантических групп:

1) Предикаты, выраждающие некоторое событие, произошедшее с R под влиянием внешних причин и затрагивающее Ps (негативное для Ps), ср. чеш. *Rovný hnát se mi zlomil*;польск. *Miał rękę złamać i kość mu się źle zrosła*. Важно отметить, что такое языковое осмысление ситуации возможно только для внутренних органов и внутренних участков тела; Внешние части тела не могут выступать в роли агента отрицательных событий, являющихся обычно следствием действия внешних по отношению к R агентов: самого Ps или агента внешнего по отношению к Ps, ср.: *złamać się mi ząb*, но: **noga mi się złamała* (ср.: *złamałem sobie nogę*, *X zranił nogę Y-owi*).

r-Str, выраждающие событие, положительное по отношению к Ps (ср. чеш. *Zlomená kost mu dobrě stroskla*) еще более малочисленны и также ограничены названиями внутренних органов.

2) Предикаты, обозначающие изменения в R под влиянием внутреннего состояния Ps, ср., например, слвц. *No hý sa mi podlamovali od vzrušenia. Ruky sa mi chveli*; чеш. *Standoval se nějak točí hlava; Standovi tlucé srdce*;польск. *Oczy mu zamigotły sirowością*.

3) Предикаты, обозначающие некоторое постоянное действие или состояние R, являющееся по сути признаком и отражающее не-

которую черту характера Ps, ср., например, слвц. *Zivé oči mi běhal po všetkých kútoch* (→ Ps любопытен); *Oči, hlboko položené, mu svietili krotkou modrou farbou* (→ Ps добр). Таким же способом может характеризоваться и внешность Ps: слвц. *Vlnisté zlatisté vlasy sa mu leskli v slnečnom lúči*. Как видно из примеров, наличие атрибута при имени R не мешает построению r-Str (R_{nom} Ps_{dat}) в западнославянских языках; существенно, что в русском языке построение соответствующих r-Str (R_{nom} Ps_{loc}) невозможно при наличии атрибута при имени R, ср.:

Словацкий язык

Vlasy sa mu leskli v slnečnom lúči

Vlnisté vlasy sa mu leskli v slnečnom lúči

Русский язык

Волосы у него (его волосы) сверкали на солнце

*Его волнистые волосы (*волнистые волосы у него) сверкали на солнце*

По справедливому замечанию А. Вежбицкой, r-Str (R_{nom} Ps_{dat}) возможны только в том случае, когда признак R трактуется как процесс ("усиление признака"), ср. слвц. *Je stále chudší a vlasy mu sedi vejú; oči mu ešte väčšmi zbystreli*; польск. *Głowa mu cię żąda; Włosy znacznie mu się przerzędziły; Włosy jej odrosły* – при невозможности конструкций типа: **vlasy mu sú šedivé; *oči mu sú bystré*. В русской r-Str (R_{nom} Ps_{loc}) не наблюдается таких ограничений: *Волосы у него поседели (поредели) / Волосы у него седые (редкие)*.

Возможно построение и взаимно-возвратных r-Str типа $(R^1 R^2)_{nom} (Ps^2 Ps^1)_{dat}$, описывающих взаимно-возвратные действия, совершаемые идентичными частями тела R^1 и R^2 , принадлежащими посессорам Ps^1 и Ps^2 , и затрагивающие обоих посессоров, ср. слвц. *Oči sa im stretli*; существенно, что в русском языке невозможна соответствующая r-Str с *у-локализатором*, ср. русск. *Их глаза встретились (*Глаза у них встретились)*.

$r\text{-Str}(R_{\text{nom}} Ps_{\text{dat}})$ могут образовывать комплексные $r\text{-Str}$, например, в сочетании с $r\text{-Str}(R_{\text{acc}})$ (см. выше), а также в сочетании с $r\text{-Str}(R_{\text{loc}})$ (см. ниже, в обзоре локативных $r\text{-Str}$).

В отличие от $r\text{-Str}$ с инструментальной и адвербальной позицией имени R , $r\text{-Str}(R_{\text{nom}} Ps_{\text{dat}})$ широко употребляются не только с именами частей тела, но и с рядом семантических групп других абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемых объектов обладания, как, например, с именами предметов одежды, ср. чеш. *kalhoty* *mi kloužou dolů*; польск. *spadł mi kapelusz; przedko mi się dąg skarpetki*; с именами родства, ср. польск. *ojciec mi zmarł*; с неотчуждаемыми абстрактными константами, ср. польск. *dusza mi siedzi w piętach*; при этом каждой семантической группе имен объектов обладания соответствует определенный набор семантических групп предикатов, например, в польском возможна фраза *syn im zmarł*, но невозможно сказать: **syn im uczy się w gimnazjum*, т.е. предикат должен обозначать действие или событие, в достаточно сильной степени затрагивающее Ps . Русская $r\text{-Str}$ с y -локализатором обозначающая действие, происходящее "в пространстве" Ps [т.е. такое, которое может не затрагивать Ps или затрагивать его в любой степени] не предъявляет таких жестких требований к семантике предиката, так же как и к семантике объекта обладания, ср. *У нее дочь учится в гимназии*, *У нее соседи вчера на дачу уехали* и т.п.

Поскольку $r\text{-Str}(R_{\text{nom}} Ps_{\text{dat}})$ всегда выражают затронутость посессора действием, то с именами неодушевленных посессоров такие $r\text{-Str}$ не употребляются; при этом русские $r\text{-Str}(R_{\text{nom}} Ps_{\text{loc}})$ могут употребляться и с именами неодушевленных посессоров, ср. *У Пети выпал зуб / У стола отвалилась ножка*.

Аккузативно-посессивные $r\text{-Str}(R_{\text{nom}} Ps_{\text{acc}})$ отражают ситуацию, в которой агенсом является объект обладания, а посессор является объектом действия. В $r\text{-Str}$ с именами частей тела предикат может обозначать различные отрицательные для Ps физические ощущения, расцениваемые менталитетом западнославянских языков как действия, "направленные" на Ps , ср. слвц. *Ruky ho*

nesmierne boleli; польск. *Lonią od tego czasu zaczęła bolić głowa*; чеш. *Bolí mě noha*; кроме глагола 'болеть', в такие г-Str могут входить глаголы типа 'чесаться', 'свербеть', 'зудеть' и т.п., ср. например. чеш. *svědí mě oko; kůže ho svrbí, celé tělo ho svrbí*; польск. *Palce i nogi dokuczliwie mnie swędziały*. Действия, описываемые структурами ($Ps_{nom} R_{acc}$), русский языковой менталитет трактует как действия и процессы, протекающие в пространстве Ps , ср. *у меня болит голова, зудят плечо* и т.п. Аккузативно-посессивные г-Str могут употребляться не только с именами частей тела, но они достаточно употребительны и с именами абстрактных констант, ср. польск. *boli go dusza*, а также во фразеологизмах возможно употребление таких г-Str и с именами других неотчуждаемых объектов обладания, ср. чеш. *palí ho kapsa* (в значении 'деньги у него долго не держатся').

Помимо русских г-Str с *y*-локализатором, в рассматриваемых языках существуют еще некоторые маргинальные структуры с локативной позицией имени Ps , ср. польск. *Nogi ugryzły się pod mną; Zachwiały się, kolana ugięły się pod nim*. Подобные конструкции находятся на периферии плана выражения категории посессивности, однако они представляют интерес в том отношении, что представляют Ps и R как семантически неотчуждаемые, но пространственно независимые друг от друга сущности (ср. приводимые ниже конструкции типа 'стоять на ногах' и т.п., а также некоторые другие конструкции, периферийные с точки зрения плана выражения, но существенные в плане пространственного осознания целого и его части, характерного, по-видимому, для менталитета древних социумов, для которых "относительно и само понятие границы тела" [Топоров, 1986, 159], что позволяло структурировать тело как пространство, противопоставляя часть – целому, ср. чеш. *vložit na sebe ruku*).

V. Семантико-синтаксические структуры с локативной позицией имени R

г-Str (R_{loc}) отличаются наибольшим разнообразием своих синтаксических и семантических свойств. Среди них следует разли-

чать в первую очередь конструкции элементарного действия, т.е. такого, которое может быть осуществлено только самим Ps, и комплексного, т.е. такого, которое может быть осуществлено как самим Ps, так и другом агенсом по отношению к нему.

A. r-Str ($Ps_{nom} R_{loc}$) элементарного действия

При элементарном действии R может играть роль места действия, исходного и конечного пункта действия.

A1. r-Str ($Ps_{nom} R_{loc}$), в которых R играет роль места действия, производимого Ps. В таких r-Str могут участвовать следующие предикаты:

1) 'Иметь'. r-Str с глаголом 'иметь' различаются по характеру той субстанции, которая "помещается" в или расположена вне его, ср. польск. *Masz oto w głowie porządek myśli*, где в части тела R помещается некоторая отчуждаемая нематериальная сущность / польск. *Nad głową masz sklepione z pokrzyżowanymi pni, gałęzi, korzeni*, где вблизи части тела расположен некоторый внешний по отношению к Ps предмет; в конструкциях с именами некоторых частей тела глагол 'иметь' изофункционален глаголу 'держать', ср. чеш. *Ten chlapec má v ruce cíce dopis*.

2) 'Держать' ('нести'): слвц. *V ruke držel zvádnutú kyticu*; польск. *Srebrzyste dzbany na głowach niosą trzy ciemne boginię*.

3) 'Чувствовать' ('ощущать'): слвц. *V nohe som zacítil palci v úbole*.

4) 'Изменяться': чеш. *narovnat se v knize*; польск. *zarumielić się na całej twarzy, mienić się na twarzy*; изменение может затронуть поверхность тела Ps вплоть до локуса R: польск. *zaaczernić się po uszy, obnażyć się do pasa*; чеш. *zapálil se až po ušky*.

5) 'Опереться'. В качестве опоры могут служить следующие части тела: а) ноги; в этом случае используются предикаты 'быть', а также 'двигаться', 'стоять', 'стать', 'встать', 'вскочить': польск. *Nazajutrzy dźiewiątej rano miał już być na nogach*; слвц.

vtedy už stála zase na nohách; такого рода глаголы относятся к разряду первичных специфических предикатов, поэтому обычно они употребляются с именем R только с атрибутом: польск. *Ktoś zadzwonił, wskoczyła na łózko nogi*; чеш. *hned se rotíci na slabých nohou*; такие глаголы употребляются и с именами неодушевленных посессоров, ср. польск. *Na srebnej podze stała taca*; русск. *Едет коляска на красных колесах*; б) Колени; предикаты: ‘стать’, ‘упасть’ на колени: слвц. *padol na kolena*; заметим, что во многих славянских языках существуют глаголы, включающие в свою семантику имя соответствующей части тела: польск. *klęzcęć, klęknąć*; чеш. *klekať, klíčat*; такие глаголы могут употребляться с именем соответствующей части тела только при наличии какого-либо детерминатива (например, количественного): польск. *Pan Andrzej przy klęknął na jedno kolano*; в качестве опоры в таких конструкциях могут быть использованы и другие части тела, ср. слвц. *Poručil sa oprel o lakte a sklonil tvár do dlaní*; A parkety sú šmykľavé, každú chvíľu može ľovek padnúť na nos.

A2. г-Str(P_s _{nom} R_{loc}), в которых R играет роль конечного пункта действия, производимого Ps; в таких г-Str используются предикаты: ‘взять’ (в руки): польск. *Wziął do ręki podłużną bielą kartkę*, а также глаголы типа ‘получить’ (в переносном значении, когда на самом деле исполнителем действия, отрицательного для Ps, является другое лицо): чеш. *dostał kulku do nogi; dostał po nose, přez hubu*; польск. *Nigdy jeszcze tak brzydko nie wziąłem po pysku; Nie zaczynaj ze mną, bo dostaniesz w skórę*.

A3. г-Str (P_s _{nom} R_{loc}), в которых R играет роль исходного пункта действия, производимого Ps. Такими г-Str описываются действия: ‘выпустить (из рук)’: чеш. “*Pět chalup nepusť m z ruky*” – *Kiká komisář*; ‘смотреть’, ‘говорить’ (имя части тела обозначает источник и/или преграду): чеш. *Adam zahájel na růži hubu Zdařbíh*; польск. *Jeszcze się raz przez ramię obejrział na pasażerkę*; слвц. *Pozrela spod mihalnice na Te Wonga; Cez zaslzené oči videl, že sa mu podarilo pretrhnúť horiaci*

kábel; чеш. ... *na něho Adam podíval z těch zapadlých očí.* Кроме того, предикат таких г-Str может обозначать вывод самого Ps из R, снятие верхнего покрова — у животных и, в переносном смысле, — у людей,ср. чеш. *Had se svlékl (z kůže)* ‘змей вылезла (букв. ‘разделась’) из кожи’; польск. *Wippo ze skóry wychodził, aby rycerzom dogodzić.* Заметим, что такая “анимализация” в оценке человеческих поступков всегда имеет целью подчеркнуть неестественность подобных действий для человека (ср. также выражения типа ‘вилять хвостом’, ‘ползать на брюхе’, ‘вынюхивать’, т.е. действовать подобно собаке, ‘шипеть’, ‘извиваться’, т.е. действовать подобно змее и т.п.). Такие г-Str употребительны и с именами неодушевленных Ps, ср. польск. *Rzeka wystąpiła ze swych brzegów.*

В. г-Str (R_{loc}) комплексного действия.

Такие г-Str обозначают действие, которое может быть выполнено как самим Ps, так и другим агентом по отношению к нему; поэтому они должны содержать или возвратную клитику (при Ps-агенсе) или имя Ps (при X-агенсе) в дативе или в аккузативе в зависимости от характера затронутости Ps действием, совершающимся в локусе его R. В связи с этим локативные г-Str комплексного действия следует разделить в первую очередь на дативно-посессивные и аккузативно-посессивные.

В1. Локативные дативно-посессивные г-Str ($Ps_{dat} R_{loc}$), т.е. г-Str ($Ps_{nom} Pron^{refl}_{dat} R_{loc}$) и ($X_{nom} Ps_{dat} R_{loc}$), где

$Pron^{refl}_{dat}$ — возвратное местоимение в дативе.

Поскольку г-Str с агентом, внешним по отношению к Ps, отличаются большим разнообразием, то описание локативных дативно-посессивных г-Str целесообразно произвести именно на базе г-Str с X-агентом. Действия внешнего агента, затрагивающее Ps в локусе R, может быть двух типов: α) ‘X совершает некоторое действие в локусе части тела R посессора Ps’ и β) ‘X воздействует на другой предмет внешнего мира Y в локусе части тела R посессора Ps’, т.е. во втором случае речь идет о более сложной г-Str ($X_{nom} Ps_{dat} R_{loc} Y_{acc}$).

Bl. 1, r-Str ($\text{Ps}_{\text{dat}} R_{\text{loc}}$), в которых R играет роль места действия. В формировании таких r-Str могут участвовать глаголы следующих семантических групп:

1) 'Находиться', 'происходить' в локусе R:

слвц. *Hrá sa na niekoho iného a smejú sa mi za chrbtom / Za chrbtom mi stál pred seda akademie.* Приведенные примеры показывают, что в локативных дативно-посессивных структурах степень затронутости Ps действием может быть различной в зависимости от того, относится ли Dat_{poss} в первую очередь к локусу части тела R (2-й пример) или ко всему событию в целом (1-й пример); в первом примере ситуация должна, очевидно, в сильной степени затрагивать Ps ('над ним смеются'), во втором случае степень затронутости Ps не столь очевидна, во всяком случае из данного изолированного высказывания (т.е. то, что за спиной Ps стоял президент академии, могло в принципе вообще не затрагивать Ps или затрагивать в очень слабой степени; сильная затронутость Ps этим событием могла бы выясниться только из широкого контекста); ср. также чеш. *Nad hlavou mi visí Datomoklův meč* (непосредственная затронутость Ps событием) /слвц. *Nad hlavou mi trbietali hviezdy* (событие может косвенно затронуть Ps). Все приведенные выше примеры относились к типу α ('X совершает действие в локусе части тела R посессора Ps'). Примеры конструкций типа β ('X действует на предмет внешнего мира Y в локусе части тела R посессора Ps'): польск. *Drzwi salonu zamknęto mi przed nosem; Otworzymy mi przed nosem sklep konkurencyjny.*

2) 'Поместить(ся)' в локусе R. Здесь также возможны оба типа моделей, ср. польск. *Pozwól mi usiąść ci na grzbietecie* (модель α) / *Fryzjer zawiązał Wokulskiemu ręcznik na szyi* (модель β).

3) 'Совершить' нечто в локусе части тела R посессора Ps, затронув тем самым и Ps, и его часть тела: польск. *Zawróciłeś ją z powrotem w głowę* (модель α) / *Pierwszy był półką strząsnął na twej głowę (ci na głowę)*, gdyby nie dziatek pierze (модель β).

4) Безличное действие (событие), происходящее внутри части тела R и физически ощущаемое Ps: польск. *Okrutnie mi w głowie szumiąło*; *Zawiłoukiem zaćmiało w oczach*; чеш. *Tmka ustal, napravil si kříz, v němž mu pětkrát ruplo* (ср. ниже безличные локативные аккузативно-посессивные r-Str, описывающие физическое состояние Ps).

Bl. 2. r-Str ($Ps_{dat} R_{loc}$), в которых R играет роль конечного пункта действия. В формировании таких r-Str могут участвовать следующие группы предикатов:

1) 'Приблизиться', 'переместиться' в локус R (модель α): польск. *Zosi te Brzezinki na mózg się rzuciły*; чеш. *Tahle sychravina leze člověku až do kostí*; *Do očí jí uhoďly kostkovane šaty*. Такие конструкции описывают обычно проникновение внутрь R некоторой материальной или абстрактной субстанции, совершающееся независимо от Ps, ср. также польск. *Matematyka szczeżólnie kątwa wchodziła jej do głowy*. Глубинным субъектом таких конструкций является сам человек, который воспринимает окружающий мир, чувствует сырость, увлекается математикой и т.д. Конструкции с глубинным субъектом – внешним агентом – редки и обозначают обычно ритуальные действия, ср. польск. *Padź do nog matce, prosił: "błogosław mi w drogi!"*; ср. также русск. *подойти к руке* (действие расценивается как "не затрагивающее" Ps: *Анна Андреевна!* (*подходит к ручке Анны Андреевны*). *Марья Антоновна!* (*подходит к ее ручке*)).

2) 'Переместить' нечто в локус R (модель β): польск. *Pod głowę położyli mu wojsk*; *Skuga sqdowy klucz Kamilii do rąk oddał*; *Papierosa co prawda nie wetknął mu w usta, ale wcisnął w dłoń*. Такого рода действия могут быть совершены не только внешним по отношению к Ps агентом, но и самим Ps по отношению к себе; чеш. *Prehodil si prez rameno kabelu s náradím*; слвц. *Vložil ju <fotografiu> nad srdcem do leteckej blúzy*; польск. *Gdy niosł herbatę do ust, prysko cienkie uszko*.

3) 'посмотреть': (а) в глаза, в лицо: слвц. *Pozeral sa mu dlho do očí*; польск. *Ale ja rozmawiając nigdy nie patrzę ko-*

leżankam i kolegom w twarz. Такие действия могут быть выражены также конструкциями незатрагивающего действия: польск. *Jeszcze raz spojrzałem w jego oczy;* слвц. *Poznałem sa do jej očí* (поскольку взгляд не всегда мыслится затрагивающим Ps); особенно часты такие конструкции при наличии атрибута: слвц. *Skupinka jeho podnádených skúmať sa dívala do tváre budučiho veliteľa* (b) *посмотреть* (на какую-либо другую часть тела); если взгляд в лицо, и особенно в глаза (обладающий как бы "проникающей" способностью) предполагает обычно ответное действие со стороны Ps, и уж во всяком случае не остается им не замеченным (поэтому в большинстве случаев такие действия мыслится как затрагивающие Ps), то взгляд на любую другую часть тела чаще мыслится как не затрагивающий Ps (ср. в этой связи различие в функции предлогов: 'в' – внутрь, в глубину, 'на' – на поверхность): польск. *Spojrzał na jej ręce* (но возможно и *Spojrzał jej na ręce*); слвц. *Kresák hovoril malo, len sa díval na Baldvínu novu ruku* [ср. также приводимое выше (с. 202) сопоставление действий типа 'смотреть' и 'видеть', первое из которых может мыслиться и как затрагивающее, и как не затрагивающее Ps, а второе – только как не затрагивающее Ps: *patrziť ci na nogi / *widziať ci nogi*].

4) 'Говорить' (на ухо кому-либо): слвц. *Podme do sály, už tančiť, – pošepkala mu do ucha;* здесь конструкция незатрагивающего действия просто невозможна, ср. **pošepkala do jeho ucha.*

r-Str, в которых R играет роль конечного пункта действия, легко могут преобразовываться во взаимные дативно-посессивные r-Str, ср.: слвц. *Chlapí pozrieli si do očí; Dlh sa pozerali na seba, potom si padli do naručia.* Как и в других r-Str, выражают взаимные действия двух посессоров, и в данном случае взаимность в русском языке будет выражена не возвратным местоимением, а сочетанием *друг другу*, ср.: *Парни посмотрели друг другу в глаза; Они долго смотрели друг на друга, а потом бросились друг другу в объятия.* Интересен при-

водимый ниже пример из польского языка, в котором требование очной ставки свидетелей трактуется языком как каузирование определенного взаимного действия двух посессоров по отношению друг к другу: польск. *Jeżeli między zeznaniami świadków zajdą sprzeczności, można zarządzić stawienie ich sobie do oczu* / русск. Если между показаниями свидетелей обнаружатся противоречия, можно организовать очную ставку.

Bl.3. r-Str (P_{dat} R_{loc}), в которых R играет роль исходного пункта действия: в такие r-Str могут входить глаголы следующих семантических групп:

1) 'удалить' нечто "изнутри" R: польск. *Wyrzucać mi z rąk książki; Dobrze, że chociaż i tyle mi się udało wydrzeć ci z gardła* (модель β); такого рода действие может выполнять и сам посессор по отношению к себе, ср. русск. *Х вынул занозу себе (у себя) из пальца;*

2) 'удалиться' изнутри R: чеш. *Vnik se jí pořád vytřhoval z ruky* (модель α); конструкции типа β возможны, по-видимому, только с именами некоторых объектов обладания, которые способны "самостоятельно" удаляться с поверхности части тела R; такие ситуации описываются соответствующими комплексными r-Str с R -агенсом типа слвц. *Z oči tvrdého chlapa sa líaly slzy* (см. ниже, с. 235);

3) 'удалить' нечто с поверхности R: слвц. *Z tváre mi zotrieli stopy umelej krví* (модель β);

4) 'удалить' из внешнего пространства вблизи R: польск. *Sprzątali mu sprzed nosa śniadanie* (модель β);

5) 'удалиться' из внешнего пространства вблизи R: польск. *Ziemia usuwa się mi spod nog; Przeszło mi to obok nosa* (модель α).

Локативные дативно-посессивные r-Str образуют в комбинации с r-Str других типов разнообразные комплексные r-Str. Некоторые из них были рассмотрены выше в разделах, посвященных другим типам r-Str, которые в этих комплексных r-Str являлись ядерными. Ниже мы рассмотрим комплексные r-Str, образованные на базе локативных r-Str.

1) Комплексная r-Str с Ps-агенсом: комбинация инструментальной и локативной r-Str ($Ps_{nom} R_{loc} R'_{instr}$); такие r-Str служат для выражения действия, совершаемого посессором с помощью его части тела R' в локусе части тела R . Такое действие может рассматриваться языковым менталитетом как затрагивающее Ps или как направленное на Ps.

1.1) r-Str ($Ps_{nom} R_{loc} R'_{instr}$), описывающие действие как затрагивающее Ps, содержат возвратную клитику в дативе, ср, слвц. *Kapitan si zase prešiel suchou dlaňou po čele*;

1.2.) r-Str ($Ps_{nom} R_{loc} R'_{instr}$), описывающие действие как как направленное на Ps, содержат возвратную клитику в аккузативе, ср, польск, *Poskrobal się ręką po głowie*; заметим, что в рассматриваемых языках эта разновидность r-Str имеет значительно большее распространение.

2) Комплексные r-Str с R-агенсом: комбинация номинативной и локативной r-Str ($R'_{nom} R_{loc} Ps_{dat}$); r-Str такого типа описывают событие, происходящее в локусе части тела R, агенсом которого является часть тела или другой объект обладания R. Как и все локативные r-Str, эти комплексные r-Str различаются направлением действия: действие может быть направлено в сторону R, от R или совершаться в локусе R.

2.1.) r-Str, в которых R играет роль места действия. Такие r-Str могут быть двух типов.

1-й тип структур может быть назван бытийным и отличается от всех остальных типов комплексных r-Str, рассматриваемых в этом разделе, тем, что чисто бытийные конструкции не могут сочетаться с дательным посессивным, а также тем, что они характерны, в основном, для русского и словацкого языков. Указание на посессора в самой r-Str отсутствует; принадлежность объектов

обладания соответствующему Ps определяется из предтекста, ср.: слвц. *Vlasy mu* (Ps) šedivé jú. *Okolo očí < sú> tmavé jamy a tak cudne sa pozera, tak smutne* /русск. Волосы у него (Ps) седеют. Вокруг глаз – темные впадины, и так странно он смотрит, так грустно; Radista (Ps) má čisté a pestované ruky a pod krvou na tvári ne sú žiadne raný /русск. У радиста (Ps) чистые и ухоженные руки, а под кровью на лице нет никаких ран; такие конструкции выражают наличие некоторых особенностей внешнего покрова части тела: морщины, ямочки и т.п., присутствие неотчуждаемой материальной субстанции на поверхности: кровь, пот, слезы и т.п., а также – наличие/отсутствие на/внутри R абстрактной субстанции (чаще отчуждаемой, т.е. не обязательной для СМС "человек"), ср. слвц. *Pozriiel sa do jej veľkých očí, ne bolo v nich ani omrvinky lútosti* /русск. Он посмотрел в ее глаза, в них не было ни крупицы жалости; *Na jeho plecach bola väčšia zodpovednosť* /русск. На его плечах была (на нем лежала) большая ответственность. Наличие/отсутствие вышеупомянутых типов R' в локусе R могут выражаться и некоторыми другими глаголами, которые, будучи полнозначными по своему лексическому значению, приобретают в подобных контекстах фразеологически связанное значение бытийности; однако существенно, что с этими глаголами уже становится возможным употребление имени Ps в дательном посессивном, ср. слвц. *Na tvári sa mu zračil akýsi smutok; Ale úsmie v mi hral oko lo úst, a na tvári sa zračil akýsi neopísateľný výraz nesmiernej lúdskej hrosti.* Следует отметить также, что вышеприведенные г-Str, отражающие идею обладания, не допускают абсолютно неотчуждаемых R'.

2-й тип г-Str обозначает ситуацию, при которой материальная субстанция R', появляющаяся в локусе части тела R, характеризует Ps по некоторому признаку (чаще – душевное состояние Ps): чеш. *Na čele mu vystal pot; V oku se jí zaleskla slza radosť;* слвц. *V očiach sa im leskli slzy; Kresák, mladý kapitán, ktorému sotva uschlo mleko na brade...*

3-й тип г-Str обозначает ситуацию, при которой часть тела R', принадлежащая Ps, выделяется на фоне его части тела R, что за-

трагивает Ps , характеризуя его внешность: чеш. *Cára se pomalu otočila a zase jí zůstaly ve tváři jen ty oči, ohromné a vyděšené;* слвц. *V ústach sa mu zaleskli perly zubov, ked' sa ustrial;* польск. *Odrastające nierówno włosy sterczące jej nad czołem nastroszonymi kosmykami; Nad czołem jaśniała mu spora kysinka.*

4-й тип г-Str описывает некоторое отрицательное событие, происходящее с частью тела R' в локусе части тела R, составляющей часть R', что отрицательно затрагивает Ps ; польск. *Przed koncertem zaczął mu obierać palec pod paznokciem;* чеш. *Nohy se mu lámalý v kolenou.*

5-й тип г-Str описывает ситуацию, при которой некоторая неотчуждаемая материальная субстанция или абстрактная сущность R' "перемещается" относительно части тела R, что характеризует душевное и/или физическое состояние Ps : польск. *Przemknęło jej przez głowę szybkie wspomnienia;* слвц. *Od štiplícého dymu mu tiekli po lícach slzy;* В некоторых языках, например, в чешском и словацком, возможна в этом случае также и инструментальная позиция (такая синтаксическая позиция вообще характерна в этих языках для имени предмета, относительно которого движется другой предмет, ср. строчку из известной чешской песенки: *Kočka leze dírou, pes oknem*); чеш. *Hlavou mi projela myšlenka;* слвц. *Horúce slzy mu tiekli dolu lícam.*

2.2.) г-Str, в которых R играет роль исходного пункта действия; при этом R' "удаляется" (в прямом или переносном смысле) с поверхности или изнутри R и при этом R' может представлять собой: а) абсолютно или относительно неотчуждаемую часть тела Ps : польск. *Chorawała na tyfus i duzo mu włosów wyszło z głowy;* чеш. *Ruka se mu vymkla z zářeští; Lekla se a z celého drobného obličeje jí zbyly jenom oči;* б) предмет одежды: чеш. *Šátek jí spadl s hlavy;* в) физиологическую субстанцию: слвц. *Z očí tvrdého chlapa sa liali slzy;* д) чувства; душевые качества: чеш. *dobrota jí z očí svítila;* слвц. *Z očí jej sálal nesmíerný hněv.*

2.3.) r-Str, в которых R играет роль конечного пункта действия; при этом описывается ситуация, при которой R' приближается к R или перемещается в локус R. Семантика имени R аналогична п. 2.2., ср.польск. *Zacisnął pięści tak mocno, że raznochcię wpięły się w ciało;* чеш. *A nahle smutný úsměv se mu zavěsil na ústa;* слвц. *Dievčatú sa vrátil lesk do očí.*

Что касается комплексных r-Str, включающих имена частей тела разных посессоров, то здесь следует назвать комплексную r-Str, представляющую собой комбинацию инструментальной и локативной r-Str. Такие r-Str описывают ситуацию, при которой один из посессоров Ps² с помощью своей активной части тела R² совершает действие в локусе части тела R¹ посессора Ps¹, что отрицательно затрагивает Ps [r-Str (Ps²_{nom} R²_{instr} Ps¹_{dat} R¹_{loc})] : чеш. *Jednoho kopnout pod břicho, druhému přestít do brady a je to.*

Локативные r-Str возможны также и с именами других объектов обладания, способных играть роль локуса — с именами предметов одежды, именами локативного значения, именами абстрактных констант и т.п.: польск. *Wyciągnąć z torby jedzenie* (Ps-агенс); *Słowa pręty mię z głębi duszy;* *W pończosze poleciało jej oczko* (R'-агенс); *Wyleciać mi z kieszeni jakiś papier;* *Z torebki wysypując mi się migdale;* *Niech nikt nad grobem mnie przeźnać ze* (X-агенс). Очевидно, что r-Str с R'-агенсом следует считать комплексными r-Str (R'_{nom} Ps_{dat} R_{loc}). Наибольшее распространение имеют такие r-Str с именами предметов одежды, ср. также чеш. *Vytrhl mi na kolenu látku z kahot;* польск. *Futrane czapu nakrywały im czółka po brwi.*

Само собой разумеется, что локативные дативно-посессивные r-Str не могут употребляться с именами неодушевленных посессоров, поскольку действие, совершающееся в локусе объекта обладания неодушевленного посессора, не может его затрагивать.

B2. Локативные аккузативно-посессивные r-Str
(Ps_{acc} R_{loc}), т.е. r-Str (Ps_{nom} Pron^{refl}_{acc} R_{loc}) и (X_{nom} Ps_{acc} R_{loc}),
где Pron^{refl}_{acc}—возвратное местоимение в аккузативе.

Так же, как и при обзоре локативных дативно-посессивных г-Str, обзор аккузативно-посессивных г-Str будет осуществлен на базе г-Str с X-агенсом.

Локативные аккузативно-посессивные г-Str выражают событие, происходящее в локусе части тела R посессора Ps и осознаваемое как действие, "направленное" на Ps. Поэтому такие г-Str не могут различаться в зависимости от направления действия; они различаются только семантикой предиката.

B2.1. Безличные аккузативно-посессивные локативные г-Str ($Ps_{acc} R_{loc}$) отражают острое физическое страдание Ps, испытываемое им в локусе части тела R и трактуемое языковым менталитетом как действие, "направленное" на Ps (ср. близкие по семантике номинативные аккузативно-посессивные конструкции типа польск. *Boli go głowa*): чеш. *Už ho boli. v kříži*; польск. *Aj, aj! Jak mnie w dołku boli!*; *Zydronowi pociemniało w oczach, zapiekło go wielkim bólem w szczekach i policzku*. Эти г-Str, как и номинативные г-Str, выражающие физическую боль, соответствуют русским г-Str с у-локализатором, ср. русск. *Ай, ай!*. *Как у меня болит под ложечкой!*; однако такая г-Str возможна в основном в тех случаях, когда имя части тела R существует только в своей локативной форме: под ложечкой, подмышками и т.п.; в противном случае используется либо номинативная г-Str с у-локализатором: *У меня болит спина*, или глагол заменяется на соответствующее отглагольное существительное: *У меня боль в спине*; конструкция же типа **У меня болит в спине* в русском вряд ли возможна.

B2.2. Личные локативные аккузативно-посессивные г-Str обозначают действие, направленное на Ps в локусе его части тела R и совершающее либо самим Ps, либо внешним агентом по отношению к нему.

1) Ласкательные действия.

Ласкательные действия, как уже упоминалось (см. выше) могут выражаться аккузативными дативно-посессивными г-Str, характерными в основном для чешского и словацкого языков: чеш. *pohládil (zhlabal) dítěti klaveški*; слвц. *hladkal mu tváre*; однако во

всех четырех рассматриваемых языках наиболее распространенной $r\text{-Str}$, выражющей ласкательные действия, является $r\text{-Str}$ ($X_{nom} Ps_{acc} R_{loc}$), а также (при Ps -агенсе) – $r\text{-Str}$ ($Ps_{nom} Pron_{acc} R_{loc}$): польск. *Gładzić, głaskać go po głowie; Pogłaskać konia po szyi i piersiach* (X-агенс); *Pogładzić się po włosach*; чеш. *Pohladiť ho po tváři; слвц. Pohladil ho po hlave; Pohladkať ju po vlasoch*: Одним из часто употребляемых глаголов тактильного возвратного действия является глагол ‘чесать’: польск. *Po skrobać się znowu w głowy, spojrzała na siebie i odchrząknęła*; чешск. *Poskubával se za vás; Poškrábal se za uchem*; слвц. *Poškrábal sa za uchom*. Глагол ‘целовать’ также широко употребляется в аккузативно-посессивных $r\text{-Str}$: польск. *Całować w ręce bambuski; Posiąkać mnie w ustę; Nie tylko mnie posiąkał w twarz, ale kilka razy w rękę*; целование руки оформляется аккузативной $r\text{-Str}$ только в польском языке, в котором, как говорилось выше, с глаголом ‘целовать’ употребляется только аккузативно-посессивная $r\text{-Str}$ и структура незатрагивающего действия: *całować jej twarz*; что касается чешского и словацкого языков, то здесь аккузативно-посессивные $r\text{-Str}$ употребляются не со всеми именами частей тела: чеш. *Políbil ňenu na rty; Políbil dítě na čelo*; слвц. *Bozkal ho na čelo; Pobozkal ju na líce; Pobozkával ju na ústa*; целование руки во всех рассматриваемых языках, кроме польского, выражается дативно-посессивной $r\text{-Str}$: русск. поцеловал ей руку (но: **поцеловал ей голову*), чеш. *Zlibal ji tváře, ruce; Pobozkal dečkovi ruku*; слвц. *Pobozkal jej ruku*; и, кроме того, в русском (как и в польском) употребляется структура незатрагивающего действия: *Поцеловал ее руку*.

2) Отрицательное физическое воздействие на Ps в локусе R . В эту семантическую группу входят глаголы следующих типов: ‘ударить’: слвц. *Potom ho umlčal jedním hakem do brady*; чеш. *Ja ho tady kopnul do téku ňury!*; ‘похлопывать’: слвц. *Inžinier Petrovič, — potlačí a pakať po pleci zroneného ľloveka veliteľa radioastronomie*; польск. *Rybak klepiet turystę uspokajającco po ramieniu*; ‘уколоть’: чеш. *utíkal mne v prst*; русск.

В это самое время меня сильно колынуло в грудь пониже правого плеча: 'укусить': чеш. *Kazdý hledá jen příležitost kousnout člověka do nohy*; 'ранить': польск. *zranić go w ramię, skaleczyć go w policzek*; 'дергать': польск. *Przy każdej sposobności tarmosić go za uszy*; чеш. *vytahal za uši nějakého výrostku*. Такого рода действия могут быть осуществлены и самим Рs по отношению к себе и в этом случае они, как правило, не оказывают на Рs отрицательного воздействия, ср. слвц. *Ale ja, – buchol sa hrdo do r̄s, – Ja perognám níč*, russk. *ударить себя по лбу, ударить себя в грудь*. По сравнению с дативно-посессивными рефлексивными конструкциями, выражающими тактильное рефлексивное действие (см. выше), совершающее обычно бессознательно и имеющее своим объектом часть тела R, аккузативно-посессивные рефлексивные конструкции, выражающие действия, совершаемые в локусе части тела R, имеют целью через часть тела воздействие на самого себя. Глаголы типа 'ударить' не употребляются в дативно-посессивных конструкциях, поскольку прямым объектом такого действия может быть только одушевленный предмет, ср. *ударить человека / *ударить стол* (в дативно-посессивных конструкциях объектом действия является часть тела, т.е. объект неодушевленный, ср. **ударить себе / кому-либо ногу*). В то же время удар, направленный на себя, не совершается с намерением причинить себе вред, а является либо реакцией на нечто происходящее во внешнем мире (ср.: *ударить себя по колену* – например, услышав радостное или, наоборот, неприятное известие), либо символическим движением, например, *ударить себя по лбу* – символ "наказания себя" за забывчивость (удар по "пронинившейся" части тела), *ударить себя в грудь* – символ указания на себя (на сердцевину, средоточие себя) и т.п. Для глаголов 'чесать' и 'гладить' возможны оба типа конструкций, причем для глаголов типа 'гладить' предпочтительны аккузативные конструкции, если действие осознанно и имеет своим объектом самого человека (ср. *погладить себя по животу, погладить кого-либо по голове*), и дативные конструкции, если действие безошибочно и имеет своим объ-

ектом часть тела (ср. в задумчивости поглаживать (себе) бороду). Для глаголов типа 'чесать' предпочтительны дативно-посессивные конструкции, поскольку объектом такого действия является обычно зудящая часть тела, а не ее обладатель, ср. *почесать себе голову*. Особенно решительно не принимает в этом случае аккузативных конструкций русский язык, и даже в сочетании с локативом (который неизбежен, если речь идет не о самой части тела, а действительно о ее локусе — внутреннем или внешнем) употребляется или подразумевается датив возвратного местоимения, ср. *почесать себе / кому-либо за ухом*; аккузатив предпочтителен, если действие совершается по отношению к животному, поскольку оно имеет целью воздействие на посессора: *почесать собаку (кошку) за ухом*.

3) Действия типа 'схватить', 'взять' и т.п.: польск. *Chwycić mnie za ręce, za nogi i dalejże podrzucać w góre; Chodok chwytał Lonię za łokieć; Biorę tę dziewczynę za ręce; Ktoś mocno chwycił mnie za poły surduta;* чеш. *Vzal ho za límec; Vzal ho kolem krku, kolem pasu; Vzal ji za rukou; Podřízel se syna za ruku; Chytíl ji za ruku, za vlasy, kolem krku;* слвц. *Profesor ju chytil za ruku; Vziali sa za ruky.*

4) Действия типа 'вести', 'тянуть': слвц. *Viedli ho za ruku.*

5) Действия типа 'извлечь'. Такого рода действия (изъятие Ps из R) могут быть выражены в рассматриваемых языках и другими r-Str, ср. выше r-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{dat}} R_{\text{acc}}$) типа польск. *złupili wołową skórę* и r-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{loc}} R_{\text{acc}}$) типа польск. *zdzierali skórgę z barana/* русск. *Содрали шкуру с барана.* r-Str ($X_{\text{nom}} \text{Ps}_{\text{acc}} R_{\text{loc}}$) употребляются для обозначения такого рода действий только в западнославянских языках: польск. *Krzyczał ze strachu tak, jakby ją ktoś żywem ze skóry obdzierał;* чеш. *odňtí někoho z kůže;* такие конструкции употребляются в этих языках и с именами других объектов обладания, которые могут восприниматься как оболочка Ps, например, с именами предметов одежды, ср. польск. *Rozebralismy go przemocą z kraciąstego płaszczu;* чеш. *Svlékni dítě z kabátu;* а также с именами неодушевленных посессоров, ср. польск. *obedrzać drzewo z kory;* чеш. *svléknot kmen z kůry* и т.п.

6) Действия типа ‘поставить’/‘свалить’ (Ps с R-опоры): чеш. *Postavil ho na nohy*; польск. *Chłopcem zakręciło na miejsce i zwałiło go z nogi*.

Структуры ($Ps_{acc} R_{loc}$) описывают действие, совершающееся в локусе части тела R посессора Ps и направленное на Ps. Семантика этих структур отражает наивысшую степень затронутости Ps – прямое воздействие на него. С этим связано употребление в этих структурах глагола ‘ударить’. Такие действия могут иметь взаимно-возвратный характер и выражаться в языке взаимно-возвратными r-Str: слвц. *Tl'ap kali sa dōverne po pl'eči, tl'ap kali sa po kolenáčch, buchali sa do chrbta; Utekali za ťou, držali sa za ruky, mávali*.

Локативные аккузативно-посессивные r-Str в комбинации с другими r-Str могут образовывать комплексные r-Str, например, инструментально-локативные, ср. польск. *Po skrobal się ręką po głowie i poszedł, aby wydać polecenia*; а также номинативно-локативные ($R'_{nom} R_{loc}$) типа польск. *Pod powiekami zapiekły go čzy*.

Структуры типа ($Ps_{nom} R_{loc}$) описывают действие, в наибольшей степени затрагивающее Ps, поскольку обозначают прямое воздействие на него в локусе его части тела. И при этом такие r-Str, в отличие от дативно-посессивных, могут быть употреблены с именами неодушевленных посессоров, ср. приводимые выше примеры типа польск. *obedrzyć drzewo z kory*, а также русск. *поднять стул за ножку* и т.п. Возможны r-Str и с другими позициями имени Ps, кроме дативной, ср. польск. *Portret adwrócony jest twarzą do sčiany, To zaskakuje mnie w tej sprawie już na poczatku*. При этом дативно-посессивные конструкции для имен абстрактного и предметного посессора невозможны; так,, ‘действие, направленное на объект обладания неодушевленного посессора,’ не может затронуть его обладателя, ср. русск. *сломать кому-либо ногу / сломать ножку стола; обрезать кому-либо волосы / обрезать конец проволоки;* русские конструкции с у-локализатором, также возможные для неодушевленных Ps, выражают действие, совершающееся в локусе Ps, но не затрагивающее Ps: *обрезать конец*

у проволоки, отпилить ножку у стола; но даже и такие г-Str, отражающие отношения посессивности неодушевленного посессора в их динамике, редки и обычно уступают место структурам, где отношения между неодушевленным объектом обладания и его посессором представлены в их статике, ср. *конец проволоки – обрезать конец проволоки, ножка стола – отпилить ножку стола.*

Только статически могут быть представлены отношения посессивности и для "собственно отчуждаемых" объектов обладания одушевленных посессоров, поскольку такие отношения не имеют аналога в картине мира, т.е. не входят в СМС одушевленного посессора, ср. польск. *Linia stońca skoczyła mi pod koła* (т.е. под колеса машины, которой Ps управляет – принадлежность по активной функции Ps, соответствующая отношению окказиональной неотчуждаемости), но: *Linia stońca skoczyła mi pod ko-χa* (автобуса, на котором он ехал – принадлежность по пассивной функции Ps, которая не может трактоваться менталитетом как отношение окказиональной неотчуждаемости), хотя в статике такое отношение может быть выражено как посессивное: *mój autobus* ‘автобус, на котором я обычно езжу или еду в настоящий момент’.

Итак, в главе были рассмотрены различные динамические семантико-сintаксические структуры, выражающие семантико-сintаксическими средствами отношение посессивности между посессором и объектом обладания. В динамических ситуациях, возникающих под воздействием сил, внешних и внутренних по отношению к Ps, в Ps и в R возникают взаимосвязанные между собой процессы. Как было показано, такие процессы могут быть выражены в языке различными семантико-сintаксическими структурами (г-Str) общим свойством которых является то, что „отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и в R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений, что в большинстве случаев исключает необходимость в статическом показателе посессивности; в г-Str статический показатель посессивности обычно отсутствует, а в артикльевых языках он заменяется на артикль, как правило, определенный, т.к. в г-Str происходит "расщепление" значения

Prop_{poss} на собственно определенность (Def), выражающуюся в артиклевых языках определенным артиклем, и отношение посессивности (r), выражаемое самой *r-Str*, ср. нем. *Peter wäscht die Hände*.

Наибольшим разнообразием отличаются *r-Str*, описывающие динамику отношения посессивности в ядре категории, и в первую очередь — динамические *r-Str* с именами частей тела, описывающие отношения между лицом и ближайшими к нему объектами обладания (находящимися по отношению к нему в отношениях абсолютной и относительной неотчуждаемости); однако тесные отношения между посессором и его объектом обладания — еще недостаточное условие построения *r-Str*, не требующей категориальных средств выражения отношения посессивности между посессором и его объектом обладания. Важным условием построения *r-Str* является семантика глагола-предиката данной *r-Str*, которая должна "подкреплять" связь между *Ps* и *R*, обозначая действие, вызывающее общие для *Ps* и *R* процессы. Таким образом, можно сделать заключение, что семантико-сintаксические структуры, выражающие посессивность (*r-Str*) представляют собой семантико-сintаксическое единство, содержащее имена посессора и его объекта обладания и на глубинном уровне содержащее отношение посессивности между ними; это определяется наложением друг на друга нескольких стереотипных ментальных структур, СМС): СМС данного посессора (включающая концепты посессора и его объектов обладания и степень связаннысти между посессором и каждым объектом обладания — абсолютная, относительная и окказиональная неотчуждаемость) СМС обозначенного в *r-Str* действия и СМС описываемой данной *r-Str* ситуации. Чем в большей степени описываемая реальная ситуация соответствует стереотипу, т.е. имеющейся в сознании говорящих картине мира, тем выше вероятность того, что именно *r-Str* станет в данном случае единственным возможным средством выражения отношения посессивности между данным посессором и его объектом обладания.

Литература

- Вольф 1974 – *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- Вольф 1977 – *Вольф Е.М.* Некоторые особенности местоименных посессивных конструкций (иберо-романские языки). //Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Головачева 1989 – *Головачева А.В.* Категория посессивности в плане содержания //Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989.
- Головачева 1994 – *Головачева А.В.* Семантическая категория обладания в структуре высказывания и текста (на материале славянских языков). Научный доклад на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1994.
- Николаева 1986 – *Николаева Т.М.* Структурирование ситуации – отражение языкового менталитета (старославянской и греческой евангельские тексты) // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986.
- Ревзин 1977 – *Ревзин И.И.* Анкета по категории определенности–неопределенности. Публикация и предисловие О.Г.Ревзиной// Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Топоров 1986 – *Топоров В.Н.* О некоторых предпосылках формирования категории посессивности //СБЯ. М., 1986.
- Wierzbicka 1979 – *Wierzbicka A.* Ethno-syntax and the philosophy of grammar //Studies in language. (Amsterdam), 1979. V.3. N 3.

T.N. Свешникова

БАЛКАНСКИЙ КОНЪЮНКТИВ
(на материале румынского и болгарского переводов
Нового Завета)

Одна из основных особенностей языков балканского ареала – в кругу балканского языкового союза (БЯС) – как известно, состоит в том, что инфинитив в этих языках замещается личными глагольными конструкциями /ср., в частности: Габинский 1970; Мирчев 1937, 2–34; Iliescu 1968, 115–118/.

В данной работе рассматриваются румынские и болгарские конструкции с приглагольным и присубстантивным конъюнктивом, а также проблемы, связанные с комплексами клитик в этих конструкциях. Выбор темы целиком обусловлен наличием сходных явлений в румынском и болгарском, что дает возможность сделать типологические сопоставления, существенные в аспекте БЯС.

Конструкции с румынским конъюнктивом описаны в ряде исследований и, в частности, в работах автора /Свешникова 1977; 1979; 1984/. Мы воспользовались ими как своего рода точкой отсчета: в процессе анализа оказалось, что предложенные в них схемы могут быть успешно приложены к болгарскому материалу. При сопоставлении обнаружилось большое количество совпадений не только на конструктивном уровне, но и в наборе глаголов и имен, после которых возможно употребление конъюнктива (*resp. да-конструкций*). Конечно, говорить о полном совпадении нельзя, но сходство очень велико, о чем можно судить по дальнейшему представлению материала, во многом извлеченного из Нового Завета в его современных переводах на румынский, болгарский и русский языки.

Приглагольный конъюнктив

Глаголы, обуславливающие конструкции с конъюнктивом (resp. да-конструкции). К их числу относятся: глаголы с общим значением ‘начала, продолжения и конца действия’ рум. *a se apăsa, a da, a însepare, a lăua, a(se) prinde, a se rupe; a continua; a conteni; бол. почна, започна, взема, начена; продолжа; свърша, престана, завърща*; глаголы со значением ‘хотеть, желать’ рум. *a dori; a(se) gîndi; a pretinde; a vrea; бол. искал, желая; ‘нравиться’: рум. a placea; бол. обичам; ‘пытаться, стремиться, осмеливаться’: рум. a căuta, a se grăbi, a încerca, a lupta, a se osteni, a plăni, a(se) sili, a tinde, a umbla; a cuteza, a îndrăzni; бол. стремя се, взнамеревам, опитам се; смея, посмея, осмеля се; ‘уметь’: рум. a ști; бол. умеля, знал; ‘мочь’: рум. a rutea; бол. мога; ‘учиться’: рум. a învăța; бол. уча се; ‘думать, считать, полагать’: рум. a considera, a crede; бол. мисля, смятам; ‘понимать’ рум. a înțelege; бол. разбираю; каузативные глаголы: рум. *a constrânge, a(se) determina, a îndemna, a îngădui, a lăsa, a obliga, a permite, a porunci, a recomanda; бол. карам, принудя, заповядам, разреша; глаголы со значением ‘помогать/мешать’: рум. a ajuta/a împiedica, a opri, a se opune; бол. помогам/препятствувам, преча; ‘соглашаться/отказываться’: рум. a consimți, a se învoi/a dispensa, a refuza, a renunța; бол. съгласявам се/ отказвам се; глаголы со значением ‘просить’: рум. a(se) cere, a ruga; бол. моля; ‘удаваться’: рум. a ajunge, a apăsa, a izbuti, a se învrednici, a reuși; бол. успея; глаголы движения: рум. a se duce, a merge, a pleca, a umbla, a veni; бол. отида.**

Положение глагола: а) контактное; б) дистантное. В первом случае между компонентами конструкции с конъюнктивом, равно как да-конструкции, располагаются комплексы клитик (см. таблицы 1 и 2), состоящие из предлогов, частицы *să* (для румынского), *да* (для болгарского), местоимений и некоторых наречий (в румынском);ср. рум. *Și nici unul din ucenici nu îndrăznea să-L întrebe: Cine este Tu?* (Иоан, 21, 12) ‘Из учеников же никто не смел спросить Его: кто Ты?’ бол. *И никой от учениците не смееше да Го попита: кой си Tu?* (Иоан, 21, 12); рум. ... *oricând voi și, puteți să le*

faceți bine (Марси, 14, 7) ‘когда захотите, можете им (благотворить’; бол. *кога поискате, можете да им сторите добро*’ (Марк, 14, 7). Во втором случае между Vfin и группой клитик возможно появление: различных адвербов, существительных или местоимений в роли прямого дополнения глагола в личной форме, существительных в дативе (в румынском) или существительных с предлогом в функции косвенного дополнения Vfin, существительных или местоимений, выступающих в роли подлежащего глагола в личной форме; такая инверсия подлежащего и сказуемого очень распространена в архаичных текстах. Примеры: рум. *L-a rugat confidențial și stăruitor să-i îngăduie o amănare de o lună* (Ребр., 33) ‘Доверительно и настойчиво просил дать ему отсрочку на месяц’; бол. *Го помоли поверительно и настойчиво да почака плащенето* (Ребр., 30); *Такъв вие не го оставяте вече да стори нищо за баща си или за майка си* (Марк, 7, 12); рум. *Trimise două bărci să încarce blanurile vînătorilor* (Фрам, 180) ‘Послал две лодки, чтобы погрузить шкуры, добытые охотниками’; бол. *Прати две лодки да натоварят кожите на ловците* (Фрам, 182); рум. *Poate orb pe orb să călăuzească?* (Лука, 6, 39) ‘Может ли слепой водить слепого?’; бол. *Нима може слепец слепеца да води?*; *Iar El i-a zis: Lasă morții să și îngroape morții lor* (Лука, 9, 60) ‘Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвцев’; бол. *Но Иисус му каза: остави мъртвите да погребват своите мъртвци*; рум. *au trimis la temniță să-i aducă pe apostoli* (Фаптеле, 5, 21) ‘Послали в темницу привести Апостолов’; бол. *и проводиха в тъмницата да доведат апостолите* (Деяния, 5, 21); рум. *Își-a semănatoul să semene să-mîntă sa* (Лука, 8, 5) ‘Вышел сеяль сеять семя свое’; бол. *Излезе сеяч да си семе* (Лука, 8, 5); рум. *și am zis ucenicilor Tăi să-l alunge, dar ei n-au putut* (Марси, 9, 18) ‘Говорил я ученикам Твоим, чтобы изгнали его; и они не могли’; бол. *Говорих на учениците Ти да го изгонят, ала не можаха* (Марк, 9, 18).

Способы соединения глагола в личной форме и конъюнктива. Основным элементом, соединяющим глагол в личной форме с конъюнктивом служит показатель конъюнктива *să* в румынском и союз *:да* в болгарском. Эти компоненты, за редким исключением,

никогда не опускаются и сопровождаются многочисленными клитиками, расположенными в строго определенном порядке (см. таблицы 1, 2). Ср.: рум. *Nu pot să mă scol să-ți dau* (Лука, 11, 7) ‘Не могу встать и дать тебе’; бол. *Не мога да стана и ти дам* (Лука, 11, 7); рум. *Cum poate satana să alunge pe satana?* (Марк, 3, 23) ‘Как может сатана изгонять сатану?’ бол. *Как може сатана да изгонва сатана?* (Марк, 3, 23); ср. также: рум. *Caci nici să moară nu mai pot* (Лука, 20, 36) ‘И умереть уже не могут’; бол. *И да умрат вече не могат* (Лука, 20, 36). Если конструкция состоит из глагола и двух однородных глаголов в конъюнктиве, то в румынском, как правило, сохраняются показатели конъюнктива у обоих глаголов, в то время как в болгарском союз *да* иногда опускается перед вторым глаголом; ср.: *Nu înseatau să învețe și să binevestească pe Hristos Iisus* (Фаптеле, 5, 42) ‘Не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе’; бол. *Не преставаха да поучават и благовествуват за Иисуса Христа* (Деяния, 5, 42); *За всичко, що Иисус начена да върши и учи* (Деяния, 1, 1).

Далее рассматриваются различные виды конструкций с приглагольным конъюнктивом в зависимости от способов выражения их субъекта /ср. Потебня 1958; Făncu 1969, 82; Сидоров, Ильинская 1949, 343–354/. Выделяются следующие типы: а) субъект глагола в конъюнктиве совпадает с субъектом глагола в личной форме; б) субъект глагола в конъюнктиве соотносится с косвенным объектом глагола в личной форме; в) субъект глагола в конъюнктиве соотносится с прямым объектом глагола в личной форме.

а) В рассматриваемую группу входят конструкции, состоящие из глагола в личной форме (с подлежащим, выраженным эксплицитно или подразумеваемым) и глагола в конъюнктиве, который присоединяется к глаголу в личной форме при помощи союза *să* в румынском и *да* в болгарском. Примеры: рум. *și nimeni nu putea să-l lege nici măcar în lanțuri* (Марк, 5, 3) ‘И никто не мог его связать даже цепями’; бол. *И никой не можеше да го върже даже с вериги* (Марк, 5, 3); рум. *și se temeau să-L întrebe despre acest ceea ce* (Лука, 9, 45) ‘А спросить Его о сем слове боялись’, бол. *А бояха се да Го попитат за тая дума* (Лука, 9, 45); рум. *și se du-*

ceau toți să se înscrie, fiecare în cetatea sa (Лука, 2, 3) ‘И пошли все записываться, каждый в свой город’, бол. *И отиваха всички да се записват, всеки в своя град* (Лука, 2, 3).

б) Конструкции этого типа состоят из глагола в личной форме, существительного или местоимения в дативе в функции косвенного дополнения Vfin и глагола в конъюнктиве, который выступает в роли прямого дополнения глагола в личной форме. Примеры: рум. *Iar El le-a poruncit să nu spună nimănui că e s-a întâmplat* (Лука, 8, 56) ‘Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем’; бол. *А Той им заповядь да не назват никому за станалото* (Лука, 8, 56); рум. *Iar portarului i-a roscosit să vegheze* (Марк, 13, 34) ‘И приказал привратнику бодрствовать’; бол. *И заповядь на вратара да бъде буден* (Марк, 13, 34).

в) Этот тип конструкций отличается от рассмотренных выше характером дополнения, с которым соотносится субъект глагола в конъюнктиве /ср. Gramatica limbii române II, 1963, 157, 287; Guțu Romalo 1973, 170–172/. Существенно, что Vfin в анализируемых конструкциях чаще всего относится к классу глаголов, способных иметь два прямых дополнения, – одно в форме одушевленного существительного, – другое в форме существительного неодушевленного или глагола в конъюнктиве. Ср. рум.: *Și le-a zis Iisus: Veni și după Mine, și vă voi face să fiți pescari de oameni.* (Марк, 1, 17) ‘И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков’; бол. *И рече им Иисус: вървете след мене, и Аз ще ви направя да бъдете ловци на човеци* (Марк, 1, 17); рум. *Și a zis Iisus: Faceți pe oameni să se așeze* (Иоан, 6, 10) ‘Иисус сказал: велите им возлечь’; бол. *Иисус рече: накарайте човеците да насядат* (Иоан, 6, 10); рум. *Și pe cînd Iisus vorbea, un fariseu îl întreagă să pînzească la el* (Лука, 11, 37) ‘Когда Он говорил это, один фарисей просил Его к себе обедать’; бол. *И когато Той говореше, един фарисей Го помоли да обядва у него* (Лука, 11, 37).

Цепочки глаголов. Нередко в результате склеивания нескольких ядерных структур образуются цепочки, в которых первая структура является подчиняющей по отношению ко второй, вторая по отношению к третьей, третья – по отношению к четвер-

той;ср. рум. *Unde voiești să mergem să gătim, ca să mănânci Paștile* (Marcu, 14, 12) ‘Где хочешь есть пасху? мы пойдем и приготовим (досл. Куда ты хочешь, чтобы мы пошли готовить, чтобы ты ел пасху?) ($V_1 V_2 V_3$).

Все конструкции этого рода различаются по признаку совпадения/несовпадения/ частичного совпадения субъектов глаголов, из которых состоят цепочки. Ср., например: 1) все глаголы имеют общий субъект: рум. *Vru să se aplice pe loc să răspundă* (Rebr., 24) досл. ‘Он хотел тут же приняться отвечать’; *A vrut să învețe și el să cante* ‘Он тоже хотел выучиться петь’; бол. *Искаше да се научи и той да пее;* 2) субъекты V_1 и V_2 совпадают; субъект V_3 соотносится с прямым или косвенным объектом V_3 : рум. *Din pricina ei n-a putut... să-i propună lui Titu să locuiască chiar la dânsii.* (Rebr., 18) ‘Из-за нее он не мог предложить Титу жить у них’; бол. *Поради нея Гаврилаш не можа да предложи на Титу да живее у самите тях;* ср. также: рум. *și ei au început să-L roage să se ducă din hotarele lor* (Marcu, 5, 17) ‘И начала просить Его, чтобы отошел от пределов их’; бол. *И наченаха да Го молят да си отиде от пределите им* (Марк, 5, 17); рум. *Iar Iisus a zis către ei: Puteți, oare, să faceți pe fiiliunii să postească, căt timp Mirele este cu ei?* (Luca, 5, 34) ‘Он сказал им: можете ли заставить сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених?’; бол. *Той им рече: нима можете накара сватбарите да постят, когато с тях е младоженецът?* (Лука, 5, 34); 3) субъект V_1 совпадает с субъектом V_3 ; субъект V_2 соотносится с прямым или косвенным объектом V_1 ср. *Puneau la răspîntii pe cei bolnavi, și-L rugau să le îngăduie să se atingă măcar de poala hainei* (Marcu, 6, 56) ‘Клали больных на открытых местах, и просили Его, чтобы им прикоснуться хотя к краю одежды Его’; бол. *Навсякъде поставяха болните по тържищата и Го молеха, да се допрат поне до полата на дрехата му* (Марк, 6, 56); 4) все глаголы имеют разные субъекты; при этом субъект V_2 соотносится с прямым или косвенным объектом V_1 ; V_3 – с объектом V_2 : рум. *și le-a zis să-i dea copilei să mănânce* (Marcu, 5, 43) ‘И сказал, чтобы дали ей есть’; ср. также: рум. *și a poruncit El să i se dea să mănânce* (Luca, 8, 55) ‘И Он велел дать ей есть’; бол. *И Той заповядда да и дадат да яде* (Лука, 8, 55), где субъект V_3 соотносится с косвенным объектом V_2 ;

5) все глаголы имеют разные субъекты и не соотносятся между собой: рум. *Doamne, vrei să zicem să se coboare foc din cer și să-i mistui, cum a făcut și Ilie* (Лука, 9, 54) ‘Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?'; бол. *Господи, искаш ли да кажем да падне огън от небето и да го изтреби, както и Илия направи?* (Лука, 9, 54).

Конструкции с присубстантивным конъюнктивом

В данном разделе рассматриваются структуры, состоящие из существительного (Subst) и глагола в конъюнктиве (resp да-конструкции), выступающих в атрибутивной функции;ср. рум. *Și după ce s-a înțeles că războiul va fi urmat de pauză* (Лука, 1, 57);ср. также рум. *Am avut fericierea să ne cunoaștem azi în tren cu domnul Iuga* (Ребр. 28) ‘Мы имели счастье познакомиться сегодня в поезде с господином Йугой’; бол. *Имах щастие да се запозная днес във влака с господин Йуга* (Ребр., 25) (ср. Diaconescu 1977; Деянова 1974; Boström 1957). Между существительным и глаголом располагаются комплексы клитик. Минимальная группа клитик состоит из показателя конъюнктива *să* в румынском и союза *да* в болгарском, максимальная составляет пять элементов в румынском и четыре в болгарском (см. раздел, посвященный клитикам). Порядок расположения компонентов, анализируемой конструкции, как правило, следующий: Subst + комплекс клитик + V conj.ср. рум. *Iată, v-am dat putere să călcati peste șerpi și peste scorpiii* (Лука, 10, 19) ‘Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов’; бол. *Ето, давам ви власт да настъпвате на змии и скорпии* (Лука, 10, 19); рум. *Nu știi că am putere să Te eliberez și putere să să Te răstignesc* (Иоан, 19, 10) ‘Не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя?’; бол. *Не знаешь ли, че имам власт да Те разпна, и власт имам да Те пусна?* (Иоан, 19, 10); рум. *Era momentul suprem să se gătească pentru disearea* (Ребр., 24) ‘То был торжественный момент приготовиться к вечеру’; бол. *Беше крайно време да се пригответи за довечера* (Ребр., 21). Между Subst и комплексом клитик могут стоять следующие классы слов: прилагательные в роли определения Subst (в румынском);ср. рум.

și-a închipuit că poate se va ivi totuși un prilej favorabil să pregătească măcar terenul (Rebr., 34) ‘Он представил себе, что, может быть, представится благоприятный случай хотя бы подготовить почву’;ср. ту же фразу в переводе на болгарский: *Представи си, че може би ще се яви все пак благоприятен случай да подготви поне почвата* (Ребр., 31); притяжательные местоимения, часто в сочетании с прилагательным (в румынском): *Refuzul ei să stea la față mai mult de douăzeci și patru de ore* (Rebr., 34) ‘Ее отказ жить в деревне более двадцати четырех часов’; болг. *Отказът ѝ да остава на село повече от двайсет и четири часа* (Ребр., 31); существительные в функции несогласованных определений Subst:cp. рум. *În ziile acelea a ieșit porunca de la Cezarul August să se înscrive totă lumea* (Luca, 2, 1) ‘В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле’; бол. *През ония дни излезе от кесаря Августа заповед да се направи преброяване по целата земя* (Лука, 2, 1).

Существительные, которые могут выступать в качестве первого элемента рассматриваемой конструкции (т.е. в роли Subst).

Здесь используется принцип классификации М. Деяновой существительных в сочетании с аналогичными конструкциями в сербокорватском (см. Деянова 1974, 154–165).

С модальным значением. 1) Активное внутреннее отношение субъекта к действию: ‘желание’ рум. *dor, dorință, poftă, voință*; бол. *воля, искане, желание*; ‘стремление’ рум. *ambitie, căutare, osteneală, poruire, răvnă, străduință, tendință*; бол. *стремеж, стремление*; ‘намерение’ рум. *gând, intenție*; бол. *намерение, умисъл*; ‘предпочтение’ рум. *preferință*; бол. *предпочитане, предимство*; ‘надежда’ рум. *speranță*; бол. *надежда*; 2) Волеизъявление: ‘решение’ рум. *hotărâre*; бол. *решение*; ‘согласие’ рум. *consens, încurajare*; бол. *съгласие*; ‘отказ’ рум. *refuz*; бол. *отказ, отказване*; ‘попытка’ рум. *încercare, îndrăzneală*; ‘упорство’ рум. *împotrívire*; ‘вера’ рум. *credință*; бол. *вѣра, увереност*; ‘ответственность’ рум. *răspundere*; ‘клятва’ рум. *jurămînt*; 3) Способность, расположение (внутренняя возможность): ‘возможность’ рум. *putere, putință* (ср. *peribilitate*); бол. *возможност*; ‘умение’ рум. *ștîință*; ‘искусство’.

рум. *artă, mestesug*; бол. *изкусство, маисторство*; ‘привычка’ рум. *deprindere, obicei, obisnuință*; бол. *навик*; ‘смелость’ рум. *curaj*; ‘дар’ рум. *dar*; ‘опыт’ рум. *experiență*; бол. *опит*; ‘способность’ рум. *aptitudine, capacitate, facultate*; бол. *способность*; ‘сила’ рум. *forță*; ‘свойство’ рум. *însușire, proprietate*; бол. *свойство*; ‘ловкость’ рум. *dexteritate*; ‘усилие’ рум. *efort, sforțare*; бол. *усилие*; ‘нетерпение’ рум. *nețădere*; бол. *нетерпение*; ‘любопытство’ рум. *curiozitate*; бол. *любопытство* и др.; 4) Возможность (внешняя): ‘возможность’ рум. *posibilitate* (ср. *impossibilitate*), *resurse*; бол. *возможность*; ‘обстоятельство’ рум. *împrejurare*; бол. *обстоятельство*; ‘ситуация’ рум. *situație*; ‘призвание’ рум. *misiune*; бол. *призвание*; ‘повор’ рум. *motiv, pretext, rilej*; бол. *повород*; ‘случай’ рум. *ocazie*; бол. *случай*; ‘цель’ рум. *scop*; бол. *цел*; ‘трудность’ рум. *difficultate*; *greutate*; бол. *трудность*; ‘привилегия’ рум. *privilegiu*; ‘удача’ рум. *noroc, performanță, sănătate*; ‘право’ рум. *drept*; бол. *право*; ‘способ’ рум. *chip, fel, mijloc, mod, modalitate, procedeu, uz*; бол. *способ*; ‘метод, тактика’ рум. *metodă, tactică*; ‘секрет’ рум. *secret*; ‘форма’ рум. *forma*; ‘путь’ рум. *cale*; ‘свобода’ рум. *libertate*; ‘риск’ рум. *risc*; ‘ошибка’ рум. *greșeală* и некоторые другие; 5) Необходимость, обязанность; ‘необходимость’ рум. *necesitate, nevoie, trebuință*; бол. *необходимость*; ‘обязанность’ рум. *obligație*; бол. *дълг*; ‘долг’ рум. *datorie*; бол. *дълг*; 6) Побуждение: ‘побуждение’ рум. *încitare, impulsie*; бол. *подбуждане, подтикване*; ‘приказ’ рум. *comandă*; бол. *поръчка*; ‘предложение’ рум. *propunere*; бол. *предложение*; ‘приглашение’ рум. *invitație*; бол. *покана*; ‘призыв’ рум. *chemare*; ‘настойчивость’ рум. *insistență*; ‘искушение’ рум. *ispită, tentație*; ‘поручение’ рум. *însarcinare*; ‘разрешение’ рум. *aprobație, autorizație*.

Без модального значения. 1) Процесс или результат мысли: ‘идея, мысль’ рум. *gând, idee*; бол. *идея, мысль*; ‘внимание’ рум. *atenție*; ‘ощущение’ рум. *senzație*; ‘впечатление’ рум. *imprese*; ‘забота’ рум. *grijă*; ‘рефлекс’ рум. *reflex*; 2) Эмоциональное состояние: ‘радость’ рум. *bucuriere*; бол. *радост*; ‘счастье’ рум. *sfârșire*; бол. *щастие*; ‘удовольствие’ рум. *plăcere* (ср. *neplăcere*);

бол. *удоволствие*; ‘удивление’ рум. *surprindere, surpriză*; ‘удовлетворение’ рум. *satisfăe*; ‘гордость’ рум. *orgoliu*; ‘сожаление’ рум. *părere de rău, regret*; ‘страх’ рум. *spaimă, teamă*; ‘стыд’ рум. *rușine* ‘трагедия’ рум. *tragédie*; ‘чувство’ рум. *sentiment*; ‘тоска’ рум. *nostalgie*; ‘самолюбие’ рум. *amorul propriu*; ‘ страсть’ рум. *pasiune*; ‘блаженство’ рум. *voluptate*; ‘иллюзия’ рум. *iluzie*; 3) Этические понятия: ‘честь’ рум. *cinstă*; бол. *чест*; ‘такт’ рум. *tact*; болг. *такт*; ‘заслуга’ рум. *merit*; болг. *заслуга*; ‘подлость’ рум. *lașitate*; ‘преступление’ рум. *crimă*.

В конструкциях с присубстантивным конъюнктивом чаще всего бывает тем или иным способом выражен семантический субъект, который в большинстве случаев является общим для *Subst* и *Vfin*. Информация о субъекте, как правило, содержится в следующих элементах рассматриваемой конструкции: а) существительное в генитиве, которое выступает в функции несогласованного определения *Subst* (в румынском); б) существительное или местоимение с предлогом в той же функции (румынский и болгарский); в) притяжательное местоимение, определяющее *Subst*; г) возвратное или возвратно-притяжательное местоимение *Vfin* (румынский и лишь отчасти болгарский); д) существительное или местоимение, выполняющее роль субъекта *Vfin*; е) подлежащее того предложения, в состав которого входит конструкция с присубстантивным конъюнктивом. Рассмотрим каждый из этих типов в отдельности:

а) Эта конструкция состоит из существительного в номинативе (или другом падеже), существительного в генитиве и глагола в конъюнктиве, которые присоединяется с помощью показателя конъюнктива или предлога и показателя конъюнктива;ср. *Datorile femeiei să dea ascultare bărbatului* ‘Долг жены слушаться мужа’. В подавляющем большинстве случаев 1) *Subst* в генитиве играет роль генитива субъекта; 2) Имеет место тождество субъектов *Subst* и *Vfin*. Однако, возможен генитив объекта и, соответственно, отсутствие тождества субъектов *Subst* и *Vfin*;ср. *Incitarea celorialți să-i urmeze exemplul* досл. ‘Подстрекательство других следовать его примеру’. Интересен также редко встречающийся тип конструкций, где субъекты *Subst* и *Vfin* не совпадают, существи-

тельное в генитиве, определяющее *Subst*, является его семантическим субъектом, а субъект *Vfin* выражен с помощью притяжательного местоимения, выступающего в роли определения существительного в генитиве;ср. *Cedind în sistențelor elevei sale să plece în Scoția* ‘Уступая настояниям своей ученицы уехать в Шотландию’. Иногда в конструкциях этого типа содержатся и другие указания на то, каким должен быть субъект *Vfin*. Здесь главную роль играют возвратные и возвратно-притяжательные местоимения глагола в конъюнктиве;ср. *Nevoia animalului rănit să se ascundă* ‘Потребность раненого животного спрятаться’;

б) В конструкциях этого типа субъекты *Subst* и *Vfin* тождественны и соотносятся с несогласованным определением *Subst*, выраженным существительным или местоимением с предлогом;ср. рум. *În zilele acelea a ieșit porunca de la Cezarul August să se înscrive toată lumea* (*Лука*, 2, 1) ‘В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле’; бол. *През ония дни излезе от кесаря Августа заповед – да се направи преброяване по цялата земя* (*Лука*, 2, 1);

в) В конструкциях с притяжательными местоимениями, как правило, имеет место тождество субъектов *Subst* и *Vfin*;ср. рум. *Refuzul ei să stea la țară mai mult de douăzeci și patru de ore* досл. ‘Ее отказ находится в деревне больше двадцати четырех часов’; бол. *Отказът ѝ да остава на село повече от двайсет и четири часа* (*Ребр.*, 31); рум. *Hotărârea lui să se facă explorator polar* досл. ‘Его решение сделаться полярным исследователем’; бол. *Решението си да стане изследовател на Северния полюс*;

4) Рассматривая конструкции с *Vfin* возвратным глаголом, важно подчеркнуть, что румынские возвратные местоимения, в отличие от болгарских, различаются по лицам и числам и поэтому возвратный глагол в конъюнктиве всегда содержит информацию о лице и числе. Ср. *Un efort să mă adun asupra unui capitol de filozofie indică* досл. ‘Усилие сосредоточиться на одном из разделов индийской философии’. Все сказанное выше относится и к румынским возвратно-притяжательным местоимениям в дативе;ср. *Dorința să-și mărturisească răcătele* ‘Желание сознаться в своих грехах’;

д) Конструкции с эксплицитно выраженным субъектом Vfin встречаются достаточно редко;ср. рум. *Am moti vele mele să-mi displace acești oameni* ‘У менять есть свои причины, чтобы мне не нравились эти люди’; *Venise ceasul să cădă și ei în nat în ghearele unui urs alb* (Fram, 177) досл. ‘Пришел час им тоже (досл. они тоже) попасть в лапы белого медведя’; бол. *Беше дошъл час ѝ и те без сили и без оружие да попаднат като лов в лапите на един бял мечок.*

Ранговая грамматика румынских и болгарских клитик

В структуре балканского текста важную роль играют клитики. У них относятся одно-двусложные незнаменательные слова — предлоги, союзы, местоимения, частицы, образующие довольно большие группы (комплексы), в которых каждый элемент занимает строго определенное место (Jakobson 1935; Găzdaru 1935; Décaux 1955; Иванов 1963; Иванов 1965; Цыхун 1968; Цывьян 1974). Один из возможных способов описания таких групп — ранговая грамматика, или грамматика порядков. В данном исследовании используется методика, разработанная в известной статье И.И. Ревзина и Г.Д. Юлдашевой (Ревзин, Юлдашева 1969), — в ее применении к румынскому и болгарскому материалу. При этом мы ограничиваемся анализом групп клитик, центральным элементом которых являются показатель конъюнктива *să* в румынском и союз *да* в болгарском.

Способы порождения этих групп клитик отражены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Порядок Клитика	-2	-1	0	+ 1	+ 2.1	+ 2.2	+ 3.1	+ 3.2	+ 4
nu	fără	să	nu	îmi	îmi	mă	mă	cam	
				ți	ți	te	te	mai	
				î	î	l,o	se	prea	
				ne	ne	ne	ne	și	
				vă	vă	vă	vă	tot	
				le	își	îi,le	se		

Таблица 2

Порядок Клитика	-2	-1	0	+1	+2.1	+2.2	+3.1	+3.2
	не	без	да	не	ми		ме	
					ти		те	
					му		го	
					и си	си	я	се
					ни		ни	
					ви		ви	
					им		ги	

Как можно видеть, центральным элементом группы является для румынского показатель конъюнктива *să*, который никогда не опускается и потому образует минимальную группу. В болгарском аналогичную роль играет союз *да*. Ср., например: рум. *Și poruncind mulțimii să șadă jos pe pământ, a lui cel ce le sapte pîini și pești* (Mat., 15, 35–36) ‘Тогда велел народу возлечь на землю’; бол. *Тогава заповядъ да насяда на землята* (Мат., 15, 35).

Клитикой + 1 порядка служит отрицательная частица *nu* в румынском и, соответственно, *не* в болгарском: *Atunci a poruncit ucenicilor Lui să nu spună nimănui că El este Hristosul* (Mat., 16, 20) ‘Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос’; *Тогава Иисус заповядъ на учениците Си, никому да не обаждат, че Той, Иисус, е Христос* (Мат., 16, 20); рум. *Și cînd a sosit în acest loc, Ie-a zis: Rugați-vă, ca să nu intrați în ișpăță* (Лука, 22, 40) ‘Пришедши же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение’; бол. *молете се да не паднете в изкушение* (Лука, 22, 40); ср., также: рум. *Vă se întâmplă să nu vă aduceți aminte în ce zi sănăteți* (Себ., 35) ‘С вами бывает, что вы не помните, какой сегодня день?’; бол. *се плашеха да не бъдат убити*.

Следующий (+ 2) порядок можно разбить на два подпорядка. К + 2.1 подпорядку относятся личные безударные местоимения в дативе. В отличие от показателя конъюнктива *să* в румынском и союза *да* в болгарском, а также отрицательных частиц в обоих язы-

как, которые не допускают никаких замен, личные местоимения образуют парадигмы из шести элементов в румынском и семи в болгарском, так что каждое местоимение в зависимости от смысла может замещаться другими представителями своей парадигмы. Ср., например: рум. *Cornelia începe să-mi spună că...* (Blaga, 256) ‘Корнелия начинает говорить мне, что ...’; *Eu am vrut să-i cumpăr o perecă* (Neagu, 67) ‘Я хотел(а) купить ему (ей) парик’; *Trebuiе să ne-o cultivăm* (A. Bl., 9) досл. ‘Надо, чтобы мы в себе ее культивировали’; ..*oricând voiți, puteți să le faceți bine* (Marcu, 14, 7) ‘когда захотите, можете им благотворить’; бол. *кога поискате, можете да им сторите добро* (Марк, 14, 7); рум. *și regele s-a întristat, dar pentru jurământ și pentru cei care sedea cu el la masă, a poruncit să i se dea* (Mat., 14, 9) ‘И опечалился царь; но ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей’. бол. *И натъжи се царят; но заради клятвата и сътрапезниците си заповяда да и я дадат* (Мат., 14, 9).

Возвратные местоимения в дативе входят в +3,2 подпорядок. Ср.: рум. *Nu poți să fi-o închipui* (C. Petr., 268) ‘Ты не можешь себе ее вообразить’; как и предыдущий подпорядок, подпорядок +2,2 образует парадигму из шести элементов.

+3 порядок также распадается на два подпорядка. Подпорядок +3,1 состоит из восьми элементов в румынском и семи в болгарском. Его образуют личные безударные местоимения в аккузативе. Примеры: рум. *Pentru aceasta, Pilat căuta să-L elibereze* (Ioan, 19, 12) ‘С этого времени Пилат искал отпустить Его’; бол. *От това време Пилат търсеш случай да Го пусне* (Иоан, 19, 12); рум. *Deci au aruncat-o și nu mai puteau s-o tragă de mulțimea peștilor* (Ioan, 21, 6) ‘Они закинули, и уже не могли вытащить сети от множества рыбы’; бол. *И не можаха вече да я измъкнат поради множество риба* (Иоан, 21, 6); рум. *Și începe să-i descînte* (Bîlea, III, 11) ‘И начинает их заговаривать’; *Vrei să le numești pe toate?* (Seb., 74) ‘Ты хочешь их все пересчитать?’ Подпорядок +3,2 включает возвратные местоимения в аккузативе, образующие в румынском парадигму из шести элементов, а в болгарском представленные возвратным местоимением *се*. Ср., например: рум. *Mă gîndesc să nu se prîbușească prăpastia* (Sor., 25) ‘Я думаю о том, чтобы не раз-

верзлась пропасть'; *El ținsă, răspunzând, i-a zis: Nu este bine să iești pîinea copiilor și să-o arunci căinilor* (Mat., 15, 26) 'Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам'; бол. *А Той отговори и рече: не е добре да се вземе хлябът от чадата и да се хвърли на пестата* (Мат., 15, 26); *Възможност да ми се напечатат две томчета; Найпосле животът започваše да им се усмихва.*

К + 4 порядку в румынском относятся наречия *cum* 'немного, чуль-чуть', *mai* 'еще, больше' *prea* 'слишком', *și* 'как раз, именно; тотчас же', *tot* 'и сейчас еще; все время, постоянно'. Ср.: *Imposibil să-o mai recunoască* (Min., 37) досл. 'Ее уже невозможно узнать'; *Ai voit să-mi și dau părerea asupra-i* (DLRLC, IV, p. 340) 'Ты хотел, чтобы я еще и мнение свое о ней высказал'. В болгарском этот класс наречий выделить не удается, в чем проявляется его отличие от румынского.

В качестве элементов -1 порядка выступают предлоги *fără* в румынском и *без* в болгарском. Они в значительной мере утратили свою предложную функцию и выступают как показатели связи слов. Ср., например: рум. *Am lăsat boțouil fără să beau* (Băn., 75) досл. 'Я оставил бочку, не выпив из нее'; *Să sar din tren fără să mă lovesc prea rău* (Băn., 59) 'Выскочить из поезда и не очень ушибиться'; бол. *Да се изскочи от влака без да се удари;* рум. *Mersi, știi, fără să mai aștepte de astă dată mu strarearea prietenilor* (Petr., 11); бол. *Мерси! – каза тя, без да чака тоя път укорителните погледи* (Петр., 10).

К -2 порядку относится отрицание *nu* в румынском и, соответственно, *не* в болгарском. Оно отличается от отрицательной частицы, входящей в +1 порядок, тем, что сочетается с предлогом, в отличие от первой, которая является отрицанием при глаголе. Обе отрицательные частицы находятся в отношении дополнительного распределения. Ср., например: рум. *Ne-am despărțit nu fără să stabilim o altă oră* (Blaga, 243) досл. 'Мы расстались не без того, чтобы назначить другой час'.

Заметим, что центральный элемент группы клитик в обоих языках может сочетаться с клитикой любого порядка. Порядки группируются вокруг центрального элемента, образуя самые разные сочленения. То, что какой-то порядок опущен, не меняет действительного

порядка следования элементов. Исключение составляет -2 порядок, который не может присоединяться к центральному элементу без -1 порядка. Ср. рум. *nu fără să*, но не: *nu să* и, соответственно, бол. *не без да...* (но не *не да*).

Примеры различных сочетаний клитик:

Группа из одного элемента: *să; da*.

Группа из двух элементов: рум. *fără să; să nu, să-i, să te, să mai; бол. без да; да не, да го, да им, да ги, да я, да ви, да и, да му, да се.*

Группа из трех элементов: рум. *fără să nu, nu fără să; să nu-ți; să nu тă, să nu tai, să mi-l; бол. без да не, не без да; да не го, да му се, да и я, да им се.*

Группа из четырех элементов: рум. *fără să nu tai, să nu-i tai, să mi-l tai.*

Группа из пяти элементов: рум. *să nu i le tai.*

Изложенные выше наблюдения над комплексами румынских и болгарских клитик и попытка установить их иерархию представляют собой один из подходов к проблеме так называемых неполнозначных слов в ее грамматико-типологическом аспекте.

Приложение

Список глаголов, обуславливающих конструкции с конъюнктивом и да-конструкции в румынском и болгарском (на материале Евангелия)

Румынский

<i>aduce (a)</i>	<i>da (a)</i>	<i>înceta (a nu)</i>
<i>ajuta (a)</i>	<i>dori (a)</i>	<i>îndrăzni (a)</i>
<i>alerga (a)</i>	<i>duce (a se)</i>	<i>îngădui (a)</i>
<i>arăta (a)</i>	<i>face (a)</i>	<i>învăța (a)</i>
<i>binevoi (a)</i>	<i>făgădui (a)</i>	<i>învoi (a se)</i>
<i>cădea (a se)</i>	<i>folosi (a)</i>	<i>învrednici (a se)</i>
<i>căuta (a)</i>	<i>hotără (a se)</i>	<i>lăsa (a)</i>
<i>cere (a)</i>	<i>i-ești (a)</i>	<i>nădăjdui (a)</i>
<i>certa (a)</i>	<i>intra (a)</i>	<i>plăcea (a)</i>
<i>cuteza (a)</i>	<i>împiedica (a)</i>	<i>porunci (a)</i>
<i>cuveni (a se)</i>	<i>începe (a)</i>	<i>pregăti (a)</i>

<i>primi</i> (<i>a</i>)	науча
<i>pune</i> (<i>a</i>)	обещая
<i>putea</i> (<i>a</i>)	обичам
<i>ruga</i> (<i>a</i>)	отида
<i>sili</i> (<i>a</i>)	подскажа
<i>spune</i> (<i>a</i>)	позволя
<i>stăruī</i> (<i>a</i>)	поискам
<i>sui</i> (<i>a se</i>)	поръчам
<i>ști</i> (<i>a</i>)	почна
<i>teme</i> (<i>a se</i>)	правя
<i>trebui</i> (<i>a</i>)	приготвя
<i>trimite</i> (<i>a</i>)	приема
<i>uita</i> (<i>a</i>)	престана
<i>veni</i> (<i>a</i>)	пречва
<i>vrea</i> (<i>a</i>), <i>a voi</i> (<i>a</i>)	разпратя
<i>zăbovi</i> (<i>a</i>)	смех
<i>zice</i> (<i>a</i>)	сподобя се
Болгарский	споразумял се
благоволя	съглася се
боя се	тръбвам
влизам	умел
давам	
дойда	
донеса	
забравя	
заповядам	
заметка	
захвана	
изляза	
искам	
кажа	
мога	
моля	
надявам се	
накарам	
настойвам	

Принятые сокращения

- A. Bl. – *Blandiana A.* Calitatea de martor. Buc., 1970.
Băn. – *Bănulescu Șt.* Iarna Bărbătașilor. [Buc.], 1965.
Bîrlea – *Bîrlea O.* Antologie de proză populară epică. I-III. [Buc.], 1966.
Blaga – *Blaga L.* Hronicul și cîntecul vîrstelor. [Buc.], 1970.
C. Petr. – *Petrescu Camil.* Patul lui Procust. [Buc.], 1963.
DLRLC – Dicționarul limbii române literare contemporane. I-IV. Buc., 1955-1957.
Fram – *Petrescu Cezar.* Fram, ursul polar. Buc., 1959.
Mat., Marcu, Luca, Ioan, Faptele – Biblia, Buc., [1990].
Min. – *Minulescu I.* Cetiți-le noaptea. Cluj, 1973.
Neagu – *Neagu F.* Vară buimacă. [Buc.], 1967.
Petr. – *Petrescu Cezar.* Calea Victoriei. Buc., 1982.
Rebr. – *Rebreanu L.* Răscoala. Buc., 1959.
Seb. – *Sebastian M.* Opere alese. Buc., 1962.
Sor. – *Sorescu M.* Insomnii. [Buc.], 1971.
Мат., Марк. Лука, Иоан; Деяния – Библия Н.З. София, 1982.
Петр. – *Петреску Чезар.* Calea Victoriei. София, 1948.
Ребр. – *Ребрану Л.* Въстанието. София, 1957.
Фрам – *Петреску Чезар.* Фрам. полярният мечок. София, 1958.

Литература

- Boström 1957 – *Boström I.* Les noms abstraits accompagnés d'un infinitif et combinés avec avoir. Lund, 1957.
Décaux 1955 – *Décaux E.* Morphologie des enclitiques polonais. Paris, 1955.
Diaconescu 1977 – *Diaconescu I.* Infinitivul în limba română. Buc., 1977.
Frâncu 1969 – *Frâncu C.* Înlocuirea infinitivului în limba română veche // Anuar de lingvistică și istorie literară. 1969. T. XX.
Găzdaru 1935 – *Găzdaru D.* Sopra una conseguenza del carattere di legge fonetica generale della proclisi ed enclisi // Atti del III Congresso Internazionale dei linguisti. Firenze, 1935.

- Gramatica II – Gramatica limbii române. Buc., 1963. V. II.
 Guțu Romalo 1973 – *Guțu Romalo V. Sintaxa limbii române. Probleme și interpretări*. Buc., 1973.
 Iliescu 1968 – *Iliescu M. Encore sur la perte de l'infinitif en roumain // Actes du premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes*. Sofia, 1968.
 Jakobson 1935 – *Jakobson R. Les enclitiques slaves // Atti del III Congresso Internazionale dei linguisti*. Firenze, 1935.
 Андрейчин и др. 1977 – *Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст.* Граматика на българския език. София, 1977.
 Габинский 1970 – *Габинский М.А.* Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970.
 Граматика 1983 – Граматика на съвременния български книжовен език. Синтаксис. София, 1983. Т. 3.
 Деянова 1974 – *Деянова М.* Промени на дистрибуцията на сърбокърватския инфинитив (Наблюдения над упадъка на присубстантивния инфинитив) // БЕ. 1974. Кн. 2.
 Иванов 1963 – *Иванов Вяч. Вс.* Хеттский язык. М., 1963.
 Иванов 1965 – *Иванов Вяч. Вс.* Общеиндоевропейская праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
 Илиева, Малджеева 1991 – *Илиева К., Малджеева В.* К вопросу о типологизации болгарских и русских глаголов на синтаксическом уровне // Съпоставително езикознание. 1991. № 5.
 Мирчев 1937 – *Мирчев К.* Към историята на инфинитивната форма в българския език // Годишник на Софийския университет. 1937. ХХХIII.
 Потебня 1958 – *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I-II
 Ревзин, Юлдашева, 1969 – *Ревзин И.И., Юлдашева Г.* Грамматика порядков и ее использование // ВЯ 1969. № 1.
 Пенчев 1984 – *Пенчев Й.* Страж на българското изречение. София, 1984.
 Попов 1962 – *Попов К.* Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962.
 Свешникова 1977 – *Свешникова Т.Н.* Ранговая грамматика румынских клитик // СБЯ. М., 1977.

- Свешникова 1984 – *Свешникова Т.Н.* Некоторые наблюдения над синтаксисом прилагольного и присубстантивного инфинитива в балканских языках // СБЯ. М., 1984.
- Сидоров, Ильинская 1949 – *Сидоров В.Н., Ильинская И.С.* К вопросу о выражении субъекта и объекта в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1949. Т. VIII. Вып. 4.
- Шивьян 1974 – *Шивьян Т.В.* О построении синтаксиса в грамматике балканского языкового союза // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады и сообщения советской делегации. Бухарест, 4–10 сентября 1974. М., 1974.
- Цыхун 1968 – *Цыхун Е.А.* Синтаксис местоименных клитик в юнославянских языках. Минск. 1968.

94095RUI